Л. Рамбаев

Рассказы о приключениях

Школьный —

MRS. O. S. KAPOOSTIN
1678 - 28TH AVENUE
SAN FRANCISCO, CA 94122

Вл. Рамбаев.

Сказка морских далей.

Разсказы о приключеніях.

Из-во «Парус», Шанхай.
— 1934 —

Mrs. O. S. Kapoostin
1678 - 28th Avenue
San Francisco, CA 94122

Эпиграф.

От юных дней, от дѣтских книжек,
Мы грезим странными мечтами!
Наш мір неясный, мір чудесный,
Он ярк и сказочно — богат...
И кто из нас тогда не выжег,
В душѣ, струящейся цвѣтами
Эмблему сказки неизвѣстной —
Двулапый якорь и фрегат!

Ю. ГАЛИЧ.

СКАЗКА МОРСКИХ ДАЛЕЙ.

12 іюня 1932 г. Шанхай.

Вчера, наконец, мнѣ посчастливилось: послѣ полугодового скитанія по неуютному каменному Шанхаю я совершенно неожиданно устроился помощником штурмана на 150-ти тонную шхуну «Надежда»:

Рыжій Томсон, к которому я обратился, долго сопѣл и пыхтѣл, разсматривая меня, и назначил мнѣ необыкновенно маленькое жалованіе. Но я ухватился за возможность выбраться из Шанхая и тотчас же согласился. Видимо, американец пожалѣл, что не сказал еще меньшую сумму, так как на его лицѣ была выражена явная досада.

К вечеру я уже перебрался на судно и занял свою маленькую, как собачья конура, каюту.

Познакомился с командой... Здоровенные люди, — нѣмцы, китайцы, англичане и латыши: загорѣлые и грубые, но, какбудто, славные ребята...

Шхуна запущенная и грязная, как мусорная яма. Видимо, капитан — убѣжденный пьяница, так как от него несет винным перегаром на нѣсколько шагов.

Придется самому взяться за приведеніе всего в должный вид.

14 іюня.

Вышли в море. Идем на... Соломоновы острова... Эка, черт дернул, куда!.. На нашей-ли скорлупѣ плыть...

Однако, капитан говорит, что шхуна на диво крѣпка и доплывет хотя бы до самаго Сѣвернаго полюса...

Я рад возможности повидать южные острова, о которых только читал у Джэка Лондона да в разных дешевых экзотическихъ романах...

Не могу описать чувства, которое охватило меня, когда, выбравшись из Янцепу и миновав множество встрѣчных барок и джонок, наша маленькая «Надежда» вышла, наконец, на широкій водный простор...

Золотое солнце заливало голубую гладь безбрежнаго моря... Вода журчала под но-

сом, и бѣлая пѣна двумя длинными полосами разбѣгалась по обѣ стороны судна... Далеко на горизонтѣ бѣлѣли паруса такихъ же странников моря, как наша шхуна, и маячили черные силуэты пароходов, коптивших небо клубами чернаго ѣдкаго дыма.

Сердце мое не умѣщалось в груди, когда я оглянулся вокруг и почувствовал, что я опять в родной водной пустынѣ, на зыбкой палубѣ корабля, увидѣл ставшія мнѣ сразу родными и близкими лица матросов и ощутил на лицѣ соленое дыханіе моря.

15-го. В открытом морѣ.

Идем отлично, — вѣтер прекрасный: — ход — 10 узлов. Настроеніе команды бодрое. Часто по вечерам спускаюсь к матросам в кубрик и слушаю их росказни о всякой всячинѣ. Матросы — великіе мастера разсказывать удивительныя и невѣроятныя исторіи из морской жизни...

Одноглазый Джон, высокій, старый и сухой как щепка матрос, неистощим. Разсказывает он мастерски, и не разберешь, гдѣ правда, гдѣ выдумка его богатой фантазіи. Матросы же, проведшіе в морѣ по многу лѣт и сами видѣвшіе многое, как

дѣти вѣрят всякой небылицѣ, все принимают за правду.

Вчера Джон разсказывал о «Летучем Голландцѣ», — проклятом суднѣ, которое носится по волнам уже второй вѣк, и встрѣча с которым грозит гибелью всякому судну. Старик не стѣснялся в описаніях и нагнал на всѣх такого страху, что кое-кто стал креститься и я видѣл, как толстый и усатый обжора Карл Нилсен, блѣдный и перепуганный, стучал зубами и жался, как ребенок, к маленькому и щуплому Гарри, мальчишкѣ-юнгѣ, который с остановившимися глазами и открытым ртом смотрѣл, не мигая, в рот одноглазому Джону.

Старик был очень доволен произведенным впечатлѣніем и, разсказывая, то шипѣл как змѣя, то гремѣл, заставляя вздрагивать своих слушателей.

Вечером.

Я находился в своей каютѣ, когда услышал топот на палубѣ и громкія слова команды капитана. Вскочив с постели, я сразу замѣтил особенную тишину, охватившую все кругом... Шхуна не шевелилась; еще полчаса назад рѣзво бѣжавшая

под упругими парусами, она теперь неподвижно стояла на мѣстѣ.

Предчувствуя недоброе, я поспѣшно выскочил наружу.

Капитан стоял на палубѣ и совершенно трезвым голосом отдавал приказанія. Матросы, как кошки карабкались по вантам на мачты, торопливо убирая паруса...

Я осмотрѣлся... На морѣ была необычная тишь; ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Солнце свѣтило так же сильно, так же жгло своими лучами раскаленную палубу, но в воздухѣ чувствовалась какая-то напряженная и угрожающая тишина. Далеко-далеко, на той линіи, гдѣ чаша неба сливается с морем, по всему горизонту протянулось длинное, низкое черное облако.

Тогда я понял, что идет тайфун, — один из тѣх неожиданных, неизвѣстно гдѣ зарождающихся страшных морских тайфунов, которые мгновенно превращают воду и небо в ад и хаос и, пронесшись, исчезают в далеких гладях океана.

— Убрать все с палубы! — кричал капитан, — закрыть всѣ люки в трюмы! Людям быть готовыми...

Старый морской волк проснулся в этом вѣчно-пьяном человѣкѣ, и, взглянув

на него, я впервые почувствовал к нему большое уваженіе.

1 час ночи.

Спустился, чтобы записать в эту книжку, может быть, в послѣдній раз... Если тайфун не ослабнет, — наша «Надежда» пойдет ко дну...

Бог мой!.. Что творится!.. Это — сущій ад!..

«Надежда» — крѣпкое судно, но нас так вертит и бросает, что мы рискуем быть опрокинуты как игрушечный кораблик.

Всѣ сбились с ног... Одноглазый Джон выбыл из строя: ему сломало руку упавшей реей; Вана, славнаго и веселаго китайца, унесло волной, и мы ничего не могли сдѣлать. Это было так мгновенно... Капитан — молодец!.. Я восхищаюсь им... Он велѣл привязать себя к мачтѣ веревками и не хочет уходить вниз, хотя я и предлагал ему это нѣсколько раз.

Что-то будет?

. . . . . .

18 іюня.

За эти три дня произошли такія удивительныя, прямо сказочныя событія что,

я порой еще не могу повѣрить в реальность всего происходящаго.

Постараюсь описать постепенно и подробно...

К утру тайфун стал ослабѣвать, и мы могли, наконец, вздохнуть свободнѣе, но, вмѣстѣ с огромными валами, ураган принес еще и тяжелый, мокрый морской туман, окутавшій нас густой пеленой.

Бѣдная потрепанная «Надежда», с оголенными мачтами, билась и скакала на угрюмых волнах взбаламученнаго моря.

Я стоял на вахтѣ, у штурвальнаго колеса, и смотрѣл на компас, когда неожиданно рулевой схватил меня за руку и, с посинѣвшим от ужаса лицом и выкатившимися из орбит глазами, уставился на что-то, что было позади меня... С екнувшим сердцем я быстро оглянулся.

Холодныя мурашки побѣжали по моей спинѣ, и страшная слабость влилась в мои ноги...

Совсѣм близко от нас, ныряя и взлетая, показался из молочнаго тумана странный корабль...

Это была старинная бригантина с двумя мачтами, на одной из которых висѣл парус, и развѣвались оборванные клочья других.

Прямо на нас двигался корабль, каких давно уже нѣт и в поминѣ, и которые можно видѣть только в моделях, — в музеях.

— «Летучій Голандец»! — крикнул я внѣ себя, чувствуя, как ужас охватывает все мое существо.

При моем восклицаніи рулевой матрос схватился за грудь и замертво упал на палубу. Я видѣл, как матросы, крича и падая от охватившаго их смертельнаго страха, ползли в разныя стороны, стараясь спрятаться от страшнаго видѣнія, и закрывали свои головы руками. Одноглазый Джон стоял на колѣнях и, подняв свою здоровую руку вверх, — громко молился...

Мертвый корабль был уже настолько близок, что я мог разглядѣть его совершенно ясно... Ни одной живой души не было видно на его палубѣ... Порванные ванты и волочащіяся по водѣ на канатах реи с обрывками парусов показывали, что этот корабль потерпѣл такое же бѣдствіе от ужасающаго урагана, как и мы.

Вот он взлетѣл на гребень высокаго вала, застыл там на мгновеніе, обнажив свое красное днище, а в слѣдующій миг, перевалившись на один бок, стремительно нырнул в глубокую пропасть, в которой находилась «Надежда»...

Надо мной вырос золоченный нос проклятаго корабля, раздался ужасающій треск... «Надежда» круто легла на бок, и огромная волна захлестнула ее от носа до кормы.

Бурлящій и пѣнящійся вал оторвал меня от палубы и поднял высоко на свою кипящую побѣдным ревом вершину. Полуослѣпленный и оглушенный я вдруг увидѣл над собой черный борт корабля, и в глаза мнѣ бросился свисавшій сверху конец корабельнаго каната. Я ухватился за него... Напрягая всѣ силы, я подтянулся, полѣз вверх и, наконец, мѣшком перевалившись через борт, без чувств свалился на палубу...

Придя в себя, я поднялся, оглядѣлся и подумал, что галлюцинирую... Но сомнѣнія быть не могло: я, дѣйствительно, был на палубѣ «Летучаго Голландца»... Оборванные паруса и полный хаос в снастях говорили об отсутствіи на нем команды...

Страшная мысль пришла мнѣ в голову и отрезвила меня: не попал-ли я на один из безвѣстных, покинутых по непонятной причинѣ кораблей, которые до сих пор иногда встрѣчаются в морях и принимаются суевѣрными моряками за проклятые корабли?..

Я взглянул на бушующее море, но — нигдѣ не мог увидѣть нашу «Надежду». Бѣдная шхуна пошла ко дну, перерѣзанная пополам таинственным, никѣм не управляемым кораблем...

Привыкнув к мысли, что я жив и спасен, я рѣшил ознакомиться с таинственным судном, на которое попал волею случая, чтобы знать, чего мнѣ ожидать от пребыванія на нем...

Первый же бѣглый осмотр привел меня в неописуемое изумленіе: несмотря на разрушенія, причиненныя ему ураганом, судно было совершенно новое, а на палубѣ, на разбитом ящикѣ, я увидѣл хорошо знакомую надпись: «Стандарт Ойль Ко»...

Пораженный и недоумѣвающій, я направился к кормѣ, на которой возвышались сохранившіяся каютныя надстройки, — надѣясь в каютах найти какое-нибудь объясненіе. Кромѣ того, практическія мысли житейскаго характера встали передо мной. Я был один на этом покинутом суднѣ, очевидно, сорвавшемся с якоря в какой-то гавани, гдѣ оно стояло, как музейная рѣдкость... Были-ли хоть какіе-нибудь пищевые продукты и вода на этом суднѣ?... Этот вопрос больше всего волновал меня в данную минуту.

Послѣ осмотра я должен был взяться за управленіе судном, чтобы вернуться на ту «морскую дорогу», гдѣ можно было бы встрѣтить какое-либо судно.

Кормовыя надстройки оказались совершенно разбитыми, и я отправился по крутой лѣстницѣ в нижнее помѣщеніе.

Спустившись на нѣсколько шагов, я остановился, не вѣря собственному слуху.. До меня явственно донеслась живая человѣческая рѣчь: кто-то говорил по-англійски! Голос был тонкій, жалобный и плачущій. Из-за скрипа снастей и грохота катавшихся по палубѣ от качки обломков я не мог разобрать, что говорил этот голос, но уже одно сознаніе, что я не один на этом суднѣ, — обрадовало меня и влило струю бодрости...

Я открыл маленькую дверь.

В небольшом полутемном помѣщеніи, освѣщавшемся только свѣтом из квадратнаго окна, постоянно захлестываемаго зеленой водой, находилось три человѣка. Двое лежали на койках у стѣны и были совершенно неподвижны, а третій, высокій, тонкій человѣк, стоял ко мнѣ спиной и, сжимая руки, говорил одному из лежавших:

— Поймите-же, Мак Кри, что мы погубили судно!... Судно! Вы понимаете, что

значит? Мы потопили людей?! Мак-Кри!

Он наклонился к лежавшему, и видно было, как он судорожно тормошил его.

— Боже мой! — продолжал он. — Я, кажется, с ума сойду!.. Мак-Кри!

Лежавшій медленно шевельнул рукой, и я услышал слабый отвѣт:

— Оставьте меня в покоѣ, Грегор! Мнѣ все равно... Я, кажется, сам умираю!

Высокій, названный Грегором, судорожно заломил руки и со стоном выкрикнул:

— Но, вѣдь, и мы гибнем!.. Нас несет все дальше и дальше. Вы погубили меня, Мак-Кри!.. Вы! Только вы! Этой вашей идіотской съемкой вы привели меня к гибели!.. У-у, как я вас ненавижу! Проклятый! Проклятый!

Молодой человѣк упал головой на стол, и плечи его затряслись от рыданій.

Я не понял в этом разговорѣ ничего, но видѣл, что люди попали в тяжелое положеніе, очевидно, совершенно невольно.

— Джентльмены! — громко сказал я.

Молодой человѣк подпрыгнул, как от удара электрическаго тока. Он вскочил на ноги и, полный радостнаго изумленія, смотрѣл на меня, не вѣря своим глазам. Даже лежавшій на койкѣ и собравшійся умирать человѣк быстро повернул голову ко мнѣ и попытался встать, но, охнув, взялся за голову и снова свалился на свое мѣсто.

— Вы!.. Моряк!.. — закричал молодой человѣк, бросаясь ко мнѣ и обнимая, как своего родного брата. — Ура!! Мак-Кри! Спасеніе!! Гдѣ оно, гдѣ ваше спасательное судно? — Он кинулся к дверям, но я задержал его.

— Джентльмены! — сказал я, — только что ваше судно наскочило на шхуну „Надежда“ и потопило ее со всей командой, но мнѣ удивительным образом удалось спастись и очутиться на вашем кораблѣ... Мы всѣ, я вижу, товарищи по несчастью... Я — моряк и смогу что-нибудь сдѣлать, чтобы мы могли в скорѣйшем времени вернуться в тѣ мѣста, гдѣ нас могут замѣтить проходящія суда...

Услышав все это, Грегор снова впал в бурное отчаяніе, но Мак-Кри сочувственно кивнул головой.

— Распоряжайтесь, сэр, — произнес он. — Я очень рад вашему появленію. Оно не менѣе сказочно, чѣм и наше здѣсь присутствіе... Грегор, разбудите, пожалуйста, Стэна и постучите в дверь к мисс Кин... Необходимо собраться всѣм для обсужденія...

Проговорив такую длинную фразу, он сжал голову руками, уткнулся в подушку и застонал.

— Морская болѣзнь!.. — через минуту сказал он. — Умираю!.. Едва дышу!..

В это время маленькая дверь отворилась, и молодая дѣвушка с утомленным и заплаканным лицом вошла в каюту и также удивленно-радостно кинулась ко мнѣ.

— Неужели нас замѣтил корабль, и вы пріѣхали за нами? — воскликнула она.

Когда я повторил ей то же, что сказал минутой раньше, на ея глазах навернулись слезы, и она безсильно опустилась на стул.

— Господа, — сказал Мак-Кри, с трудом поднимаясь на койкѣ и застегивая ворот сорочки на своей жилистой шеѣ, — познакомимся... Грегор, пожалуйста, дайте мнѣ воды.. Сэр, — обратился он ко мнѣ, — мы — члены кинематографической труппы „Файф Старс Компани“... Ея картины, не сомнѣваюсь, вам хорошо извѣстны... Это — мисс Мэри Кин, звѣзда нашей компаніи; м-р Чарльз Грегор, премьер и звѣзда, я — Джон Мак-Кри, режессер, и это — Роберт Стэн, оператор... Три дня назад мы прибыли на один из Соломоновых островов, гдѣ нас ожидала эта бригантина, построенная по нашему заказу, для съемок большой картины из жизни пиратов... Мы четверо прибыли первыми на эту калошу, чтобы осмотрѣть ее и расписать сцены. Нам здѣсь очень понравилось, и мы рѣшили даже остаться переночевать на кораблѣ, — мисс Кин и мистер Грегор, — чтобы зарядиться настроеніем старины, а я и Стэн — по глу... гм... за компанію.

Двух матросов, живших в этой каютѣ, мы послали на берег за нашими вещами и за нѣкоторыми членами труппы и, пока они были в отсутствіи, мы наслаждались изумительной красотой южной ночи... Но, черт побрал... Была уже полночь, а эти подлецы-матросы все еще не возвращались, и мы принуждены были, наконец, лечь спать в их каютѣ, как это ни было непріятно. Мисс Кин расположилась в сосѣдней, маленькой.

На слѣдующее утро мы были поражены, когда, выйдя на качавшуюся палубу, не увидѣли берегов .. Представьте себѣ, — мы были в открытом морѣ! Оказывается, нас сорвало с якоря и вынесло в море. На наше несчастье на мачтах были подняты всѣ паруса: их вздернули на мачты для просушки послѣ недавняго ливня. Кто мог ожидать, что они сослужат нам такую службу!

Потом я, Стен и мисс Кин свалились от морской болѣзни, а Грегор ничего не мог сдѣлать один, и нас несло все дальше и дальше... Трепало и бросало, как щепку! Собственно, я был увѣрен, что нам не придется увидѣть уже солнечнаго утра! Вот и все..

Я назвал себя.

Услышав, что я моряк, всѣ очень обрадовались, и Мак-Кри, водворив тишину, сказал, обращаясь ко мнѣ:

— Мистер Кедров! Мы передаем вам всѣ полномочія власти на кораблѣ. Вы — капитан. Дѣлайте, что найдете нужным, — только спасите нас всѣх и выведите отсюда, из этих морских пустынь...

Остальные подтвердили свое согласіе подчиняться мнѣ, а Грегор долго с чувством жал мнѣ руку и лепетал что-то благодарное...

— Хорошо! — твердо сказал я, сразу составляя план дѣйствія и поведенія. — Есть у вас оружіе?

Мак-Кри удивленно посмотрѣл на меня и вынул небольшой револьвер. Я взял его и сунул себѣ в карман.

— Джентльмены, — обратился я затѣм к мужчинам, — с этой минуты капитан и хозяин положенія на этом суднѣ — я... Я

приложу всѣ силы, чтобы вернуться на тот морской путь, гдѣ мы сможем встрѣтить какое-либо судно, которое возьмет нас на борт. Но я требую безпрекословнаго себѣ повиновенія... Тот, кто вздумает артачиться, познакомится с моими кулаками. Я не постѣсняюсь разбить в кровь физіономію почтеннаго режиссера Мак-Кри или извѣстнаго артиста и любимца женщин всего міра, мистера Чарльза Грегора, а в случаѣ общаго бунта уложу без сожалѣнія на мѣстѣ всякаго, кто ко мнѣ приблизится... Итак, понятно?... А теперь дайте мнѣ переодѣться в сухую одежду и отправляйтесь всѣ на палубу. Мы будем приводить в порядок судно и перемѣним курс...

Мужчины были ошеломлены моими словами и смотрѣли на меня, выпучив глаза.

— Ну, живо!... — рѣшительно повторил я.

Мак-Кри безсильно упал на подушку, его губы что-то шептали. Грегор с испугом смотрѣл на мѣня, а Стэн, привыкшій, очевидно, к приказаніям, которых ему приходилось слышать немало, корчась от боли, послушно спустил свои ноги с койки и стал обуваться.

— Мистер Кедров... Это невозможно!

— наконец, пробормотал Мак-Кри. — Я не в состояніи подняться...

— Я считаю до трех... — холодно сказал я. — И если вы не будете на палубѣ, я изобью вас всѣх, как паршивых собак...

С жалобным восклицаніем блѣдный Грегор выскочил из каюты наверх. Стэн поднялся, с уваженіем поглядѣл на меня, вышел неувѣренной походкой из каюты. Мак-Кри, тяжело пыхтя и сопя, поднялся и, с виноватым видом посмотрѣв на мисс Кин, стал одѣваться...

Тогда я обратился к прославленной звѣздѣ. Мисс Мэри Кин продолжала стоять у дверей своей каютки и горящими глазами слѣдила за всѣм происходившим.

— Черт возьми!... — воскликнула она, откидывая со лба темные волосы и обнажив в чудесной улыбкѣ ряд мелких ослѣпительных зубов, — в первый раз за эти три дня я слышу рѣчь настоящаго мужчины... Я охотно буду подчиняться всѣм вашим приказаніям... капитан!

Я поклонился ей и попросил, чтобы она занялась составленіем полнаго списка продуктов, имѣющихся в запасѣ, и, вообще, взяла на себя завѣдываніе дѣлом снабженія всѣх нас пищей.

Мисс Кин с довольным видом схватила карандаш и блок-нот и открыла большую корзинку, стоявшую на полу.

Между тѣм, Мак-Кри поднялся и, шатаясь от качки и головной боли, махнул безнадежно рукой и поплелся к выходу.

Переодѣвшись в оставленную матросами одежду и поднявшись на палубу, я принялся приводить ее в порядок. Мужчины послушно исполняли мои приказанія, но без смѣха нельзя было смотрѣть на их неуклюжія движенія, когда они двигались по наклонной палубѣ, со страхом хватаясь за все.

— Хорошо! — сказал я. — Теперь, Мак-Кри, возьмите этот большой нож и станьте у борта. Когда эта большая рея свалится в воду, обрѣжьте канаты, связывающіе ее с судном. Вы, Грегор, отправляйтесь на мачту, освободите рею, прикрѣпите парус и исполняйте, то, что я вам буду приказывать... Вы, Стэн, стойте у мачты и крѣпите тѣ канаты, которые будут слабнуть... я сам стану на руль... Попробуем повернуть наше корыто обратно...

— Мистер Кедров... Капитан... — испугано залепетал Грегор, с ужасом глядя на меня, — я не могу лѣзть на мачту... Я свалюсь... Ей Богу, избавьте... Умоляю вас!..

Его вид разозлил меня. Неужели это тот самый Грегор, игрой котораго я восхищался, трюки и приключенія котораго были всегда верхом безумія и риска?... Передо мной стоял жалкій, чуть не плачущій человѣк, готовый упасть на колѣни... Я замѣтил, как невольно улыбнулся и подмигнул Стэну Мак-Кри.

— Вы сейчас же полѣзете на мачту, или я выброшу вас за борт! — сказал я и отвернулся.

Я слышал, как зашмыгал носом Грегор, очевидно, он плакал, эта трусливая крыса... — потом, повернувшись, я увидѣл, как он, с помощью Стэна, неуклюже взбирался по вантам на мачту.

Через три часа утомительной работы, когда я остался без голоса, а мои спутники буквально валились от усталости, я добился-таки своего: мы поставили кливер и один большой парус, сдѣлали поворот, и теперь, слегка наклонившись на один борт, наша бригантина, хоть медленно, но двигалась вперед.

Я подозвал к себѣ своих невольных матросов. Мысль о том, что мнѣ приходится командовать людьми с громкой мірovой славой и кричать на них, показалась мнѣ сейчас чрезвычайно забавной. Но видит Бог, — я не дѣлал ничего умышленно, но все только для общей пользы.

Они подошли ко мнѣ, усталые и мрачные, вытирая свои окровавленныя, натертыя руки, и послушно остановились передо мной. Вид у них был покорный и убитый.

— Как вы себя чувствуете, Мак-Кри? — спросил я стараго режиссера.

— Благодарю вас... Голова прошла. Вообще, — лучше... — отвѣтил он и вдруг улыбнулся: — Дѣйствительно, лучше, м-р Кедров!

— Теперь вы можете спуститься вниз и отдохнуть, — сказал я. — Я останусь у руля... Через два часа вы, Мак-Кри, смѣните меня...

Они стремглав бросились вниз, перегоняя друг друга...

Я остался один.

Чья-то тѣнь выросла за мной. Я оглянулся, — позади меня стояла мисс Кин. Она показала мнѣ список продуктов, имѣющихся в обѣих каютах. Было около 30 банок консервов, хлѣб, сыр, нѣсколько бутылок вина и коньяку, вода. В общем, по-моему, могло хватить на недѣлю, при скромном раціонѣ.

22-ое, кожется.

„Двигаемся очень медленно. Вѣтер по временам падает. Хуже всего, что у меня нѣт никаких способов опредѣлить мѣсто нахожденія судна, — один только маленькій карманный компас служит мнѣ нѣкоторым указателем. Вчера прошли не болѣе 10 узлов за весь день. Все это вселяет в меня тревогу и опасеніе: когда же мы доберемся до „населенных мѣст" океана? До сих пор мы не видѣли ни малѣйшаго слѣда парохода.

Пища подходит к концу. И, самое главное, — вода: ея осталось в маленьком боченкѣ на самом донышкѣ.

Но настроеніе у всѣх довольно бодрое.

Удивительная перемѣна произошла во всѣх моих спутниках.. Мак-Кри прямо расцвѣл. Стэн — отличный работник! Из него был бы хорошій моряк. Когда я сказал ему это, он был очень доволен и хвастался все время перед Мак-Кри. Но Грегор — полное ничтожество! Трус и лѣнтяй.

Узнал, что всѣ опасныя мѣста в его картинах снимались при участіи дублеров. Все это и еще многое разсказывали мнѣ Мак-Кри и мисс Кин.

Мнѣ кажется, что Грегор неравнодушен к этой маленькой кино-знаменитости.

Мак-Кри перемѣнил свое отношеніе к Грегору. Очевидно, эта дутая звѣзда закатывается... Они в натянутых отношеніях между собой.

Но вот, что я замѣтил: эта маленькая дѣвушка, мисс Кин, благоволит ко мнѣ... И мнѣ она нравится"...

23-ье.

„Попрежнему, — никаких признаков на горизонтѣ. Море застыло, как зеркало. Вѣтер упал, и паруса висят, как перебитыя крылья...

Наше положеніе тревожит меня, но я никому ничего не говорю.

Мак-Кри привязался ко мнѣ, и сулит, что устроит для меня дебют в „Файф Старс Ко".

Каждый вечер, когда я стою на вахтѣ, Мэри долго бесѣдует со мной. Иногда, встрѣчаясь с ея глазами, я читаю в них как будто какой-то вопрос... Или, может быть, это мнѣ кажется?

Стэн — славный парень и хорошій товарищ, но Грегор... Грегора никто не любит... И он ненавидит меня... Я чувствую это и знаю, почему"...

25-ое.

„Пищевых припасов хватит только на один день... Грегор перестал с нами разговаривать и держится все время в сторонѣ".

26-ое.

„Сегодня утром раздѣлили послѣдніе остатки пищи и воды.

Если завтра ничего не случится, не появится вѣтер, или мы не увидим на горизонтѣ какого-либо судна, ужасная медленная и мучительная смерть начнет подбираться к нам... Все же, я не подаю вида, что всякая надежда потеряна.

Когда немыслимо будет выносить муки и страданія, я сам убью Мэри, и покончу с собой. В револьверѣ семь пуль, — хватит на всѣх, если только у них найдется мужество покончить с жизнью.

Стэн не сходит с мачты, четвертый день сверля горизонт глазами...

Господи, хотя бы вѣтер появился!"..

28-ое.

„Для кого пишу все это? Не знаю... Но тот, кто найдет мою записную книжку, пусть узнает, что мои муки неизмѣримо

страшнѣе, чѣм тѣ, что испытывают мои товарищи...

Погибнуть теперь, на порогѣ новой, свѣтлой и прекрасной поры, — что может быть ужаснѣе этого...

Вчера ночью, когда на небѣ зажглись милліоны звѣзд, и ночная прохлада опустилась на океан, — я полѣз на мачту и поправил наши сигнальные фонари. Когда я спустился вниз, на палубу, — чья-то длинная тѣнь оторвалась от борта и двинулась ко мнѣ.

Это был Грегор... Подойдя ко мнѣ вплотную, он, не отрываясь, молча и долго смотрѣл на меня полными смертельной ненависти глазами и потом прерывистым шепотом сказал:

— М-р Кедров.., я должен с вами поговорить...

— Я ждал этого, м-р Грегор... Я к вашим услугам...

Он помолчал, как бы подыскивая слова, потом сказал:

— Не обольщайтесь надеждами, м-р Кедров... Вы никогда не получите дебюта в „Файф Старс Компани". Мак-Кри — старый, выжившій из ума болтун... Он заискивает перед вами, потому что боится вас... У меня — талант, реклама и связи...

Вы никогда не затемните меня...

— Это все, что вы хотѣли сказать? — прервал я его.

— Нѣт! Еще одно... Самое важное... — отвѣтил он, впиваясь в меня глазами. — Я люблю Мэри.. Я не слѣпой, чтобы не видѣть фокусов, которые вы устраиваете, чтобы понравиться Мэри... Я люблю ее, и ничто и никто не сможет стать на моем пути... Я отлично понимаю, что мы на краю гибели, но я хочу, чтобы вы дали мнѣ возможность умереть вмѣстѣ с ней...

— Умереть?. — переспросил я. — Можете умирать, если хотите, один, потому что ни я, ни мисс Кин, и никто другой не думает о смерти... Наоборот, мы хотим бороться, чтобы побѣдить и остаться в живых... И, кромѣ того, — тоже самое важное, — я тоже люблю мисс Кин и хотѣл бы знать, чѣм вы можете помѣшать мнѣ...

В слѣдующій миг Грегор кинулся на меня, и его длинные, тонкіе пальцы впились в мое горло...

Я чувствовал уже, что сознаніе оставляет меня, как вдруг громкій женскій крик прорѣзал темноту. Я оторвал Грегора от себя и отбросил его далеко в сторону... Он упал на палубу и, уткнувшись лицом в

пол, стуча кулаками в доски, заплакал слезами безсильнаго бѣшенства и отчаянья.

Потом, поднявшись, подполз к Мэри на колѣнях и, охватив ея ноги руками, стал безсвязно выкрикивать и лепетать что-то о своей любви, о прощеніи и смерти...

— Отойдите от меня, м-р Грегор! — крикнула дѣвушка, стараясь освободиться от него. — Вы — гадкій, злой человѣк!.. Если хотите знать, я все слышала... весь ваш разговор... Знайте, что я люблю мистера Кедрова...

. . . . . .

...„Боже Всемогущій! За что?! Мы испытываем страшныя страданія... Мак-Кри лежит, не двигаясь, и не отвѣчает.

Стэн выползает часто на палубу и впивается в горизонт воспаленными глазами... Мэри не покидает меня. Грегор сошел с ума...

Я с трудом двигаюсь... Язык распух и не умѣщается во рту... Вѣтер, вѣтер, дождь и гром, тайфун и шквал, — вот, что нас теперь спасло бы!.. Воды нѣт, и это самое страшное... Не могу писать болѣе...

Завтра мы умремъ...

Штурман дальняго плаванія Георгій Кедров, б. помощник капитана на погибшей шхунѣ „Надежда".

. . . . . .

5 іюля. Отель „Оріент".

„Сказка не кончилась, сказка продолжается...

Нас замѣтил и подобрал американскій крейсер „Южная Дакота". Он и еще один легкій крейсер плавали по всѣм направленіям в поисках нашей бригантины и унесенных ею артистов.

Теперь о пропавшей бригантинѣ пишут в газетах всего міра, и мы — в центрѣ общаго вниманія...

Мак-Кри цвѣтет и дает интервью сотням корреспондентов, неизмѣнно указывая на меня, как на главнаго героя и спасителя...

Стэн получил тысячи писем от дѣвушек, вдов и... замужних женщин — с предложеніем руки, сердца и состоянія...

Наши портреты — во всѣх журналах... Мнѣ сдѣланы предложенія участвовать в кино-картинах из морской жизни, но Мак-Кри и слышать не хочет, чтобы я согласился на другія предложенія, кромѣ фирмы „Файф-Старс Ко".

Мэри завалена предложеніями от женихов и дѣловых предпріятій, и слава лучшей звѣзды экрана прочно укрѣпилась за ней...

Бѣдный Грегор, дѣйствительно, сошел с ума... Он помѣщен в лечебницу для душевно-больных.

Вот и все... Можно кончить мой случайный дневник, за опубликованіе котораго мнѣ предлагают 5.000 долларов".

* * *

...„Еще одно... Самое главное!

Я и Мэри, мы ѣдем на Гаваи, — справлять свой медовый мѣсяц и крутить нашу первую фильму под режиссерством прославленнаго мастера экранных постановок, Джона Мак-Кри, и извѣстнаго оператора, Роберта Стэна".

———

САМСОН.

В жизни так всегда бывает: живет человѣк в вѣчном невѣдѣніи того, гдѣ ожидает его несчастіе, а гдѣ — улыбка Фортуны.

Так было и с Лещевым.

Цѣлую недѣлю он, Лещев Андрей, казак Оренбургскаго войска, болтался по чужим неуютным улицам Шанхая, голодный, грязный и немытый, в формѣ, переставшей вызывать уваженіе, с сотнями таких же несчастных, измученных, потерявших родину русских, выброшенных на берег с кораблей. Дѣловым, холодным иностранцам не было до них дѣла, и, предоставленные самим себѣ, они наводнили улицы, безтолково суетясь и стараясь хоть как-нибудь устроиться.

Лещов стоял на перекресткѣ Нанкин-Род и какой-то людной шумной улицы, докуривал послѣдній табак и бренчал в карманѣ оставшимися мѣдяками.

Его могучая фигура, облаченная в широчайшіе штаны и защитную гимнастерку с раскрытой грудью, его бѣлая папаха и громадный чуб, лихо выбивавшійся из-под нея, — были здѣсь совершенно необычны... А черная густая, широкая борода поражала всѣх...

Люди останавливались, вглядывались, удивлялись, перешептывались... Нарядные авто с сидящими в них разодѣтыми лэди и джентльменами замедляли ход, и всѣ эти господа и дамы говорили друг другу одно и то же:

— Посмотрите, посмотрите... Настоящій русскій варвар!.. А, вѣдь, эффектен, не правда-ли?..

Наконец, Лещову надоѣло это разглядываніе и, в сердцах сплюнув через зубы на чинную большую собаку в ошейникѣ и на цѣпочкѣ, он прямо пошел через улицу.

Растолкав бѣгущих рикш, он махнул рукой в сторону безпрерывной ленты авто, и в этом жестѣ, во всей его фигурѣ было столько непоколебимой силы, увѣренности и спокойствія, что шофферы, невольно подчиняясь этому простому, но повелительному жесту, сталкиваясь, напирая и тормозя, остановили машины, и Лещов прошел в образовавшійся проход.

— Эй, капитан!.. — услышал он ломанную русскую рѣчь.

Около него остановилась шикарная машина. Молодая барышня и почтенная сѣдая дама сидѣли в ней. Шоффер-китаец, улыбаясь, обратился к Лещову:

— Тебя русски?.. Эта мадама говори... Тебя работай нѣту... Его думай, тебя работай нѣту... Его говори, тебя работай хочу, — его работа есть... Понимай?..

Лещов обрадовался...

— Повезло! — подумал он и, вытянувшись, козырнул дамам и горячо заговорил, обращаясь то к шоффферу, то к женщинам:

— Ваши благородія... Явите такую милость!.. Да ты, мил-человѣк, доложи скорѣе, что я именно в работѣ, хоть какой ни на есть, вот до чего нуждаюсь! . И ежели, что по хозяйству, — так это самое, как раз в точку... Я, сударыня, дозвольте доложить, ежели к лошадям, то могу сказать, лучше меня никто лошадей не знает... Потому — как казак с малых лѣт рожденія. . Но и вообще... Работой никакой не гнушаюсь...

Женщины смотрѣли на него, кивали головами и улыбались, и пожилая сказала что-то шоффферу.

— Его ничего не понимай... — обратился тот к Лещову. — Его англійски... Его прямо говори: два доллара один день... Хочу, — садиса... — и он открыл дверцу машины и указал на мѣсто рядом с собой.

— Слава Богу!.. Вот лафа мнѣ... — подумал Лещов и, лихо щелкнув каблуками и сверкнув в ослѣпительной улыбкѣ двумя рядами бѣлоснѣжных зубов, он козырнул дамам и поспѣшно залѣз в машину.

—o—

Так неожиданно попал Лещов в женскій кружок художниц и — стал их натурщиком.

Когда привезли его туда в первый раз, долго не мог понять Лещов, куда он попал...

Пожилая дама, хозяйка квартиры, в которой находилась студія, и молодая дѣвушка, ея племянница, привезшія Лещова, с восторгом что-то говорили окружавшим их женщинам, указывая на Лещова, в смущеніи стоявшаго в сторонѣ.

— Черт их нагнал сюда цѣлую кучу!.. — думал в тревогѣ он; — полон дом баб, и ни одного мужчины... Что это онѣ там раз-

сказывают?.. Ишь, черти, уставились на меня... Ну, чего смотришь, рыжая морда!.. Ишь, зубы оскалила... Смѣется... Ну, и дура!.. Что они хотят со мной дѣлать? А вдруг да как велят онѣ мнѣ скидывать одежду!.. Слышал я, что англичанки эти самыя, — бѣдовыя, без стыда, то-есть... Ну, нѣт, не согласен... Пропади онѣ совсѣм и с деньгами ихними... — и он опасливо бросил взгляд на ближайшую дверь и оцѣнил разстояніе до конца.

Но когда женщины окружили его со всѣх сторон и, разсматривая и удивляясь его мощной фигурѣ, его чубу, бородѣ и шароварам, пораженныя, что-то говорили друг другу, — появился китаец-шоффер и объяснил Лещову, в чем дѣло...

— А-а, так, значит, мой портрет рисовать желают... А это все значит, рисовальщицы будут? — догадался казак и с удовольствіем добавил: — Что-ж, это можно... Скажи им, что это можно... Я согласен... Ах, шут их возьми! Партрет... Скажи, пожалуйста... — Лещов расправил грудь, пріосанился и взглянул грозно, как надо для «портрета»...

—o—

Дни шли за днями... Лещов привык к своей новой роли, терпѣливо изображал казаков, русских разбойников и бурлаков, получал исправно свои два доллара в день и был бы очень всѣм доволен, если бы не одно маленькое обстоятельство.

Каждый раз, когда мысль Лещова останавливалась на этом, он сокрушенно крутил головой, и настроеніе его неизмѣнно портилось.

— Рыжая дура!.. Вѣдьма чертова! — ругался он в сердцах. — Англичанка распроклятая!.. Ну, скажи на милость, чего ей надо... Не понимает, такая-сякая, что человѣк больше года в полном воздержаніи провел... Мало что-ли тебѣ всяких разных там мистеров Джонов и Чарлей? Чего ко мнѣ то лѣзешь?...

Все это относилось к мисс Эллен, молодой племянницѣ старой лэди. Со второго же дня замѣтил Лещов, что не спускала с него глаз молодая дѣвушка. Странным взглядом смотрѣла она на него, и что-то зовущее было в ея глазах, отчего у Лещова начинало стучать сердце, становилось жарко, и слабѣли ноги. Отводил он глаза в сторону, но нѣт, — чувствовал, — зовет проклятая, зовет взглянуть, встрѣтиться с ея глазами...

А тут еще каждый раз по окончаніи сеанса, когда всѣ разойдутся, и Лещов сидит и за ширмой одѣвается, приходит она, приносит деньги, смотрит на него, странно улыбается и не торопится уходить... И не знал тогда Лещов, что ему дѣлать.

Так было и на этот раз. Как всегда, пришла мисс Эллен, протянула деньги. Лещов, не глядя на нее, взял их и торопливо сунул в карман, пробормотав заученное:

— Тенк ю!

Но она не уходила. Лещов почувствовал, как ея пальчики коснулись мускулов его руки, и услышал удивленное:

— О-о-о!..

Лещов усмѣхнулся, расправил могучія плечи, согнул руки в локтях... Забѣгали под кожей упругіе шары, выпятились, налились мускулы, стали желѣзными...

И вдруг злость охватила Лещова. Он подбѣжал к камину, схватил толстую кочергу, закрутил ее штопором, легко, как тонкую проволоку, и концы связал узлом.

— Вот!.. — в гнѣвѣ сверкая глазами крикнул он. — Видишь?! Силу хочешь видѣть?.. На, смотри! Я не такое скручу... Ну, а меня... Нѣт, меня не скрутишь. Шалишь!.. Чего хочешь?.. Любишь, што-ль.. Аль шутишь? Не пойму я...

Прекрасен был Лещов в эту минуту. Подойдя к мисс Эллен, хотѣл он сказать что-то еще особенно обидное и вдруг почувствовал, как двѣ тонкія руки обвились вокруг его шеи, и близко-близко увидѣл он мерцающіе полузакрытые глаза и манящія знакомыя губы...

Застонав и скрипнув зубами, Лещов схватил дѣвушку в свои объятія и впился в нее безумным огненным поцѣлуем.

Слабо ахнув, мисс Эллен безсильно повисла на его руках.

Лещов покрывал бѣшеными поцѣлуями ея лицо, глаза и губы и опомнился лишь тогда, когда вдруг увидѣл растерзанную бѣлую кофточку и обнаженную дѣвичью грудь...

В ужасѣ вскочил он на ноги и, схватившись себя за голову, попятился к двери и стремительно бросился вон...

—o—

Со страхом и волненіем подходил Лещов на слѣдующій день к дому миес Эллен, — выгонят или нѣт?

Но все было как всегда. Как и всегда, старая лэди привѣтливо улыбнулась ему, и занятія шли как обычно.

Лещов бросал взгляды на мисс Эллен. Она была блѣдна, синіе круги были под глазами... Но когда их взгляды встрѣтились, — она ему улыбнулась и быстро опустила глаза.

Лещов возвращался домой возбужденный и взволнованный.

— Вот так штука! — разсуждал он, почесывая затылок. — Ну, завязался же узелок! А что, как всѣ сродственники узнают? Тогда что? Ну, да ладно. Там увидим... А сейчас, перво-наперво, надо мнѣ ванну принять... Да сорочку купить новую. Ах, ты голубушка! Ну, и бѣдовая!.. Дескать, Андрей, не будь дурак, — приходи, коли зову, в девять часов. Вот тебѣ и ключ от двери, дома то никого не будет... Ну, Лещов, влюбил брат, ты в себя англичанку!

И вертясь перед зеркалом в своей комнатѣ и надѣвая воротничек, Лещов с удовольствіем оглядывал свой сѣрый костюм, купленный на сбереженія в комиссіонном магазинѣ, и с восторгом прислушивался к скрипу своих новых лаковых полуботинок.

— Ну, как есть «джентлемент»! — довольный разсуждал он, одергивая короткіе рукава. — Эх, вот сапоги бы сейчас, да часы с цѣпочкой!.. Ах, и удивится Эллен-

то! Чай, думает, что приду как всегда, по условію, в формѣ... А тут, — на-ко-ся! Ал-ло, беби!.. Хау дую ду? Как поживаете? А, — скажет, — мистер Лещов!... Тенк ю вам... Спасибо...

Закончив туалет и надѣв соломенную шляпу, Лещов с достоинством вышел на улицу.

— Пардон-с! — любезно сказал он, наступая кому-то на ногу.

«Ежели купить сѣмячек или орѣхов, то, пожалуй, она еще и ѣсть не станет, — сомнѣвался Лещов. — Онѣ, англичанки эти, такія... непривычныя к этому... Яблоков, што-ли, купить? — и вдруг, осѣненный новой мыслью, он остановился.

— Вѣрно! — рѣшил он и засмѣялся. — Джентлемент, так джентлемент... Вот обрадую!..

—о—

Открыв ключем дверь, Лещов по знакомой лѣстницѣ взбѣжал наверх и увидѣл в концѣ коридора пріоткрытую дверь комнаты мисс Эллен.

Сдерживая волненіе, на цыпочках подошел он к двери и, галантно стукнув согнутым пальцем, вошел в комнату.

Мисс Эллен сидѣла за маленьким круглым столиком, сервированным для двух человѣк.

Вскочив, она бросилась было навстрѣчу к Лещову и, вдруг, вскрикнув, остановилась... Круглыми от ужаса глазами смотрѣла она на незнакомаго человѣка, в кургузом сѣром костюмѣ, в котором не умѣщались могучія плечи, и с ярким зеленым галстуком.

— Андрей?! — воскликнула она, падая в кресло и с трудом узнавая Лещова.

Тяжелое предчувствіе непоправимой бѣды холодной змѣей вползло в сердце Лещова.

— Я... — отвѣтил он чужим голосом. — Того... думал — лучше... Ну, и обрился...

И теряя под ногами почву, чувствуя, что все пропало, он растерянно стал шарить по карманам и доставать яблоки.

— Вот... — сказал он, кладя их на стол, и — замолк...

Выраженіе ужаса на лицѣ мисс Эллен смѣнилось удивленіем, а потом, потом... она стала смѣяться.

Она упала на кушетку, извивалась в припадкѣ безумнаго истерическаго хохота, как от боли, поднималась, взглядывала на

Лещова и снова падала и смѣялась, смѣялась...

А он — в чуждом нелѣпом костюмѣ, гладко бритый, с лихо закрученными усиками и короткими на пробор волосами — он, как остриженный Самсон, стоял перед ней — жалкій и смѣшной, потерявшій все свое обаяніе, — без экзотическаго яркаго костюма, без буйных кудрей, бороды и папахи.

Мисс Эллен вскочила и, шатаясь и натыкаясь на мебель, задыхаясь и икая от смѣха, выбѣжала из комнаты...

Лещов понял, что здѣсь ему нечего больше дѣлать. Машинально собрал яблоки, распихал их по карманам и неслышными шагами вышел на улицу.

ТАЙНА СѢВЕРНЫХ ГОР.

Эту удивительную исторію разсказал мнѣ старый штурман дальняго плаванія Барченко, с которым я неожиданно встрѣтился в Харбинѣ, и котораго не видѣл около 10 лѣт, как раз со времени эвакуаціи бѣлых из Приморья.

Старик уже в то время был достаточно стар, а когда он подошел ко мнѣ и назвал себя, я едва узнал его. Мы очень обрадовались друг другу, и я уговорил славнаго старика пообѣдать со мной. Барченко был большой пріятель моего отца, и я еще мальчишкой любил его разсказы о морских плаваніях и приключеніях. Я слушал их с разинутым ртом и остановившимся сердцем, и, вѣроятно, они в значительной степени повліяли на мой выбор карьеры: я поступил в Мореходное Училище.

Сидя за кружкой пива, я разсказывал старому штурману о себѣ, о том, что моя мечта, быть моряком и испытать такія же приключенія, наполовину исполнилась, — в качествѣ штурманскаго ученика я посѣтил не только отдаленные уголки нашего сѣвера, но побывал в Японіи, в центральном и южном Китаѣ...

Разсказал я ему и об интересном случаѣ, произошедшем со мной, когда, лѣт пять назад, в послѣднем для меня рейсѣ на Камчатку, в одной из самых сѣверных и только что открытых для промысла рыбалок, бродя по диким и пустынным окрестностям, я наткнулся на большую глыбу гладко-отполированнаго с одной стороны камня, с полустертыми, но все же ясно замѣтными высѣченными на нем письменами...

Моему удивленію не было границ... Я понимал, что моя находка может имѣть важное значеніе для науки, и потому сфотографировал ее с разных сторон, сдѣлал измѣренія, а потом стал внимательно осматривать мѣстность кругом, в надеждѣ найти еще что-нибудь.

Мое вниманіе обратил на себя большой обломок сѣраго камня, весь обросшій зеленым мохом, лежавшій у подножья глыбы. Этот обломок оказался ничѣм иным, как верхним правым углом большого камня, и на нем также, под слоем мха и земли, можно было разобрать нѣсколько достаточно отчетливых знаков.

Я пытался унести этот камень, но он

был слышком тяжел для меня одного, и только четверо рабочих, взятых мною с рыбалки, с трудом донесли его до берега и, погрузив на кунгас, отправили на пароход.

Вернувшись во Владивосток, я подарил этот обломок тамошнему Музею и получил похвалы и благодарности. На нѣкоторое время я стал центром вниманія, обо мнѣ и моей находкѣ, имѣвшей, дѣйствительно, огромное значеніе, писали не только в дальневосточных газетах. Сразу же был поднят вопрос о спеціальной экспедиціи в эту, почти неизслѣдованную часть страны, и в числѣ членов экспедиціи должен был быть и я...

Миновала зима. Наступили послѣдніе экзамены в Мореходном Училищѣ, и я, полный радужных надежд на будущее, уже чувствовал на своих рукавах двѣ золотыя нашивки помощника капитана... Как вдруг, в один несовсѣм прекрасный для меня день, по предупрежденію своих друзей, мнѣ пришлось, бросив всѣ свои дѣла, поспѣшно и тайно выѣхать в Никольск, чтобы через двѣ недѣли очутиться в Харбинѣ и удивляться превратностям судьбы, по капризу которой я, завтрашній капитан морских судов дальняго плаванія,

сдѣлался лодочником на грязной Сунгари!..

Разсказывая Барченко о находкѣ камня, я замѣтил странное волненіе, охватившее его. Но выдержанный старик не прерывал меня до конца, и только потом, схватив меня за руку, возбужденно вскричал:

— Боже мой! Возможно ли это?.. Сѣрый большой камень? В видѣ треугольника? Повтори, повтори, пожалуйста, еще все, что ты сказал о нем! Господи, Господи! Неужели ты тоже видѣл этот камень? И ты тоже был «т а м»?

Удивленный его возбужденіем, я еще раз разсказал ему о своей находкѣ, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

— Да, да!.. Это—он!—вскричал в величайшем волненіи Барченко. — Друг мой, ты напомнил мнѣ о том единственном, неповторимом, что я сам уже начинал считать за сказку... Великій Боже! Я снова ясно представляю все, что тогда произошло со мной, как будто это все было только сегодня... Я вспоминаю каждый миг того дня... дня, благодаря которому я не мог никогда потом найти счастья любви и вот догораю, покинутый и одинокій, согрѣтый только свѣтлым, но коротким как молнія отблеском любви и счастья в расцвѣтѣ своей жизни...

Страшно заинтересованный словами Барченко, я стал просить его разсказать мнѣ, — какая связь между камнем видѣнным им первым, и честь открытія котораго я приписывал себѣ, — и его жизнью.

И Барченко, немного успокоившись, разсказал мнѣ самую поразительную исторію, какая только могла случиться в нашем подлунном мірѣ, — исторію, которую я мог бы посчитать фантастической выдумкой больного или отчаяннаго враля, — если бы не знал хорошо Барченко и не вѣрил каждому его слову...

Вот — что он мнѣ разсказал:

— Это было лѣт тридцать тому назад. Я плавал тогда на судах Ми-ва Государст. Имуществ, несших службу береговой охраны. Ты, навѣрное, помнишь эти три изящных небольших корабля, болѣе похожих на увеселительныя яхты, чѣм на полувоенныя суда, — с желтыми трубами и красиво отклоненными назад мачтами. Вот на одном из них, на «Командорѣ Беринг», я и плавал вторым помощником.

Совершая частыя и длительныя поѣздки по побережью сѣверных русских владѣній и иногда доходя до мыса Дежнева, откуда мы, в ясную погоду, видѣли голубѣвшіе вдали берега Аляски, — я дѣятельно собирал всевозможныя свѣдѣнія, дѣлал фотографическіе снимки и все это отсылал в музей общества изученія края.

В тот год, задолго еще до того, как большой пароход Добровольнаго Флота «Колыма» темной ночью выскочил на полном ходу на береговую длинную косу, в Карагинском проливѣ, — в тот год мы совершали шестимѣсячное плаваніе от Владивостока до мыса Дежнева, заходя во всѣ бухточки на пути.

Приблизительно в серединѣ плаванія, когда мы были гдѣ-то немного сѣвернѣе бухты Вознесенія, сильный шторм заставил нас укрыться в маленькой и защищенной бухтѣ, гдѣ мы отстаивались три дня, пока утих шторм, и улеглась «мертвая зыбь» взбаламученнаго моря.

Во время этой вынужденной стоянки, мы всѣ, офицеры и матросы, от нечего дѣлать, бродили по пустынному берегу, за узкой полосой котораго поднимались почти отвѣсныя сѣрыя и коричневыя скалы, собирали птичьи яйца и жалкіе, скудные цвѣты скупой сѣверной природы.

С горделивым сознаніем того, что каждый мой шаг — первый шаг человѣка на этой землѣ от созданія міра, я, опьяненный этим чувством «открывателя новых зе-

мель», шел все дальше и дальше по берегу и, наконец, стал взбираться на скалы, чтобы дать выход своему почти юношескому задору. Хотѣлось забраться высоко, высоко и оттуда крикнуть безпредѣльному океану и спокойным и угрюмым горам и скалам что-то такое, — гордое...

Неожиданно я вышел на просторную поляну, посреди которой стояла высокая каменная глыба. Я подошел к ней, — на гладкой поверхности камня были высѣчены какіе-то знаки...

Это был тот самый камень, который видѣл и ты... Мое изумленіе было не меньше твоего, но я был гораздо внимательнѣе тебя и скоро замѣтил, что слѣдующій большой камень имѣл также гладкую поверхность с одной стороны, и этой стороной находился в одном направленіи с большой глыбой.

Вскорѣ я убѣдился, что цѣлая серія таких полированных камней указывает какой-то невѣдомый путь...

Страшно заинтересованный, я совершенно забыл обо всем на свѣтѣ и немедленно отправился вперед по этим указателям пути.

Путь был не легкій, но я не замѣчал ни времени, ни того, что уже ушел очень

далеко от берега и находился в узком ущельѣ между двумя отвѣсными стѣнами скал. Глубокія впадины и трещины скал, как и окружающія горы, были покрыты снѣгом и, пробираясь между глыбами, в тѣни отвѣсных стѣн, я чувствовал его холодное дыханіе...

Мое путешествіе было прервано самым неожиданным образом... Послѣдній камень, указывавшій путь, стоял перед хаотической массой обломков скал, совершенно заваливших ущелье... Очевидно, горный обвал был этому причиной, но я был раздосадован этим препятствіем и с упрямством моряка рѣшив, все-таки, осилить это почти непреодолимое препятствіе, я полѣз вверх...

Каждую минуту рискуя сорваться в длинныя, узкія щели между камнями и, в лучшем случаѣ, поломать себѣ ноги и руки — я, тѣм не менѣе, медленно, но настойчиво двигался вперед...

Ночь, — если можно так назвать бѣлесыя сумерки, окутавшія землю, — уже давно наступила. Необыкновенно большая луна, спокойно улыбавшаяся в темносинем небѣ, мирно дѣлила его с золотистыми лучами на короткое время скрывшагося солнца. В ущельях стало темно и холодно.

Я чувствовал голод и страшную усталость. Реакція послѣ сильнаго возбужденія охватила меня. Я сѣл на камень, поеживаясь от холода, и раскаяніе и злость на самого себя кипѣли во мнѣ. В самом дѣлѣ, к чему было пороть горячку? Куда я так торопился? Не лучше-ли было бы, найдя первый камень, вернуться на судно, и на другой день, с капитаном и матросами, не торопясь, все изслѣдовать?

Однако, взяв себя в руки, я рѣшил поскорѣе выбраться на какую-нибудь каменную просторную площадку и переночевать там у костра, в котором мог бы жечь прошлогодній мох.

На свое счастье я замѣтил такую площадку и, хоть с большим трудом, все же выбрался на нее. Там, в отвѣсной стѣнѣ горы, я увидѣл вход в глубокую, терявшуюся в темнотѣ пещеру. Благодаря судьбу за удобный ночлег, я осторожно вошел внутрь и, только что хотѣл зажечь спичку и осмотрѣться, как моя нога сорвалась, и я почувствовал, что падаю куда-то в пропасть .. Я успѣл крикнуть только раз, и этот крик испугал меня самого. В слѣдующій миг, ударившись о каменную стѣну, я потерял сознаніе...

Первое ощущеніе, которое я испытал,

придя в себя, была радость, охватившая меня при сознаніи, что я жив... Я хотѣл вскочить, но страшная головная боль и шум в ушах заставили меня застонать и остаться на мѣстѣ.

Когда боль утихла, я явственно различил запах дыма, а вслѣд затѣм и другія внѣшнія ощущенія охватили меня. Запах жаренаго мяса ударил мнѣ в голову и, глотая обильную слюну, я открыл глаза

Я находился в каком-то высоком мрачном помѣщеніи, сложенном из больших глыб камня. Стѣны были завѣшаны шкурами и оружіем. Тут висѣли луки, пращи, копья с острыми и блестящими наконечниками, с древками, потемнѣвшими от времени, мечи и другіе неизвѣстные мнѣ предметы.

В одном углу обширнаго помѣщенія был сложен каменный очаг, дым из котораго выходил прямо в отверстіе в потолкѣ. Большая часть комнаты тонула во тьмѣ.

Я лежал на невысоком возвышеніи, на мягких лисьих и медвѣжьих шкурах; около меня стоял тяжелый, но искусно сдѣланный каменный сосуд с водой.

Мой голод был сильнѣе удивленія и радости, что я жив послѣ своего паденія

в темную пропасть, — и я встал и направился прямо к большому куску мяса, жарившемуся на вертелѣ над пламенем очага.

Вдруг чей-то спокойный голос произнес какія-то слова, и тут только я замѣтил, что в жилищѣ были люди.

Пара огненных пронизывающих глаз, с которыми я встрѣтился, принадлежала высокому бѣлому старику, на головѣ котораго был широкій ремень, украшенный какими-то камнями. Он был одѣт в мѣха, и только сильныя и крѣпкія ноги были обнажены.

Оглядѣвшись и привыкнув к полутьмѣ, я увидѣл при невѣрном, мигающем свѣтѣ очага еще нѣсколько человѣк, таких же громадных, с мужественными бородатыми лицами.

Не зная, к кому я попал, — к врагам или друзьям,—я в нерѣшительности остановился.

Высокій юноша подошел ко мнѣ и, слегка дотронувшись до моего плеча, указал на покинутое мной мѣсто. Я вернулся на свое мѣховое ложе.

Громадная шкура бѣлаго медвѣдя, висѣвшая на стѣнѣ и скрывавшая вход, заколыхалась, угол ея приподнялся, и молодая дѣвушка, изящная и благородная в просторѣ своих движеній, вошла в помѣщеніе и, отстегнув от своего пояса нож, отрѣзала кусок мяса и, вмѣстѣ с кубком, наполненным виномъ — спокойно подала мнѣ.

Ни тѣни любопытства или непріязни не было в ея лицѣ; всѣ ея движенія были исполнены простоты и подкупающей искренности. Она одѣта была в легкую мѣховую рубашку без рукавов, плотно облегавшую ея стройное тѣло; легкія кожаныя сандаліи были на ея ногах. Тяжелая волна золотых волос сдерживалась такой же полоской ремешка, как у старика.

Когда она подошла ко мнѣ, и я взглянул на нее, — непонятное волненіе охватило меня и, сладкую, щемящую боль почувствовал я в своем сердцѣ...

Знаешь-ли ты, что значит влюбиться с перваго взгляда?..

Это именно и случилось...

Очевидно, восхищеніе было ясно написано на моем лицѣ, так как дѣвушка вспыхнула, и тѣнь смущенія пробѣжала по ея лицу.

Друг мой! Всего только два дня пробыл я у этих людей, таких же бѣлых, как мы с тобой... Кто знает, — кто они и как

там появились... Только два дня!.. Но они на всю жизнь остались в моей памяти, так как тогда расцвѣло мое сердце настоящей, мужской, вѣрной до смерти любовью...

Ко мнѣ относились хорошо, но я видѣл, что появленіе смутило всѣх... Но все же я твердо рѣшил остаться у них навсегда и отказаться, если это будет нужно, от всего, что связывало меня с другим, чуждым им міром, — моя любовь к Унѣ росла и крѣпла с каждой минутой...

Нѣт, любовь — слишком маленькое, затертое слово, чтобы выразить чувства, волновавшія меня... Это был восторг, поклоненіе, обожаніе...

Уна отвѣтила мнѣ мгновенной вепышкой отвѣтнаго чувства... Мы, люди разных міров, полюбили друг друга...

Я слишком мало времени провел у этого немногочисленнаго народа, чтобы успѣть изучить его быт и всѣ особенности его жизни, но успѣл замѣтить, что им не было знакомо желѣзо. Я видѣл только нѣсколько мѣдных ножей, они считались священными. Еще могу я разсказать, что жилища их построены из каменных глыб, что мужчины исполинскаго роста, бѣлокуры и занимаются охотой; что женщины

нѣжны и красивы, и даже древніе старики и старухи обладают особенной «стариковской» красотой.

С ранняго утра слѣдующаго дня Уна взяла меня за руку и вспыхивая заревом румянца, когда наши глаза встрѣчались, водила меня повсюду. Мы были в стадѣ домашних оленей, заходили в каменный темный храм, гдѣ было страшно и сыро, а стѣны и жертвенники обрызганы кровью... Мой странный для этих людей костюм и маленькій рост приводили всѣх в изумленіе, меня ощупывали и разсматривали, как невиданное чудо, а мои блестящія мѣдныя пуговицы вызывали общее восторженное удивленіе.

Я рѣшил подарить свой нож вождю, а Унѣ отдал свой шелковый платок и крестик на золотой цѣпочкѣ и был безумно счастлив, видя, как она с сіяющими глазами разсматривала эти необыкновенныя вещи...

Когда я кончал свой обѣд из мяса, каких-то трав, сыра и молока оленей, — вошла Уна. По ея взволнованному лицу я сразу прочитал, что случилось недоброе.

Подойдя ко мнѣ, она стала с возбужденіем говорить что-то и, взяв меня за руку, потянула к выходу.

Я вышел и быстро направился к небольшой лужайкѣ перед храмом, гдѣ неподвижные, как изваянія, сидѣли старики. Болѣе молодые стояли поодаль.

Я подошел к этому совѣту и сдѣлал низкій полкон. Старик-вождь отвѣтил легким наклоненіем головы и стал что-то говорить мнѣ, указывая на горы, на долину, на людей. Он говорил долго. Потом встал, сказал что то особенно рѣшительным тоном, и всѣ остальные, повторив его слова, медленно разошлись.

Я чувствовал, что моя судьба рѣшена: очевидно, я должен был отправиться обратно, за скалы.

Вечером я в отчаяніи и тоскѣ сидѣл на своей мѣховой постели. Я видѣл, как Уна украдкой вытирала слезы, и сердце мое разрывалось от тоски.

Когда все племя собралось за лужайкой у костра, и старик снова заговорил, Уна подошла ко мнѣ и сѣла рядом. Наши сердца говорили на одном языкѣ и рвались друг к другу, и наши губы слились в единственном и послѣднем поцѣлуѣ...

Я был тогда настолько внѣ себя, что, не помня ничего, схватил висѣвшій у пояса Уны нож и пытался покончить с собой...

Уна с криком бросилась ко мнѣ, и

между нами завязалась борьба.

Вбѣжавшіе мужчины обезоружили меня и крѣпко связали ремнями. Я долго лежал связанный, а мужчины сидѣли и опять совѣщались.

Наконец, по приказу суроваго старика, Уна, едва сдерживая рыданія, поднесла мнѣ чашу какого то питья и, поддерживая мою голову, заставила выпить ее до дна.

Необыкновенная истома и лѣнь разлилась по всему моему тѣлу, и не будучи в силах пошевелиться, я успѣл только в послѣдній раз взглянуть на Уну и впал в забытье...

Безусловно эти люди знали какой то тайный выход к морю из своей долины, потому что я очутился на берегу, в нѣсколькихъ верстах от «Командора Беринга»...

Меня искали всюду, и когда я, оборванный и измѣнившійся, появился на кораблѣ и разсказал капитану о всем произошедшем со мной, он как и всѣ остальные, не повѣрил ни одному моему слову. Всѣ рѣшили, что со мной произошел внезапный припадок помѣшательства. Я не стал с ними спорить, но, с тѣх пор, никогда и никому не говорил о своем приключеніи.

Судьба насмѣшлива... Я, штурман, моряк, в продолженіе многих лѣт не мог снова попасть в ту бухту на крайнем сѣверѣ, чтобы еще раз попытаться проникнуть к таинственному племени бѣлых гигантов и увидѣть златокудрую нѣжную Уну...

ТРИНАДЦАТЫЙ РЕЙС.

Разсказ из морской жизни.

В маленьком уютном кафе, в котором было так тихо и покойно, гдѣ не был шумнаго кашляющаго радіо и крикливой радіолы, — мнѣ пришлось услышать эту жуткую и фантастическую исторію.

За сосѣдним с моим столиком, уставленным стаканами с остывшим чаем, сидѣла группа людей, внимательно слушавших пожилого, сѣдого господина. Когда я вошел и сѣл за столик, барышня черезчур поспѣшно принесла мнѣ заказанное мною кофе и газету, и тотчас же снова подошла к сосѣдней группѣ, и остановившись поодаль, продолжала слушать, что разсказывал сѣдой господин.

Я развернул газету, намѣреваясь заняться чтеніем, но невольно прислушался к разговору моих сосѣдей.

Через минуту я отодвинул в сторону

чай, отложил газету и сам с напряженным вниманіем стал слушать.

Попыхивая трубкой и изрѣдка отпивая чай, господин, так овладѣвшій вниманіем своих слушателей, неторопливо говорил:

— Много таинственнаго, неизвѣстнаго и неизслѣдованнаго таится в глубинѣ океанов и морей, и нескоро еще люди постигнут и откроют всѣ эти тайны. Но и на поверхности морей, как будто изслѣдованной и вдоль и поперек, есть странныя и чудесныя, еще не открытыя нами мѣста и на них происходят такія необыкновенныя вещи, что наш строгій, холодный, современный ум отказывается принимать их за достовѣрность и отводит в разряд морских легенд, мифов и вымыслов необузданной фантазіи подвыпивших моряков.

— Не знаю, слыхали вы обошедшій весь свѣт случай со шхуной «Марія Селеста»?

— Как-же, я читал об этом нѣсколько раз, — проговорил один из слушателей. — Кажется, если не ошибаюсь, эта шхуна былз подобрана в открытом морѣ, со свернутыми парусами, в полнѣйшем порядкѣ, но на ней не было ни одного человѣка.

— Совершенно вѣрно, — кивнул головой разсказчик, выпуская клубы синяго дыма и скрываясь в них, — и в актах англійскаго адмиралтейства так и было указано: «судно прекрасно оснащенное, не поврежденное, в полном порядкѣ, но ни одного человѣка команды, и нѣт судовых бумаг». Тайна эта так и осталась неразгаданной и до сих пор.

И в теченіе послѣдних 30 лѣт, — уже на моей памяти — было еще нѣсколько подобных случаев. То тут, то там, в самых различных мѣстах Тихаго или Атлантическаго океанов, в безбрежных просторах морских пустынь, пароходы встрѣчали одинокіе покинутые парусники, и приводили их в ближайшіе порты. Тайна увеличивалась, интриговала всѣх, но не объяснялась.

—Но скажите, Павел Иванович, — неужели вы, моряки, не могли найти объясненія этим страшным и загадочным фактам? — спросил кто то. — Ну, что нибудь предположительное, наиболѣе вѣроятное— с вашей точки зрѣнія...

— Зачѣм-же... Конечно, предположеній были тысячи... Всякій объяснял по своему... Чего только не придумывали!.. Да как провѣрить?.. Так, поговорят, по-

шумят, в газетах попишут, да и оставят до слѣдующаго случая. А только знаете, дѣйствительность — фантастичнѣе самых безумных бредовых вымыслов...

— Так, значит, и не нашли разгадки? — раздался тот-же голос.

— Нѣт, знаете, — усмѣхнулся старик, — тайна «Маріи Селесты» и других так и осталась неразгаданной. . и только случай с «Южной Каролиной» немного приподнял завѣсу над тѣм таинственным, что окружало всѣ эти суда.. Эту то исторію я и хочу вам сейчас разсказать...

— Ну-ка, барышня, плесните мнѣ еще стаканчик чаю покрѣпче, да рому побольше налейте... Так, вот как было дѣло... Почему я так хорошо знаю всѣ обстоятельства этого случая, о котором также много писали во всѣх газетах, — только потому, что я сам был капитаном на этой самой „Южной Каролинѣ"; все испытал, увидѣл, и сам-же подписал акты и протоколы...

Давно это было... Лѣт двадцать тому назад. Я тогда был моложе и на головѣ у меня сѣдых волос не было.. Забросила судьба-злодѣйка меня в Ливерпуль, — безработным штурманом шатался по берегу. Конечно, город весѣлый, жить пріятно, и

хотя времена тогда были не в примѣр лучше нынѣшних — все же мнѣ скоро устроиться на службу не удалось.

И так мнѣ в концѣ концов скверно пришлось, что я с радостью согласился поступить капитаном на небольшую двухмачтовую шхуну — „Южная Каролина", на грошевое жалованіе.

Хозяин мой мѣшкать не любил, да и сезон давно был в разгарѣ и, короче говоря, через два дня шхуна должна была отправиться в рейс к берегам Южной Америки.

С перваго-же дня моего вступленія в командованіе судном, начались непріятности. Прежде всего меня непріятно поразило то, что вся команда была только что нанята, и отправлялась на этой шхунѣ в плаваніе в первый раз... К вечеру того-же дня я узнал и причину, почему никто из старых матросов никогда не оставался на этом суднѣ. „Южная Каролина" была несчастливым судном. Каждый ея рейс был роковым для кого нибудь из плывших на ней. Поэтому матросы никогда не совершали на ней второго рейса.

Как всѣ моряки, я был суевѣрен. Дурная слава шхуны испортила мнѣ настроеніе, но я совсѣм упал духом, когда узнал,

что мой рейс для „Южной Каролины“ будет тринадцатым по счету, и что тринадцатаго в пятницу мы должны были выйти в море!

Согласитесь сами, что такое совпаденіе несчастливых примѣт может разстроить хоть кого... Тѣм не менѣе в назначенный срок мы вышли в море. Двѣнадцать дней мы шли отлично под хорошим вѣтром, без сильных ураганов и штормов, и настроеніе у команды было отличное... Но на тринадцатый день, — замѣтьте, на тринадцатый, — это самое и случилось.

Было три часа дня. Мы шли под крѣпким вѣтром и даже черпали подвѣтренным бортом воду. Я был внизу, в своей каютѣ, когда встревоженный матрос попросил меня подняться наверх.

Я вышел и подошел к своему помощнику.

— Что за странное облако, — сказал он смущенно, указывая рукой вперед, — я никогда не видѣл ничего подобнаго... Простите, сэр, что я вас вызвал, но я очень удивлен, и счел нужным указать вам на этот желтый туман.

Я взял бинокль и внимательно всмотрѣлся в горизонт. Во всю ширь моря от края до края, чуть не захватывая нас в гигантское кольцо, низко прибившись к водѣ, стоял желтый туман. — Я видѣл синіе и голубые утренніе туманы, клубящіеся на склонах гор; — видѣл пушистые снѣжные комья морских туманов, плывущих как стаи лебедей по синим гладям уснувших заливов... — но желтаго тумана я никогда не видѣл и не слышал о существованіи такого..

Я ничего не отвѣтил помощнику и только пожал плечами.

Через час мы вошли в него... Плотное желтое облако, сырое как туман, отвратительное и липкое — мгновенно обволокло все судно. Яркій солнечный день внезапно смѣнился мутными желтыми сумерками, в которых на разстояніи трех саженей не было ничего видно.

Дышать было трудно. Какія то странныя, густыя и огромныя паутины медленно плыли в насыщенном удушливой влагой воздухѣ; паутины липкія, мохнатыя, — обволакивались вокруг всего встрѣчнаго и расплывались тонким слоем отвратительной влажной слизи.

Мы продолжали еще двигаться по инерціи, заряженные порывами вѣтра, который захватили парусами при входѣ в этот страшный желтый туман.

Через нѣсколько минут шхуна остановилась неподвижно с безжизненно повисшими, как подстрѣленныя крылья, парусами. Ко мнѣ подбѣжали встревоженные и перепуганные матросы, спрашивая об этой напасти. Я как мог успокоил всѣх, но на душѣ у меня было скверно.

К вечеру мы принуждены были одѣть самодѣльные респираторы, так как удушливый, влажный воздух жег наши легкія, вызывал удушливый кашель и заставлял нас дышать чаще и не полной грудью. Удивленіе команды смѣнилось страхом. Матросы отказывались выходить на палубу, и сидѣли в кубрикѣ, закрыв плотно двери...

Чувство ужасной непоправимой бѣды камнем навалилось на меня. Я не знал, что предпринять. Шхуна стояла в мертвой тишинѣ, обвитая страшными желтыми паучьими паутинами, похожая на огромную попавшую в тенета муху...

Встревоженный, я долго не мог уснуть в эту ночь, не находя никакого объясненія и не видя выхода из нашего положенія.

Утром я не мог открыть глаза... С болью я разжал вѣки, и поглядѣв в зеркало, увидѣл, как желтый гной облѣпил мои глаза... С дрожью ужаса я поспѣшно вытер глаза раствором борной кислоты и с тяжелым сердцем вышел на палубу...

Я был потрясен представившейся мнѣ картиной и сердце мое замерло от страшнаго предчувствія... Я понял, что мы находимся в тюрьмѣ. Все, все, что можно было видѣть на свободном пространствѣ шхуны — было заплетено желтой паутиной, занесено толстым слоем мокрой слизи... Этот проклятый туман за ночь сгустился еще больше. Густыя длинныя колыхающіяся паутины обвивались вокруг меня, заплетали мои ноги, руки, захлестывались вокруг шеи, с холодной влажностью задѣвали мое лицо...

Я вернулся в каюту... Что дѣлать? Я чувствовал, что смерть посѣтила наш корабль, и не мог ничего подѣлать, — не мог бороться. Я молил Бога, чтобы появился вѣтер, разогнал это адское навожденіе, но все было попрежнему мертво — тихо.

Я постучал в дверь к моему помощнику. Встревоженный молчаніем, я толкнул дверь и вошел. Он лежал на койкѣ и блѣдный от ужаса смотрѣл на меня. Его глаза были покрыты таким же желтым гноем.

— Это ничего, — успокоительно сказал я. — Вытирайте борной. У меня было

то-же... Но это вообще становится опасно... Нам надо что то предпринять, Дэвис.

Мой помощник молчал, я видѣл, как капли холоднаго пота выступили на его лицѣ.

— Я оглох! — крикнул он вдруг, с мольбой смотря на меня, — я ничего не слышу!.. И я слѣпну!.- Мы всѣ умрем здѣсь... Я чувствую это! Всѣ!.. Всѣ!.. И я, и вы, и матросы... Этот туман наша гибель... Я вас не слышу, я не слышу себя, — крупныя слезы покатились из его глаз и он судорожно сжал свои руки. — Я не могу дышать, — проговорил он успокоившись... — Проклятыя паутины заплели мои легкія... Капитан, — он схватил мою руку и стиснул ее, — есть один шанс для спасенія... Покинуть шхуну и плыть на вельботѣ...

— Нѣт, — сказал я и покачал головой. — Покинуть судно? Нѣт! — Он откинулся на подушку и покорно отвѣтил:

— Тогда смерть...

Плачущій жалкій голос заставил меня обернуться. В дверах, ломая руки, стоял наш повар.

— Капитан!.. Ах, капитан! — заплакал он, кидаясь ко мнѣ. — Все погибло! . Все!.. Все!..

— Что? — крикнул я, чувствуя как наливается страхом мое лицо.

— Продукты... Мука..: Сухари... О, Боже!... Все погибло!.. Все!.. — старик закрыл лицо своим фартуком и затрясся.

Я кинулся в кладовую. Да, все погибло. . Всѣ продукты .. Все было отравлено страшным ядовитым туманом. Сухари, мука, овощи, крупа — расползлись, превратились в зловонную желтую кашу.

— А вода?.. — с тревогой крикнул я.

Мы открыли бак. Вода была мутная, желтая, отравленная. Вся вода, весь запас... И только в маленьком боченкѣ, крѣпко закупоренном, оказалась хорошая вода..

Наша трагедія началась.

Я спустился к матросам. Они были в подавленном состояніи. У всѣх на глазах был гной, многіе плохо слышали. Они лежали на своих койках больные, обезсиленные, придавленные страхом, со свистом тяжело дышали.

Да, надо было рѣшиться на послѣдній шаг. Помощник был прав. Пока люди здоровы, надо попытаться выбраться из тумана.

Вечером я зашел к Дэвису. Он лежал на спинѣ со скрюченными ногами. Желтая пѣна как борода висѣла на его подбородкѣ.

В безсильно спущенной рукѣ он держал бумагу.

— Дэвис, — сказал я, трогая его за плечо. Он не отвѣтил, — он был мертв. На бумагѣ кривыми буквами было написано — для меня:

— „Уходите на лодкѣ — пока люди могут грести.

Завтра будет...».

Да, да. Рѣшено. Утром мы покинем судно, поплывем. Куда? В туман или из тумана?

Мы похоронили Дэвиса, — зашили в в парусину и с грузом в ногах бросили в море. Матросы стояли мрачные; страх и злоба свѣтились в их глазах.

Ранним утром я был разбужен страшным криком и топотом многих ног. Схватив револьвер, я выскочил на палубу. В желтом сумракѣ по палубѣ метался матрос. Натыкаясь на предметы, падая на скользкую палубу, он с растопыренными руками бѣгал и дико кричал:

— Глаза!., Мои глаза!... Боже мой!... Я не вижу!.. Я ослѣп!.. — он раздирал себѣ глаза руками и, катаясь по палубѣ, вопил страшным голосом.

Сумрачные матросы, выскочившіе за ним, взяли его под руки, и он, как дитя,

уцѣпился за них. Я положил ему руку на плечо и он стал успокаиваться. Мы через час отправимся на вельботѣ, выйдем из тумана. На солнцѣ, на свѣжем воздухѣ, на вѣтрѣ, болѣзнь покинет его, он вылѣчится сразу... Он успокоился и матросы его увели.

Я записал всѣ событія подробно в судовой журнал, положил его в стол, закрыл каюту, и велѣл спускать вельбот.

Матросы оживились, и даже улыбки появились на их лицах.

Я в послѣдній раз обошел судно, прощаясь с ним, спустился в лодку и мы отчалили. Через минуту занесенная желтой склизкой паутиной шхуна исчезла в желтом туманѣ. Налегая трясущимися руками и грудью на весла, матросы тяжело дышали, обливались потом, падали на дно лодки без сил. Вельбот медленно подвигался вперед.

Наконец, когда послѣдній матрос с хрипом выпустил весло и свалился, я понял, что желтая смерть не выпустит нас...

. . . . . .

Я очнулся от воздуха, живительнаго как нектар, от яркаго блеска солнца .. Я вскочил возрожденный.. Желтый туман, побѣжденный, стоял позади нас, нѣ-

скольких саженях, а впереди была безкрайняя ширь, спокойная синь застывшаго океана.

Торжествующій я закричал, затормошил своих товарищей, но ни один из них не поднял своей склоненной головы. На меня смотрѣли оскаленныя, закоченѣвшія, страшныя мертвыя лица ..

Один... два... пять... семь... девять...

Всѣ, всѣ..

И только один из них, Петер, медленно шевельнулся и открыл гноящіеся глаза.

Мы выбросили в воду трупы наших товарищей. Они окружили лодку и не хотѣли тонуть... Мягко покачиваясь на волнах, они кивали нам своими мертвыми головами, махали скрюченными руками и улыбались страшными улыбками оскаленных желтых лиц...

— На весла!!!—крикнул я, хватая Петера за плечи, стуча зубами, — на весла!.. Давай уплывем от них...

Мы навалились на тяжелыя весла и громадный вельбот тихо двинулся вперед. А «они» долго еще маячили нам издали, пока не слились с далью... Желтый туман стоял позади нас, как-бы примиряясь с нашим бѣгством... Но его проклятіе, —

проклятіе желтой смерти не оставило нас... Когда мы открыли боченок с водой, зловонная вода показала нам, что желтая смерть была с нами...

Наступили дни невѣроятных мученій... Палящее солнце жгло нас своими огненными лучами, впиваясь в наши обезсиленныя тѣла. Кожа наша потрѣскалась от жары, а морская вода, которою мы смачивали наши тѣла, еще болѣе разъѣдала и без того огромныя язвы...

Мы стояли не двигаясь... Безбрежный океан застыл как зеркало и ослѣпительно сверкал. Душныя южныя ночи не приносили прохлады... Мы молились Богу и проклинали судьбу, просили чуда и жаждали смерти... Потрескавшимися губами мы произносили страшныя слова... Но не было нам спасенія...

На утро четвертаго дня Петер сошел с ума... Он царапал себѣ лицо и руки, слизывал кровь, и забившись на нос лодки, слѣдил оттуда за мной, сжимая кулаки и щелкая зубами... В его голодных глазах я читал свою смерть... Я вынул револьвер и не спускал с Петера глаз... А он сидѣл поджавшись, страшный, безумный, и шептал торжествующе:

— А я тебя задушу и съѣм!.. Съѣм!.. съѣм!..

Потом он осторожно перебрался на первую скамейку, — ближе ко мнѣ, и потрогал весло...

Я не мог выносить это; я чувствовал, как послѣднія силы уходят от меня; его сверкающіе голодным блеском глаза вселяли в меня ужас...

И... я прицѣлился в него..,

Петер прищурился и подтянулся...

— Я тебя съѣм... — тихо засмѣялся он и прыгнул...

Я убил его .. И сам упал на дно лодки в ужасѣ, безсиліи и отчаяніи царапая доски...

***

Меня подобрал итальянскій пароход, полубезумнаго, говорящаго на языкѣ обезьян. Но еще много дней прошло до того, как я пришел окончательно в себя, оправился, и мог разсказать все...

Но мнѣ плохо вѣрили, — всѣ думали, что я еще не в своем умѣ...

А через мѣсяц весь мір снова облетѣла загадочная исторія. Англійскій пароход подобрал в морѣ совершенно исправ-

ный парусник без команды. Вы, конечно, понимаете, что это была — «Южная Каролина». Мой дневник, оставленный на ней, произвел потрясающее впечатлѣніе. Офиціальные акты по этому вопросу вы можете найти в морских журалах того времени...

Послѣ того — я бросил морскую службу... Море люблю попрежнему, но плавать, — нѣт, — извините...

Так-то вот... Есть много, друг Гораціо, на свѣтѣ, что и не снилось нашим мудрецам, — так, кажется, сказано у Шекспира?

Да, много еще неизвѣстнаго таится в нашем подлунном мірѣ. Вот и все, господа. Барышня, получите, сколько тут?

———

ТІЯ БОЖЕСТВЕННАЯ.

Владимір Федорович, вам заказное письмо. Я расписалась за вас, — проговорила моя квартирная хозяйка, протягивая объемистый пакет.

Пакет был большой и тяжелый, взглянув на почерк, я удивился, узнав в нем руку моего стараго знакомаго, Михаила Геннадіевича Гаршина. Был он стар и одинок, заходил ко мнѣ почти каждый день, и мы проводили долгіе часы в интересной, а для меня и во многом полезной бесѣдѣ.

Послѣдніе три дня Гаршин не был у меня, и встревоженный его исчезновеніем и этим внушительным пакетом, — я тотчас вскрыл его, недоумѣвая, что мог написать мнѣ добрѣйшій старик, и досадуя на себя, что не мог найти время навѣстить, вѣроятно, заболѣвшаго друга.

В конвертѣ оказалась большая тетрадь, мелко исписанная прямым почерком Гаршина, и письмо на плотном листѣ писчей бумаги.

Вот, что я прочел в этом письмѣ:

«Дорогой Владимір Федорович!

Посылаю Вам эту рукопись, вмѣстѣ со своим прощальным привѣтом,—жалѣю, что не могу пожать Вам руку.

Мой молодой друг, мы не увидимся больше, — я уѣзжаю... Куда? Вы узнаете из этой тетради. Вы можете назвать меня сумасшедшим старым дураком, когда узнаете все, но я не могу поступить иначе, — я д о л ж е н вернуться т у д а, и там кончить остатки своей жизни.

Вы не знали того, что всѣ эти долгіе годы я спал... Да, — спал, но смутно чувствовал, что что-то в моей жизни не так..

Третьяго дня я неожиданно проснулся и все вспомнил...

Я вспомнил то, чего не должен был никогда забывать, что перевернуло всю мою жизнь, дало мнѣ неизъяснимую радость и счастье быть т а м. И я не могу оставаться здѣсь в Харбинѣ, — я должен вернуться обратно, и я возвращаюсь.

Все мое имущество я передаю вам; надѣюсь, что моя коллекція оружія вдох-

новит вас на много новых и интересных разсказов.

Рукопись мою можете использовать по своему усмотрѣнію, — исторія столь фантастична для всѣх рядовых людей, привыкших жить как мыши, в своем тѣсном углу — что может понравиться, если вы ее передѣлаете в разсказ.

Прощайте.

Ваш МИХАИЛ ГАРШИН.

Пораженный прочитанным письмом, я опустился в кресло и долго сидѣл так, не в силах собрать своих мыслей.

Что за фантастическое письмо!.. Нѣт никакого сомнѣнія, что Михаил Геннадіевич сошел с ума...

Остановившись на этой мысли, я отложил чтеніе рукописи до слѣдующаго раза, а сам немедленно отправился к старику, обдумывая, какія мѣры слѣдует принять, чтобы помѣстить бѣднягу в психіатрическую больницу.

Рисуя себѣ тяжелую встрѣчу, я был несказанно удивлен, когда хозяйка заявила, что Михаил Геннадіевич уѣхал третьяго дня вечером неизвѣстно куда, а всѣ свои книги и коллекцію оружія передал мнѣ в полное пользованіе.

***

Закрыв плотнѣе дверь, чтобы оградить себя от назойливых голосов дѣтишек моей хозяйки, я устроился за столом и принялся за чтеніе рукописи Михаила Геннадіевича.

«15 марта 1933 года. г. Харбин.

Сегодня я вспомнил то, что не должен был никогда забывать, и забыл лишь под вліяніем внушенія Бѣлой Совы. Я вспомнил все так ясно, как будто случившееся со мной произошло только час тому назад. Старый колдун заставил меня забыть обо всем, но он не знал, что я могу вспомнить.

Да, я помню все, все.. Мое сердце теперь бьется так радостно. Я чувствую себя вновь молодым, как тогда, когда в первый раз увидѣл Тію.

Невѣдомая сила влечет меня к ней, и так радостно покоряться этой чудесной притягательной силѣ; я знаю, что она — от Тіи, и что Тія ждет меня. Я ѣду к ней, моей единственной, божественной и вѣчно-прекрасной Тіи.

Как это случилось? Утром я проходил мимо книжнаго магазина, и зашел взять очередную пачку парижских русских газет.

Просматривая их, на одной страницѣ я прочел то, что разогнало чары Бѣлой Совы и разбудило меня:

ТІАХУАНАКО — ДРЕВНѢЙШІЙ ГОРОД НА ЗЕМЛѢ.

На Боливійском плоскогоріи находится самый древній город на землѣ. На основаніи астрономических вычисленій установлено, что город существовал 10.000 или 14.000 лѣт назад. Таким образом, этот город на много старше Ура Халдейскаго и египетских пирамид.

Город таит много загадок... До сих пор не установлено, какая раса населяла его, и куда ушел народ, жившій в нем...

Город состоит из колоссальных зданій, построенных для великанов, сложенных из цѣлых глыб, скрѣпленных серебряными скобами...

Уход населенія из этого города совершился задолго до разрушенія Вавилона. Во всяком случаѣ, даже инки не сохранили о своих сосѣдях никаких свѣдѣній и покинутый город назвали — Тіахуанако, т. е. «Город мертвых».

Тіахуанако — город мертвых... Тіахуанако — священный город Тіи!..

С именем этим, произнесенным мной, пелена спала с моей памяти, воспоминанія нахлынули на меня:

— Тія, Тія, божественная Тія!..

Я содрогнулся от ужаса, что столько долгих лѣт провел вдали от нея, моей повелительницы, что я мог забыть ее... Теперь я помнил до мельчайших подробностей каждый миг, каждый час, который я провел в этом таинственном городѣ великанов, и смертельная тоска и любовь, как прежде, загорѣлись в моем сердцѣ.

Я не могу оставаться здѣсь... Я должен вернуться к ней, к Тіи, чтобы умереть у ног любимой и божественной.

Я был там тогда, когда горячая кровь и неуемность молодости не давали мнѣ покоя. Я видѣл собственными глазами таинственный город Тіи, я узнал тайну — пріобщился к ней, и стал неразрывно с ней связан узами своей преданности и безграничной любви...

В 1912 году, скитаясь по всѣм морям, океанам и странам, я очутился в Чили, маленькой экзотической республикѣ Южной Америки, в береговом госпиталѣ, с большой раной в правом боку. Эта память о ножѣ кривого метиса, за красивой молодкой котораго я стал ухаживать, заставила

меня проваляться в душном и грязном госпиталѣ двѣ недѣли и потерять свое мѣсто на пароходѣ.

Выйдя из госпиталя, в ожиданіи возможности поступить на другое судно, я слонялся по береговым тавернам. Молодыя черноглазыя дѣвушки, за которыми я скуки ради стал волочиться, имѣли горячих и рѣшительных поклонников... В стычкѣ с одним из них я имѣл неосторожность выстрѣлом из револьвера уложить бѣднягу на мѣстѣ и был принужден спѣшно эвакуироваться через границу.

В продолженіи многих мѣсяцев я вел самую безпорядочную жизнь, красочную и захватывающую, полную риска и опасностей... Я был ковбоем, контрабандистом, рабочим и всѣм, чѣм угодно, но неспокойная, горячая натура мѣшала мнѣ долго оставаться на одном мѣстѣ.

Запутавшись в одно темное дѣло, я однажды почувствовал, что петля висѣлицы болтается над моей головой, и рѣшил образумиться. Перебравшись в Боливію, я твердо рѣшил предать забвенію свои прежніе грѣхи и заставить забыть ставшее широко извѣстным имя «безпокойнаго русскаго»; я поселился в небольшом бѣлом городкѣ Сан-Мигуэлло, на склонѣ горнаго хребта. Неожиданно превратившись в мирнаго и безобиднаго торговца сигаретами и патронами к винчестерам и револьверам, —я зажил спокойной жизнью в маленьком домѣ, гдѣ помѣщалась моя лавка.

Черноглазая веселая Долорес была моей первой любовью, которой я подарил свою искренность и первую привязанность.

Я звал ее — Доля, на русскій лад передѣлав ея имя, и все чаще и чаще заговаривал с ней насчет семейнаго уюта и собственной гасіенды в горах. Счастье улыбалось мнѣ, и я, угощая толстых карапузов-мальчуганов, представлял себѣ, как в их средѣ будет мой сын, черноглазый как мать и безпокойный как отец.

* * *

Старый Нао, индѣец, мой единственный работник и довѣренное лицо, однажды, у вечерняго костра в горах, куда мы ѣздили с ним осматривать гасіенду, разсказал мнѣ о таинственном мертвом городѣ, находящемся высоко над нами и населенном когда-то великанами.

Исторія эта, услышанная мною впервые, чрезвычайно заинтересовала меня, и я подробно разспрашивал старика об этом городѣ.

Удивительныя и красочныя описанія Нао, который, как оказалось, сам там побывал, зажгли меня, и я рѣшил отправиться в таинственный покинутый город, чтобы увидѣть собственными глазами все то, о чем разсказывал старик.

Покупка гасіенды не состоялась, и я, вернувшись домой, привел дѣла в порядок, заколотил лавку, поцѣловал Долорес и отправился с Нао в длинное путешествіе в горы.

На ночлегѣ, сидя у костра, я опять разспрашивал Нао о мертвом городѣ. Мысль—описать его и послать матеріал в какое-либо русское научное общество, увлекала меня, и я с нетерпѣніем ждал разсвѣта, чтобы скорѣе продолжить путь.

На третій день, к заходу солнца, мы, наконец, достигли вершины горной цѣпи и в разстилавшемся предвечернем туманѣ я увидѣл у своих ног обширное плато и какія-то неясных очертаній громады, сгруппированныя в одном концѣ его, у высокой стѣны гор.

— Вот он, Тіахуанако,—сказал Нао, показывая на сѣрыя громады строеній. — Но мы не пойдем туда сегодня, — уже поздно... Останемся здѣсь на ночлег.

Совѣт был разумный, и, хотя мнѣ не

терпѣлось скорѣе вступить в этот город, — я согласился с Нао. У подножья большой скалы мы разбили свою палатку, развели костер и устроились на ночлег.

***

По мощеным огромными каменными плитами площадям и улицам мы бродили по мертвому городу. Колоссальныя каменныя зданія, сложенныя из цѣлых гранитных глыб, отшлифованных, мастерски пригнанных друг к другу и скрѣпленных массивными серебряными скобами, — тянулись длинными рядами вдоль пустынных, поросших травой, улиц. Огромныя арки, необычныя сооруженія, полная пустота и молчаніе вокруг вселили в нас чувство одиночества.

Ни один звук не нарушал тишины мертваго города. Огромныя разноцвѣтныя ящерицы разбѣгались при нашем приближеніи, да какія-то птицы неподвижно сидѣли на высоких колоннах храмов и спокойно наблюдали за нами, склонив вниз свои хищныя головы.

Под одной высокой аркой лежала груда потемнѣвших серебрянных скоб, а в двух шагах от нея — два скелета, сплетенных навѣки в тѣсном братском

объятіи. . Два длинных меча, части металлическаго снаряженія, тяжелый и ржавый мушкет — без слов разсказали мнѣ исторію жадных завоевателей-испанцев, разрушавших стѣны из за серебряных слитков. Я толкнул ногой тяжелый черный шлем, и из него со стуком выкатился пожелтѣвшій череп и уставился на меня черными провалами глазных впадин. Маленькая бѣлая ящерица, испуганно мелькнув хвостом, выскочила из шлема и скрылась в травѣ...

Мы осмотрѣли весь город и подошли к массиву храма, гигантскую крышу котораго когда-то поддерживали многія сотни колонн.

— Это—храм Тіи, королевы и повелительцы этого города, — сказал Нао. — Старыя индѣйскія сказанія разсказывают, что она была женщина необыкновенной красоты. Роста она была обыкновеннаго, — человѣческаго, но великаны-жрецы считали ее божеством и поклонялись ей. . Этот храм — ея гробница. Мой отец говорил, что он однажны случайно нашел вход и видѣл Тію...

— Видѣл Тію? Как же он мог видѣть ее, когда она умерла много тысяч лѣт назад? — спросил я с недовѣріем.

— Она была, как живая... Но отец никогда не разсказывал об этом..

— Черт вовьми, это интересно... Давай, Нао, поищем вход в усыпальницу...

— Я знаю, гдѣ можно искать вход, но не совѣтую тебѣ проникать туда. Я тебѣ скажу то, что отобьет у тебя охоту искать вход в гробницу...

Нао откашлялся и продолжал:

— Мой отец, славный и благородный вождь, не раз бывал здѣсь и знал много тайн, которыя я не достоин был узнать .. Он мало разсказывал нам о том, что знал, но однажды подѣлился секретами со своим другом. Я лежал в хижинѣ и дѣлал вид, что сплю, но все слышал... Отец говорил, что нашел вход в подземелье и спускался туда вмѣстѣ с католическим пастором-ученым. И этот пастор остался там...

— Как, остался там? Что-же, твой отец... убил его, что-ли?—спросил я, удивленный и заинтригованный.

— Нѣт, пастор был служитель Бога, и отец уважал его. Он остался там, потому что сам не захотѣл уйти... Она умерла, но имѣет силу, которая заставляет людей, видящих ее, забыть все, и оставаться с ней навсегда...

— Вздор!.. Пастор, просто, сошел с

ума... Но я должен непремѣнно взглянуть на эту богиню...

— Ни один блѣднолицый не сможет безнаказанно видѣть Тію... Ея колдовство поражает вас, бѣлых... Мой отец — краснокожій и мог спокойно уйти от богини, а пастор остался... Он был служителем своего Бога, но не мог устоять против силы Тіи и остался с ней, чтобы умереть у ея ног.

— Прекрасно, Нао... Отличная сказка!.. Ты ее будешь разсказывать в свое время моему сыну... Но не бойся. Ты же знаешь, что меня ждет маленькая Долорес, которую не может замѣнить ни одна женщина в мірѣ...

— Ты забудешь о Долорес, как только увидишь Тію... — мрачно отвѣтил Нао. — Ты видѣл достаточно, тебѣ будет о чем разсказывать... Вернемся обратно.

— Ты хочешь, чтобы я не пытался взглянуть на Тію, но сам же разжег мое любопытство... Я — твердый человѣк, Нао, и никакія чары не дѣйствуют на меня... Идем, старый сказочник...

* * *

Три томительно-долгих дня провели мы в безплодных попытках найти таинственный вход в усыпальницу Тіи. Мы тщательно обслѣдовали каждый метр каменных стѣн храма, осмотрѣли и выстукали всѣ выступы, углы и неровности, — все было напрасно.

Только на четвертый день, ранним утром, Нао с торжествующим криком ухватился за тяжелое серебряное кольцо, обнаруженное им под большой каменной плитой на полу храма.

Вдвоем мы взялись за это кольцо и напрягли силы. Длинная серебряная цѣпь потянулась за ним, и в слѣдующую минуту квадратный массив стѣны стал со скрипом отходить в сторону, и из открывшагося за ним темнаго входа повѣяло сыростью и прохладой.

Итак, мы нашли вход в усыпальницу богини Тіи, повелительницы города Хуанако...

Мое волненіе было столь велико, что я, несмотря на все мое желаніе тотчас же проникнуть в тысячелѣтнюю тайну, не мог сразу рѣшиться войти в темный коридор, круто спускавшійся вниз.

Только нѣсколько часов спустя, приготовив фонари и веревки, и с мѣлом в руках, чтобы отмѣчать пройденный путь и не заблудиться в лабиринтѣ переходов, я

и Нао спустились вниз и двинулись по прямому, как стрѣла, корридору.

Пройдя ряд больших и малых залов и комнат с многочисленными арками и наглухо закрытыми дверями, мы неожиданно очутились в большом залѣ, настолько обширном, что свѣт наших фонарей не достигал его стѣн.

Зал был совершенно пуст, но пройдя его, мы невольно остановились, и даже невозмутимый Нао испуганно вскрикнул: у высокаго входа в слѣдующій зал вытянувшись стояла исполинская фигура человѣка. Странное одѣяніе, невиданное оружіе в руках, открытые глаза и весь облик живого человѣка заставил и меня попятиться назад.

Но Нао уже пришел в себя.

— Не бойся, Дон-Мишо, — сказал он, освѣщая неподвижную фигуру, — он мертв... Отец говорил об этом, но я сразу не вспомнил... Идем дальше...

Мы миновали великана и вошли в зал еще болѣе обширный. Наши фонари освѣтили массу фигур великанов, застывших в различных позах и обращенных лицом в одну сторону. Серебряное оружіе и украшенія тускло сверкали на колѣнопреклоненных мертвых людях. Это было необычное зрѣлище!..

Я дотронулся до одного, украшеннаго діадемой старика и вскрикнул от удивленія; — одежда старика, бѣлая с пурпуром, была тверда и холодна, как камень. И всѣ великаны, находившіеся тут, были похожи на изваянія...

Я стал смутно догадываться, что невѣдомый древній маг и чародѣй знал удивительный способ бальзамированія, — замораживанія людей и их одежды, сохраняя их живой облик. Я понял, что нахожусь в самой усыпальницѣ Тіи, и что всѣ окаменѣлые великаны — ея жрецы, воины и рабы, добровольно ушедшіе от жизни вслѣд за своей повелительницей.

По широкому проходу, образованному группами мертвых стражей, я направился к высокому возвышенію, сіявшему украшеніями. Смутная фигура женщины, сидѣвшей на высоком тронѣ в бѣлоснѣжной одеждѣ, окруженная свитой, — неясно обрисовывалась при блѣдно-желтом свѣтѣ фонаря...

Торжественное безмолвіе, огромныя фигуры мертвых великанов, вѣяніе вѣчности, — все это подѣйствовало на меня, и, невольно сняв шляпу, я, как провинившійся

школьник, невѣрными шагами направился к трону.

Нао слѣдовал за мной, озираясь вокруг и шепча заклинанія духам предков.

— А гдѣ же пастор? — подумал я и тотчас же увидѣл...

На первой ступенькѣ лѣстницѣ, ведшей к трону, лежала куча бѣлых костей, покрытых полуистлѣвшими остатками черной сутаны. Около костей валялся разбитый фонарь; истлѣвшая Библія лежала тут же. Огромные вороха сухих смолистых вѣтвей были разбросаны повсюду. Я замѣтил остатки самодѣльных факелов, всунутых в руки великанов и содрогнулся, представив картину метавшагося в припадкѣ безумія человѣка, освѣщавшаго темный зал вѣтвями и факелами.

Что за страшная сила таилась в этой сказочной повелительницѣ?

Смутное чувство тревоги и опасности охватило меня, и я почти с суевѣрным страхом смотрѣл на возвышавшійся предо мною трон. Очертанія женской фигуры, сидѣвшей на нем, все так же неясно рисовались при невѣрном свѣтѣ моего дрожавшаго в руках фонаря. Длинныя бѣлоснѣжныя одежды спускались волнистыми складками по ступеням до моих ног, и мнѣ

казалось, что мертвые рабы тихо колышут опахалами над головой Тіи.

Мучительное желаніе взглянуть в лицо Тіи со страшной силой вспыхнуло во мнѣ, и я медленно двинулся вверх по ступеням.

Я поравнялся с ней... и невольно закрыл глаза прежде, чѣм взглянуть в ея лицо...

Подняв фонарь, я взглянул... Она смотрѣла на меня прямо своими волшебными глазами, и мнѣ казалось, что она улыбается и хочет что-то сказать...

Я смотрѣл на нее, не отрываясь. Во мнѣ совершался какой-то внутренній переворот. Слезы счастья, неизъяснимой любви и сладкой грусти подступали к моим глазам...

Она была прекрасна!..

Человѣческій язык слаб и безсилен и нѣт в нем слов, которыми можно было бы достойно описать ея красоту.

— Божественная!.. — проговорил я, склоняясь перед ней и цѣлуя ея холодную руку. И мнѣ показалось, что рука потеплѣла под моими губами, и лаской блеснули изумительные глаза...

— Свѣта!.. Огня!.. — закричал я, выпрямляясь. — Эй, слуги, рабы! Несите

яства и сладкія терпкія вина... Славьте божественную Тію!..

И темно-бронзовые невольники заметались по залу .. Толпа великанов зашевелилась, задвигалась, придвинулась к ступеням трона. Мужественныя бородатыя лица восторженно смотрѣли на божественую, и, потрясая мечами, исполины восклицали торжественное славословіе.

В серебрянных курильницах и свѣтильниках засверкало голубое пламя, волны ароматнаго дыма поплыли по залу, вселяя радость и восторг...

Я смотрѣл в глаза божественной и со слезами счастья говорил ей о своей любви и преданности...

—о—

Я очнулся в маленькой, убогой хижинѣ, притаившейся над крутым обрывом у горнаго водопада... В хижинѣ этой жил одинокій, угрюмый индѣец — Бѣлая Сова, колдун и знахарь.

Нао принес меня, связаннаго, на своей спинѣ, и оба старика лечили меня от моего внезапнаго помѣшательства... Старый знахарь знал секреты горных трав, поил меня снадобьями, лечил заклинаніями и заговорами заставил меня забыть мое путе-

шествіе и все произошедшее со мной... Индѣец знал великую силу гипноза и в мѣсяц вылечил меня от моего помѣшательства.

Я был увѣрен, что ѣздил в горы, — осматривать новую гасіенду и заболѣл в пути, и Нао усиленно поддерживал во мнѣ эту увѣренность.

Мы вернулись в город, но... Долорес навсегда потеряла меня, — я возвратился равнодушный и к ней и ко всему; тотчас распродал все, что имѣл, и уѣхал на побережье, к морю.

Томительная тоска и воспоминанія о чем-то, чего я никак не мог вспомнить, порою мучили меня, и тогда я пил...

И до вчерашняго дня я жил отравленный неясными предчувствіями, влекомый невѣдомым тайным зовом, к которому я жадно прислушивался в долгія темныя ночи, стараясь угадать что-то знакомое, важное, что составляет цѣль моей жизни.

Теперь, случайно, я услышал это имя, — Тіахуанако, — и вспомнил все, что было, и знаю, что должен дѣлать.

— Тія божественная ждет меня...

———

ЛЕНОЧКА — САН.

Словно по мановенію волшебной палочки доброй феи, — туман, окутывавшій плотной густой пеленой наш пароход, — раздвинулся как занавѣс, и веселый, залитый солнцем Хакодате открылся перед нами яркой, брызжущей красками панорамой...

Важно и солидно гудя, сверкающій, вымытый и чистый, свѣже-выкрашенный от трубы до ватер-линіи, наш «Кишинев» рѣзво шел к гавани.

Стосковавшіеся по землѣ, послѣ долгаго 30-дневнаго путешествія по рыбалкам Камчатки, пассажиры толпились на палубах, оживленно и радостно привѣтствуя долгожданный берег...

Слава Богу... Наконец то кончен длинный — длинный, на рѣдкость тяжелый путь от далекаго Анадыря до Японіи. А отсюда, через два дня по синим волнам россійских вод, — родной, милый Владивосток...

Веселые, сіяющіе матросы возились у лебедок, пускали пар, и приготовляли к спуску трап. *) Раздалась отрывистая команда, загудѣли цѣпи, с грохотом упал якорь, — и медленно развернувшись, пароход стал на рейдѣ.

С берега уже летѣл маленькій таможенный катер, а за ним, как стая птиц, обгоняя друг друга, торопились к пароходу безчисленныя шлюпки и лодки...

Я и Рузанов стояли на верхней палубѣ и смотрѣли на выросшій перед нами город.

Берег!.. Сколько удовольствій сулил нам этот берег... Соскучившіеся по землѣ, по женщинам, мы рисовали себѣ тѣ удовольствія и наслажденія, которых были лишены долгое время. Баня, горячіе ключи Юна-Кава, дальнія улицы японских предмѣстій города, — улицы, по которым никогда не скучно ходить и наблюдать странную и непонятную нам жизнь: чайные домики с нѣжными и покорными гейшами, маленькія столовыя и харчевки в береговых портовых улицах, гдѣ пьянствуют матросы со всѣх кораблей, гдѣ можно

*) Трап, — деревянная лѣстница с веревочными перилами, спускаемая с борта парохода.

поѣсть настоящій русскій борщ, и выпить также «настоящей Смирновки»...

Все было к нашим услугам...

— Бриться, мыться, одѣваться, — и на берег отправляться!.. — пропѣл Рузанов, хлопая меня по плечу. И мы, перегоняя друг друга и перескакивая сразу через пять ступенек лѣстницы, бросились в свою каюту.

* * *

Усталые, но довольные, еле передвигая ноги, с массой ненужных нам покупок, возвращались мы ночью, по залитым электрическим свѣтом улицам.

— Подожди. . — остановил меня Рузанов. — Здѣсь гдѣ-то есть русская столовая... Переулок темный, но вѣдь это — Японія, здѣсь безопасно. Идем... Я хочу ѣсть...

Мы свернули в узкій переулочек, сплошь состоявшій из матросских харчевень. Отовсюду неслись крики и пѣсни... Двери поминутно раскрывались, бросая в уличку яркіе снопы свѣта, и новые гости, веселые и безпечные матросы, с гамом и криком вваливались в помѣщеніе. Старательно минуя такія оживленныя скопленіем черезчур веселой публики столовыя,

мы наконец дошли до самаго конца улички, и остановились у двери, над которой было написано:

«Русская столовая папы Николая».

И так как там было тихо, мы вошли.

Маленькая комната, с тремя столами и буфетом, носила слѣды битвы народов... Старый японец поднимал стулья, и недружелюбно взглянул на нас, ожидая увидѣть матросов, но тотчас же заулыбался, и засуетился, и что-то крикнул за занавѣску в слѣдующую комнату.

Мы сѣли. Пестрая занавѣска заколыхалась, раздвинулась, и маленькая японочка, с прелестным милым личиком, в ярком цвѣтном кимоно, постукивая деревянной обувью, быстро подошла к нам.

— Добрый вечер!.. — на чистом русском языкѣ заговорила она, улыбаясь. — Вы будете ужинать?!. Вам навѣрное надо два бифштекса с яйцами и луком, по рюмкѣ водки и бутылку пива?.. Правда?..

Я был так удивлен, что только кивнул головой, и с глупым видом уставился на нее. Рузанов с нѣмым восторгом смотрѣл на дѣвушку, и восхищеніе было ясно выражено на его лицѣ... Дѣвушка засмѣялась.

— Всѣ удивляются, что я так хорошо говорю по русски... Это потому, что я

жила в Петропавловскѣ... Знаете, на Камчаткѣ... Я училась в русской школѣ, и умѣю читать и писать .. Меня зовут Лена-Сан... Леночка... — Она щебетала как птичка, накрывая нам на стол, и когда все было подано, она усѣлась между нами и хозяйничала с важным видом. Мы охотно и безпрекословно подчинялись нашей маленькой хозяйкѣ, и надо сказать, оба были в восторгѣ. Она была прелестна, эта маленькая крошка...

Скоро мы стали друзьями, и узнали ея тайну. Она не была японка. Дочь бѣднаго корейца, она жила среди русских в Петропавловскѣ до 15 лѣт, когда отец продал ее папѣ Николаю, за 75 іен, и тот увез дѣвочку в Японію. И вот уже два года она живет здѣсь, и ведет все хозяйство.

— Матросы плохіе люди... Они думают — Лена-Сан — гейша .. Он пристают и мнѣ больно... — говорила она и довѣрчиво показывала нам синяки на ея руках.

Мы разстались с маленькой Леночкой друзьями. Когда же Рузанов, прощаясь с ней, хотѣл ее поцѣловать, — Леночка с укором и слезами, блеснувшими на глазах, сказала:

— Всѣ мужчины так... Зачѣм так, Шура-Сан... Я думала, вы совсѣм другой, не как всѣ... Не такой, как матросы... — и опустив голову ушла.

Рузанов стоял обезкураженный. Краска стыда залила ему лицо.

— Первый раз в жизни я краснѣю и искренно раскаиваюсь... — воскликнул он.

Что и говорить, что на другой и еще на слѣдующій день мы были частыми гостями у папы Николая. Мы просто пропадали там. Конечно, не борщ и котлеты его приготовленія были нашей приманкой, а милая славная Леночка. Моя дружба с ней росла, и она меня называла на „ты". Рузанов же стремительно и бурно влюбился в маленькую дѣвушку.

Цѣлые дни проводили мы всѣ вмѣстѣ, бродили по городу, по паркам, а вечерами сидѣли в маленькой верхней комнатѣ, неизмѣнно засиживаясь до утра. Уже не стѣсняясь меня, они цѣловались, но иногда перепадало и мнѣ и цѣлуя меня, Леночка говорила:

— Ты, Володя-Сан, тоже очень хорошій... Но ты немного сердитый... Ты не позволяешь Шурѣ-Сан обнимать Леночку и цѣловать ее... Почему так, Володя-Сан?... Ну не сердись, ты не думай, я тебя тоже люблю... Но Шуру-Сан —

больше... Ах, Шура-Сан, я очень люблю...

В ея маленьком, не знавшем любви и ласки сердцѣ, пышным пламенным цвѣтком распустилась первая любовь к моему легкомысленному и беззаботному другу. Нам приходилось увеличивать заказы, чтобы сидѣть безконечно долго в верхней комнатѣ, но все-же папа Николай стал сурово поглядывать на нас, т. к. Леночка отказывалась идти вниз к гостям, и была все время с нами.

* * *

Мы сидѣли за бутылкой вина и, горестно вздыхая, думали о том, что через 36 часов наш пароход, и так необыкновенно долго задержавшійся в порту, выйдет в море.

Было жалко Леночки, и уж не так тянул к себѣ Владивосток...

— Давай увезем с собой Леночку?.. — полу-серьезно сказал Рузанов, и смѣясь стал говорить Леночкѣ:

— Вот возьмем, да и заберем тебя, Леночка... Украдем у Николая... Поѣдешь с нами, Леночка?.. Будешь жить со мной, у моей мамы... Я и Володя будем тебя учить... А потом... Потом, я женюсь на тебѣ... И

будем мы очень — очень счастливы... Вѣрно, крошка?. Вѣдь ты любишь меня?..

— Я поѣду с тобой куда — хочешь... — торжественно отвѣтила дѣвушка, довѣрчиво и нѣжно к нему прижимаясь...

Мнѣ было неловко. Шутка зашла далеко...

Конечно, Леночку мы могли бы легко и незамѣтно увезти с собой... Но что мы стали бы дѣлать с ней, там, во Владивостокѣ? Нѣт, нѣт, это было рѣшительно невозможно.

Когда же вечером мы пріѣхали прощаться, тяжелая сцена между Леночкой и Рузановым еще болѣе разстроила меня. Я чувствовал, как во мнѣ поднималась злость на моего друга, необдуманно и легкомысленно ставшаго причиной горя маленькой довѣрчивой дѣвушки.

— Возьми меня.. Возьми меня с собой... Я умру без тебя, Шура-Сан... Я умру, как только уйдет пароход... — Леночка рыдала и цѣплялась за Рузанова. — Ты же говорил, любишь Леночку... Ты цѣловал меня... Ты же сам звал, „Поѣдем, Леночка“... Значит, ты не любишь меня... Ты как матрос...

Рузанов был блѣден и растерян...

Я не мог видѣть рыдающей крошки,

ея мольбы и жалобы терзали мое сердце, и не выдержав этой тяжелой сцены, — я вышел.

Сидя в лодкѣ и подъѣзжая к пароходу, Рузанов растерянно и смущенно говорил:

— Я не знал, что она дѣйствительно любит меня, и так привяжется... Мнѣ ее безконечно жаль... Я готов был взять ее с собой. Но, Боже мой, я не имѣю права на это...

* * *

Было туман, вѣтер и дождь... Тоскливо гудя, в вечерніе сумерки пароход выходил в море. Качка усиливалась... К вечеру волненіе перешло в сильный шторм... Озабоченные матросы закрывали всѣ люки, и не позволяли рабочим, ѣдущим в трюмѣ — выходить наверх.

Волны дыбились, пѣнились, захлестывали пароход, и вода потоками текла по нижней палубѣ. Ночью шторм перешел в бѣшеный ураган. Дикій вѣтер выл и свистѣл в снастях. Пароход бросало как щепку из стороны в сторону. В каютт-компаніи двери были сорваны и по колѣно была вода, которая проникла и в каюты. Бѣдные классные пассажиры, полумертвые

от морской болѣзни, с ужасом ожидали конца в своих затопленных каютах.

— Послѣдній шторм!.. На память и в наказаніе за наши грѣхи! — смѣялся Рузанов. Он уже видимо успокоился, и забыл Леночку, так как доставал из чемодана фотографіи ожидающих его возвращенія и подаривших ему свои сердца женщин и, любуясь, смаковал встрѣчи с ними.

Ураган бушевал всю ночь. Положеніе было серьезно, так как капитан не покидал мостика. Едва лишь разсвѣло, я с трудом выбрался на палубу. Страшная и величественная картина разбушевавшейся стихіи предстала предо мной.

Огромные зелено-синіе валы, с пѣнящимися бѣлыми вершинами, бѣшено бросались на наш пароход. Он скрипѣл и вздрагивал, и, казалось, стоял на мѣстѣ, не в силах преодолѣть волн и вѣтра. Такой огромный в гавани, он казался жалкой маленькой скорлупой на безпредѣльной поверхности вздыбленной, разъяренной стихіи. Вѣтер выл, ревѣл, свистѣл и сѣк по глазам, полным слез от морской воды и его порывов. Медленно выпрямляясь на минуту, и сбрасывая воды с бортов, пароход лѣз на водяную гору, и медленно перева-

лив, и наклонившись на один бок, стремительно летѣл вниз, и зарывался носом в другой вал, все глубже и глубже, и тогда вода заливала судно и неслась от носа до кормы, все сметая и смывая в неудержимом стремительном потокѣ.

— Все равно, — думал я, глядя на закрытые и заколоченные наглухо трюмы, — лучше погибнуть здѣсь... Лучше быть смытым волной, чѣм погибнуть как крыса в трюмѣ, среди объятых безумной паникой людей.

По канатам, протянутым в разных мѣстах палубы, я с трудом добрался до кормы, и стал там, уцѣпившись за желѣзные переплеты борта. Изрѣдка торопливо пробирались матросы, суровые и серьезные, с пожарными маленькими топорами в руках. Видя меня, они что-то кричали, и предостерегающе грозили, но я отмахивался от них, твердо рѣшив остаться на палубѣ.

Вскорѣ ко мнѣ пробрался и Рузанов. Даже трагичность момента не могла убить в нем его оптимизма и жизнерадостности. В то время, как я предавался мрачным мыслям, видя в каждой волнѣ, в каждом наклонѣ судна, общую гибель, и в безконечный раз раскаиваясь в поѣздкѣ, — мой

друг улыбаясь достал из кармана бутылку вина и кусок сыра.

— Выпьем, дружище!.. — прокричал он мнѣ над ухом, — может быть, в послѣдній раз!..

Он отбил горлышко о борт и, поднимая бутылку, на мгновеніе задумался, и потом закричал:

— Я пью за свою послѣднюю, коротенькую любовь, единственную, в которой я взял только сердце и поцѣлуи... Я пью за Леночку Сан!. — и отпив из горлышка, он передал бутылку мнѣ!

Я присоединился к тосту.

И возглашая тост за тостом, мѣшая вино с морскими брызгами, под свист и завываніе вѣтра, по колѣно в водѣ — мы осушили бутылку до дна, и торжественно похоронили ее в морской пучинѣ.

— При печальном финалѣ сегодняшняго дня, эти шлюпки наше единственное спасеніе... — кричал Рузанов. — Наш долг оберегать их... Застегнем этот брезент...

Мы двинулись к одной из лодок, покрывавшій которую брезент разстегнулся и хлопал на вѣтру, как бич.

Подтягивая и закрѣпляя брезент на мѣстѣ, Рузанов заглянул в лодку, и, отпрянув назад, в ужасѣ уставился на меня. Я

бросился вперед, и заглянул в лодку.

На ея днѣ, в водѣ, посинѣвшая и мокрая, без движенія лежала дѣвушка. Крик изумленія невольно сорвался с моих губ:

— Леночка!!...

Оттолкнув меня, Рузанов быстро прыгнул в лодку, и наклонился над Леночкой.

Я, потрясенный произошедшим, стоял и не знал, что дѣлать.

Через пол-минуты блѣдное лицо Рузанова вынырнуло передо мною, и вѣтер донес до меня обрывки слов:

— Необходимо... каюту... Тепло...

Наши глаза встрѣтились... Положив мнѣ руку на плечо, и заглядывая мнѣ в глаза, он крикнул:

— Это судьба... Я буду заботиться о ней ..

Наклонившись, я видѣл, как мой друг, подняв Леночку, стал приводить ее в чувство, согрѣвая ея холодные пальчики своим дыханіем, цѣлуя ее, и называя нѣжными именами.

Через нѣсколько минут дѣвушка медленно открыла глаза, и стал озираться вокруг... Увидѣв Рузанова, она улыбнулась; нѣжный румянец появился на ея щеках. Она прижалась к нему, спрятав лицо на его груди, и заплакала...

* * *

— Володя-Сан...

Леночка довѣрчиво и радостно протянула мнѣ свои руки, и я поцѣловал тоненькіе пальчики мужественной маленькой крошки...

Она стояла на палубѣ, крѣпко уцѣпившись за нас, в мокром, ярком, легком кимоно, и не спускала сіяющих, полных обожанія и любви глаз с Рузанова.

Ея не пугала буря, — вѣдь Шура-Сан был с ней! — и когда вода заливала нас по пояс, и мы цѣплялись за все, захлебываясь и отплевываясь, она только смѣялась... Она любила Рузанова всей потрясающей силой своей первой любви, и с ним она ничего не боялась...

— Слушайте!.. — кричал я им: — Шура! Леночка!.. Когда пароход наклонится в ту сторону, а наша сторона будет подниматься все выше и выше, — тогда надо бѣжать вон туда, к той оторванной двери. Там каюты. Леночка, надо бѣжать очень, очень быстро.,. Надо успѣть, пока нѣт волны на эту сторону... Понимаешь, Леночка?

— Я одна... Нѣт, нѣт... Одна — нѣт... С Шурой вмѣстѣ.... — и Леночка с мольбой уцѣпилась за руку Рузанова.

— Да... Да... Леночка... Вмѣстѣ... — отвѣтил он, обнимая ее.

— Ну, готовьтесь... Сейчас... Бѣгите. Я слѣдом за вами... — и я слегка толкнул Рузанова.

Сдѣлав привѣтственный жест, Рузанов побѣжал по наклонной мокрой палубѣ, увлекая за руку Леночку...

— Назад... Назад... Шура, назад... — с ужасом и отчаяніем закричал я, увидѣв грозную, нависшую, клокочущую, зелено-черную массу над пароходом. — Девятый вал!.. Назад!..

Но было поздно... С грохотом и гулом обрушились сотни тонн воды на палубу, забурлила и запѣнилась вода, как в кипящем котлѣ. Судорожно уцѣпившись за поручни, и упершись спиной в канатный ящик, — я ждал приближенія конца... В послѣдній момент я видѣл, как Рузанов метнулся к канату, чтобы уцѣпиться за него, и протянул руку Леночкѣ: затѣм, как тяжелая свинцовая доска, ударила вода, и с неимовѣрной силой стала отрывать меня от пола. Захлебываясь и задыхаясь, я все же старался держаться на мѣстѣ. Я открывал рот для воздуха и глотал горько-соленую воду. А поток все несся и несся...

Конец, — мелькнула мысль: звон раздался в ушах, все стало безразличным, — я терял сознаніе...

И вдруг, — вѣтер — дикій, свистящій, сбивающій с ног, вѣтер ударил мнѣ в лицо, защекотал в носу, и сразу привел в себя... Я оглянулся...

Лодок не было, мачта была сломана, борта исковерканы и разбиты... Я чудом остался жив...

Огненная мысль прорѣзала мое сознаніе...

— Рузанов... Лена!.

Я бросился, цѣпляясь, вперед на палубу. Страшная мысль жгла мой мозг...

— Рузанов!.. Шура!.. Леночка! . — дико и изступленно кричал я и как безумный, пренебрегая опасностью, метался по палубѣ.

Налетѣвшій вал повалил меня, понес и, с силой ударив о стѣну, бросил в коридор. Ухватившись за что-то, я поднялся на ноги, и вдруг увидѣл в углу Рузанова. Он лежал с разбитой головой, и из носа и рта текла кровь, смѣшиваясь с морской водой. Кинувшись к нему, я поднял его, и стал трясти, и тереть ему уши, чтобы привести его в себя...

Застонав, Рузанов схватился рукой за

голову и открыл глаза.

Минуту он смотрѣл мутным взглядом, постепенно приходя в себя.

— Леночка!.. — вдруг страшным голосом закричал он, рванулся вперед, протянув руки, и остановился с безумным взглядом...

В его судорожно сжатых пальцах правой руки был большой кусок яркаго, солнечнаго кимоно маленькой Леночки-Сан...

УЩЕЛЬЕ ЖЕЛТЫХ КАМНЕЙ.

Когда наступил вечер и голубыя дымчатыя сумерки заволокли землю, Шубин убѣдился в том, что окончательно и безнадежно заблудился.

Дикая и непроходимая чаща кустарниковаго лѣса, угрюмыя сѣрыя и коричневыя горы, с мрачными провалами трещин и ущелій, угрожающее и томительное безмолвіе вокруг—усиливали чувство одиночество и оторванности, и впервые отчаяніе холодной рѣжущей сталью вползло в душу Шубина и защемило сердце.

Сидя у потрескивающаго костра, Шубин со злобой в тысячный раз ругал себя за свое легкомысліе, благодаря которому он потерялся в непроходимых дебрях и горах этой совершенно неизслѣдованной части Камчатки.

Группа большой научной экспедиціи, к которой принадлежал Шубин, должна была уже свернуть свою работу в этой

мѣстности, и перенести ее в другое мѣсто. И лишь по настойчивому требованію Шубина, для болѣе детальнаго изслѣдованія горных пород, — партія осталась на нѣсколько дней на прошлой стоянкѣ.

Шубина, как геолога, поразило необыкновенное богатство горных пластов, и встрѣчая на каждом шагу в изобиліи полезные и рѣдкіе образцы, он, взволнованный этим богатством земных нѣдр, которыя таились здѣсь, в неизвѣстной области, работал как в лихорадкѣ, стараясь за нѣсколько дней задержки сдѣлать как можно больше; собирал образцы, дѣлал анализы, и без устали бродил и лазил по скалам и горам, далеко оставляя позади усталых и измученных спутников.

И сегодня, увлеченный найденными им признаками цѣннаго и рѣдкаго метала, он с утра углубился в горы, и когда усталый и голодный повернул обратно к лагерю, с мѣшком образцов, собранных им, за плечами, то вскорѣ с непріятным чувством замѣтил, что совершенно не туда идет, и вообще не помнит пути, так как не замѣчал его.

Оріентируясь на солнце, он нѣсколько раз мѣнял направленіе, и, наконец, движимый чувством смутнаго страха, он стал

кружить и плутать без всякаго опредѣленнаго пути, желая только добраться скорѣе до лагеря.

Темныя длинныя синія тѣни и вечерняя прохлада, повѣявшая от скал, заставили его бросить свой мѣшок и усилить свои попытки выбраться из лабиринта мрачных и однообразных ущелій. Торопливо карабкаясь и взбираясь на склоны, падая и срываясь, он смутно надѣялся, что вот-вот за этой скалой, или у подножія той горы мелькнут привѣтливые огни костра и бѣлыя пятна палаток.

Но нѣт... Огней не было видно, а голод был мучительный, и тѣло ныло от ушибов и усталости. Холодный ночной туман, опустившійся на землю, скрывал в молочном сумракѣ ближайшіе предметы; холодный пронизывающій ток вѣтра потянул от темных жутких впадин ущелій, и пріютившійся под нависшей скалой до утра Шубин чувствовал холод, страх и одиночество.

Смутные таинственные голоса ночи пугали его, и он, вздрагивая и озираясь, лихорадочно бросал в огонь пучки вѣток и в вспыхнувшем пламени костра старался разглядѣть что-нибудь впереди.

Слѣдующій день не принес желаннаго

избавленія. Мучимый голодом и страхом, Шубин в тоскѣ и отчаяніи взлѣзал на вершины гор, высматривая окрестности, кричал до боли и хрипоты, а ночью развел на высокой горѣ костер в надеждѣ быть замѣченным своими.

Но все было напрасно. Обратный путь к людям, к жизни, был потерян.

Шесть дней спустя, полубезумный от голода, лихорадки и истощенія, с вывихнутой ногой, — Шубин был подобран Батталлой и ея братьями.

Баттала, нашедшая Шубина и ухаживавшая за ним во все время его медленнаго выздоравливанія, по праву вѣковых законов племени считала Шубина своей находкой и спѣшила взять его себѣ в мужья и с нетерпѣніем ждала, когда „странный человѣк с волосатой и бѣлой кожей“ поправится, чтобы объявить об этом всему племени. Дочь вождя и красавица, Баттала, гордо отказывавшая всѣм мужчинам своего и чужих племен, почувствовала, как вмѣстѣ с жалостью при видѣ умирающаго такого страннаго невиданнаго никогда человѣка, в ея дикое сердце, еще не знавшее любви, закралось невѣдомое новое чувство.

С нѣжностью матери она ухаживала за Шубиным, и когда он, видя ея заботливость,

впервые благодарно улыбнулся ей, она была несказанно счастлива.

Шубин поправлялся, и когда окрѣп настолько, что мог ходить, он всѣ дни проводил, бродя около селенія, в сопровожденіи неотстающей Батталлы.

Шубин не мог пожаловаться на отношеніе туземцев к себѣ, они были гостеприімны и оказывали ему почтеніе. Их поразил его складной стальной нож, часы, записная книжка и самый процесс записыванія.

Все это скоро убѣдило Шубина, что он попал к дикарям совершенно неизвѣстнаго племени, не видѣвшим никогда бѣлаго человѣка.

Однако, несмотря на полную свободу, которой он пользовался, Шубин скоро замѣтил неустанный надзор за собой. Помимо Батталлы, всюду слѣдовавшей за ним, он часто замѣчал скрывавшихся за скалами или за деревьями людей, слѣдивших за ним.

С сознаніем того, что плѣнник, у Шубина окрѣпло желаніе бѣжать во что-бы то ни стало Но он знал, что надо было быть осторожным и не слишком торопиться, чтобы не попасть опять в такое положеніе, как в первый раз, то есть затерять-

ся среди этих безконечных диких гор, и он рѣшил усыпить бдительность дикарей, хотя-бы внѣшне показывая, что он никуда не стремится, и чувствует себя у них дома. Цѣлый мѣсяц сѣвернаго лѣта имѣлся в его распоряженіи, и предполагая за этот період собрать необходимыя ему свѣдѣнія об окружающей мѣстности, Шубин принялся за изученіе языка племени. Очень скоро он мог уже объясняться почти свободно с туземцами.

Между тѣм, Батталла дѣлалась все настойчивѣе и настойчивѣе. Шубин чувствовал к ней глубокую признательность за свое спасеніе, но ея откровенные намеки и поведеніе, с каким она приставала к нему, были ему глубоко противны. Он совершенно не раздѣлял марьяжных планов дѣвушки, и хотя сознавал, что Батталла по своему довольно красива, стройна и безспорно выдѣляется среди всѣх других женщин и дѣвушек племени, но ея первобытная откровенность, ее неряшливость и нечистоплотность, удушливый запах пота и свалявшагося мѣха, ея одежды и, наконец, — толстый слой жира, которым она из кокетства покрывала свое лицо, отталкивали его. И потому он медлил с своим выздоравливаніем, оттягивая неизбѣжную брачную церемонію.

Однако, очень скоро он понял, что единственное спасеніе его — Батталла, и что не будь этой преданной, влюбленной в него дѣвушки, он, может быть, давно былбы мертв, и что став ея мужем, он будет совер шенно свободен, и только с ея помощью он сможет бѣжать.

Скрѣпя сердце, Шубин принудил себя принять супружескія обязанности... Пышная и долгая брачная церемонія закончилась пиршеством, на котором все племя наѣлось до отвалу. Это был самый пышный праздник — как увѣряла радостная и торжествующая Батталла,—за много лѣт. Самые жирные олени из стад племени были убиты и съѣдены; их горячей кровью упились всѣ жители селенья. Три долгих дня длилось роскошное торжество и много вкусных яств, от которых тошнило Шубина, было съѣдено, и когда все было кончено, и послѣдняя кость была обглодана,— старый шаман племени обрызгал молодых оленьей кровью и крѣпко связали их кожанным ремнем.

На правах перваго и любимаго мужа— Шубин ничего не дѣлал и занимался только тѣм, что бродил по окрестностям, изучал их и попутно собирал образцы горных пород. Соорудив для себя и Батталлы печь

с дымоходом и приготовляя мясо отличным от дикарей способом, Шубин вызвал к себѣ величайшее уваженіе туземцев, и чувствовал, что стоит ему сдѣлать что нибудь, что поразило-бы этих людей, как он мог-бы занять второе, если не первое мѣсто в селеньи. Но видя, что старый шаман начинает с неудовольствіем говорить с ним, и зная, что от этого старика многое зависит, он рѣшил не лишать популярности шамана, и тѣм уберечь себя от непріятностей.

Батталла, не понимавшая, зачѣм нужны ея мужу эти разные камни, которые он приносит по многу в жилище и разсматривает с тщательностью, догадалась, что ему необходимы цвѣтные и яркіе камни, ушла однажды надолго в горы, и вернувшись, торжествующая протянула Шубину тускло блеснувшіе на солнцѣ куски больших золотых самородков.

Глухо вздохнув и с трудом подавив крик удивленія, Шубин взял в руки принесенные Батталлой самородки.

Да, сомнѣнія не могло быть. Это было золото... Большіе, с куриное яйцо, золотые самородки лежали в вздрагивающей от волненія рукѣ Шубина.

— Молодец, Батталла! — ласково сказал он, кладя свою руку на ея плечо:—ты умѣешь приносить то, что нужно!..—Голос его окрѣп, и он уже держал себя в руках. — Гдѣ ты нашла эти красивые желтые камни?..

Батталла сіяла. Дѣтская радость охватила ее, и похвала любимаго человѣка, который, хотя и был е я м у ж е м, котораго она кормила и могла прогнать в любую минуту, но который был такой странный, притягательно красивый, не похожій на всѣх мужчин, которых она знала, его похвала опьянила ее.

— Там... — запѣла она, кружась и танцуя.—Там...В ущельи желтых камней... Там много — много есть таких и еще больших желтых камней... Так много, что глаза болят, когда смотришь на них при солнцѣ.. Батталла принесет своему мужу много-много таких же камней, и он будет ее хвалить и говорить ей ласковыя слова, от которых у Батталлы сильно бьется сердце.

— Мы пойдем вмѣстѣ туда, Батталла... — Шубин с горящими глазами схватил за руку Батталлу, и затѣм поры-

висто обнял ее. — Ты покажешь мнѣ это ущелье, в котором так много желтых камней...

Шубин чувствовал, как у него закружилась голова послѣ слов Батталлы, и пересыхало горло от волненія.

— Да... Да... Баттала покажет своему бѣлому мужу ущелье больших камней... Он пойдет туда вмѣстѣ с ней... Только не надо говорить об этом никому... Ходить туда запрещено... Старый шаман будет недоволен, если узнает, что Баттала и ея муж были в ущельи... Завтра утром мы пойдем туда...

Баттала прижалась к нему и заглядывала в глаза, и Шубин, чувствуя около себя молодое горячее тѣло, впервые посмотрѣл на Батталлу так, что она закрыла глаза и крѣпче прижалась к нему.

— Чорт возьми, да вѣдь она молода, и... и недурна. И я, наконец, как - никак, а ея муж...—подумал Шубин, внимательно разсматривая молодую женщину, и уже не слышал противнаго запаха пота и жира, который всегда отгонял ее от него.

Весь остаток дня Шубин провел в большом волненіи. Вѣсть о том, что в диком ущельи, затерявшемся в этих горах,

находится сказочный клад из золотых самородков, перевернула всѣ его мысли и потрясла его. Спокойный и уравновѣшенный человѣк, никогда не чувствовавшій жажды к наживѣ, Шубин совершенно перемѣнился. Громадный золотой самородок, лежавшій в его карманѣ, необычайным образом измѣнил всю его психику. Дремавшіе в глубинѣ его души инстинкты вырвались наружу, и он теперь с замираніем сердца разсматривал кусок золота, принесенный Батталлой, и мысли об обладаніи чудовищным богатством жгли его мозг. Жажда золота и владѣнія им единолично захватила его. Он припоминал с удовлетвореніем, что совершенно не видѣл у этих дикарей украшеній из золота, и радовался, смѣясь про себя, что они очевидно не цѣнят его.

Сидя у ночного костра, Шубин погрузился в свои новыя плѣнительныя умы и Баттала напрасно старалась обратить его вниманіе на себя. Вперив глаза в огонь, Шубин составлял план дѣйствій. Теперь он рѣшил не торопиться с побѣгом, и даже, если будет надо, остаться зимовать с племенем, принимая риск заболѣванія цынгой в длинный зимній період. Надо обезпечить себя золотым запасом, составить план мѣстности

на случай вторичнаго возвращенія за золотом. Единственный человѣк, на котораго он может положиться и кто сможет его вывести из этих мѣст, — это Батталла. Он посмотрѣл на нее испытующе и с тревогой, рѣшая вопрос, пойдет ли она с ним, бросит ли свое родное племя ради него. Подозвав Батталлу к себѣ и усадив рядом, он, обняв ее, стал разспрашивать о таинственном ущельи, и подробный разсказ Батталлы еще раз убѣдил Шубина, что он утром увидит затерянное среди гор дикое ущелье с неисчислимым золотом, обладателем котораго он будет один.

Ранним утром, когда красный круг солнца позолотил верхушки гор и разсѣял сѣдой туман, — Шубин, захватив большой кожаный мѣшок, нетерпѣливо прибавляя шаг, шел рядом с Батталлой.

Послѣ длиннаго утомительнаго пути среди скал и неизмѣнно спускаясь к подножью гор, они пришли к длинному ущелью, на днѣ котораго, будя одиночество окружающей природы, журчал горный холодный ручей.

— Там!..—показала Батталла на громоздившіяся вверху отвѣсных стѣн огромныя глыбы сѣраго камня, и передохнув немного, они полѣзли вверх.

Достигнув вершины ущелья, Батталла, ловко перепрыгивая с камня на камень, подвигалась вперед, Шубин старался не отставать от нея, и с удивленіем оглядывался вокруг. Странный желтоватый отблеск на скалах поразил его; прижимая руки к бѣшено стучащему сердцу, он предчувствовал увидѣть необычайное зрѣлище.

— Здѣсь!.. — сказала Батталла, указывая на узкій вход между двумя высокими стѣнами. Желтый свѣт струился оттуда, из этого входа и Шубин подумал, что Батталла была права, говоря, что нельзя смотрѣть на «большіе желтые камни при солнцѣ». Проводя сухим языком по пересохшим губам, Шубин на минуту остановился, сдерживая волненіе, и затѣм рѣшительно пошел вперед. Батталла медленно двигалась позади, глядя на своего мужа и удивляясь его волненію.

Войдя в узкій проход, Шубин невольно зажмурился от ослѣпительнаго желтаго свѣта, струящагося со всѣх сторон. Открыв их вновь, он громко вскрикнул. Небольшая круглая котловина, в которой он стоял, была наполнена громадными глыбами золота. Огромные самородки громоздились друг на друга и стертыя, обточенныя вѣтром и дождями, блестящія поверхности

их сверкали на солнцѣ, слѣпили глаза...

Большіе и малые золотые камни были вкраплены в стѣны скал, лежали кучами, и дно котловины было выстлано золотом подобно галькѣ. Казалось, всѣ золотые запасы земли, из глубины ея нѣдр, были снесены сюда, и спрятаны от глаз ненасытнаго человѣка.

Медленно, как в туманѣ, Шубин двинулся вперед, простирая руки к этим глыбам...

Все ускоряя и ускоряя шаги, он побѣжал вперед и перед яркой сверкающей золотой глыбой он упал на колѣни и, шепча безсвязныя слова, стал гладить ея поверхность руками. Его блуждающій взор остановился на другой, еще большей глыбѣ, и он побѣжал к ней, спотыкаясь и падая.

Заломив руки, он упал на по крытую золотыми камнями землю, и, хватая золотые куски, прижимал их к сердцу и кричал как безумный, вращая глазами:

— Золото... Золото... Мое золото... Мое... — Он набил трясущимися руками свои карманы золотыми слитками и наполнил мѣшок, так что не мог поднять его; его расширенные полубезумные глаза шарили кругом, осматривали камень, и он с

жадностью хватал большій самородок, и выбрасывал меньшій. Он смѣялся и хохотал, кружился и пѣл, дикій и страшный в своем безумьи от золота.

Увидѣв приближавшуюся Батталлу, в изумленіи и страхѣ смотрѣвшую на него, Шубин совсѣм по звѣриному зарычал на нее и оскалил зубы, а глаза его сузились и смертельная ненависть отразилась в них. Баттала в страхѣ остановилась. Град камней, посыпавшійся в нее, заставил ее поспѣшно выбѣжать из золотой ловушки ея бѣлаго мужа. Но удивленная и испуганная, она все же стала кричать и ласково звать Шубина, но каждый раз он отгонял ее камнями и перетаскивал большія глыбы золота, складывая их в одну колоссальную груду...

Цѣлый день просидѣла плачущая, испуганная и недоумѣвающая Баттала перед узким входом, чувствуя инстинктом непоправимую бѣду стрясшуюся над ея бѣдным мужем. Но с вѣрностью преданной любящей женщины, и надѣясь на что-то, она не уходила и ждала.

Осмѣлѣв она заглянула осторожно в «желтую ловушку». Ея муж сидѣл перед кучей мелких золотых самородков, и, тихо и счастливо смѣясь, глотал их один за

другим. Увидѣв Батталлу, он засмѣялся идіотским смѣхом и протянул ей один самородок...

ШЕСТЬ ЧАСОВ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ.

энди и лев лондонскаго свѣта, молодой Вильям Халлибуртон-младшій заѣхал на короткое время домой, между пятичасовым чаем у лэди Эдиты Мильсон и холостым ужином у Эванса, полковника индійской службы.

Приняв освѣжающій душ, Халлибуртон в легком халатѣ прохаживался по комнатѣ, посматривая на неторопливыя движенія стараго Джона, методично приготовлявшаго ему свѣжій костюм.

— Смѣю рекомендовать вам, сэр, не злоупотреблять вином... Мистер Вилльям очень недоволен вашими поздними возвращеніями, сэр... Он сказал, что принужден будет принять рѣшительныя мѣры... Не далѣе, как сегодня, м-р Вилльям был здѣсь, и замѣтил, что вся комната пропахла совсѣм... М-р Вилльям стукнул кулаком по столу и сказал...

— Хорошо, старина. Хорошо... Можете идти, Джон. Я... я... — Молодой человѣк нѣсколько растерянно оглянулся

и поспѣшно опустился в кресло. — Что это со мной? — проговорил он испуганно, проводя рукой по глазам.

— Вам нехорошо, сэр? — с безпокойством спросил старый слуга, подходя к нему. — Выпейте воды... Не случилось-ли с вами чего-нибудь дурного?

Молодой человѣк, не отвѣчая на встревоженные вопросы Джона, медленно склонил голову на спинку кресла, глубоко вздохнул и закрыл глаза.

— Сэр, не позвать-ли доктора? — испуганно проговорил старик, видя как покрывается блѣдностью лицо Халлибуртона. Кося на впавшаго в обморок молодого хозяина, камердинер поспѣшно засеменил в сосѣднюю комнату к телефону и, сбиваясь, торопливо попросил домашняго врача Халлибуртонов, Стефенсона, немедленно пріѣхать.

Когда доктор, круглый человѣчек, отдуваясь, вкатился в комнату, — молодой человѣк был уже перенесен с кресла на кровать и лежал на ней, вытянувшійся и неподвижный... М-р Вильям Халлибуртон старшій, бульдогообразный дѣлец из Сити, оповѣщенный о случившемся, был уже в комнатѣ и встревоженно встрѣтил доктора.

Наклонившись к молодому Халлибуртону, доктор Стефенсон удивленно поднял брови, но тотчас придал своему лицу безстрастно-спокойное выраженіе и принялся за тщательный осмотр больного.

Через нѣсколько минут он поднялся, и по его возбужденному лицу почтенный родитель молодого Халлибуртона понял, что с его сыном и наслѣдником произошло что-то серьезное... Он двинулся к доктору с тревожным вопросом, но тот предупредил его:

— Прошу вас, сэр, не подходить к постели, — вашему сыну необходимы полнѣйшій покой и одиночество. Ничего особеннаго... Не волнуйтесь, пожалуйста... Попросите слуг не подходить к больному... С вашего разрѣшенія, м-р Халлибуртон, я воспользуюсь вашим телефоном и попрошу пріѣхать сюда профессора Геллерштама... Не могу скрывать от вас, — с м-ром Вильямом произошел странный, — я не хочу сказать больше, — случай... Во всяком случаѣ, профессор — спеціалист в подобных вопросах... Гм... Гм...

Высокій и худой, как жердь, профессор Геллерштам быстро и нервно вошел в комнату. Поздоровавшись с доктором и пожав руку Халлибуртону, он, не теряя

времени, направился к постели молодого человѣка.

Обмѣниваясь отрывистыми фразами с доктором, профессор долго и внимательно изслѣдовал недвижнаго Вилльяма Халлибуртона. Очевидно, придя к какому-то опредѣленному выводу, профессор сказал что-то утвердительно доктору и подошел к Халлибуртону.

— Сэр, — проговорил он, — должен сказать вам, что с вашим сыном произошел чрезвычайно интересный, — для науки, конечно, — случай внезапнаго впаденія в летаргію... Случай исключительный по своим нѣкоторым данным, и я сам буду слѣдить за состояніем вашего сына... Вас-же прошу не волноваться, — ничего угрожающаго его жизни нѣт... Его пробужденіе — вопрос времени. Прошу вас отдать строгій приказ слугам не входить в эту комнату и, вообще, держать язык за зубами...

—о—

В большом, ярко-освѣщенном пылающим камином кабинетѣ Халлибуртонов сидѣли два человѣка. Блѣдный и похудѣвшій молодой Халлибуртон, зябко кутаясь в теплый халат, глубоко ушел в

кожаное покойное кресло. Профессор Геллерштам, угловатый и длинный, сидѣл напротив и молча слушал.

Старый Джон подбросил в камин пару полѣньев дров, заботливо укутал ноги Вильяма клѣтчатым шотландским плэдом и тихо вышел.

— Я разскажу вам все, что было со мной, профессор, — заговорил Халлибуртон: — но прошу вас, чтобы никто об этом не знал. Кромѣ моего отца и теперь—вас, никто не должен быть посвящен в эту удивительную исторію моей двойной жизни... Можете-ли вы обѣщать мнѣ полное молчаніе?

Профессор молча наклонил голову.

— В тот момент, когда я так неожиданно впал в забытье в этой комнатѣ, шесть часов тому назад, — продолжал медленно, как будто возстанавливая какую-то картину, Халлибуртон, — послѣднее, что я воспринял от внѣшняго міра, уходившаго от меня, были слова Джона, предлагавшаго мнѣ воду... Затѣм все покрыл густой, звенящій мрак...

Звон неожиданно прекратился, и я открыл глаза...

Я увидѣл себя полуодѣтым, в холодной водѣ, держащимся за какой-то пред-

мет. Горько-соленая морская вода жгла мнѣ рот и горло, ѣла глаза... То, за что я так крѣпко держался, оказалось большой куриной клѣткой. Я старался высунуться как можно болѣе из воды и громко кричал, призывая к себѣ на помощь.

Огромныя сѣдыя волны захлестывали меня с головой, но клѣтка хорошо меня держала. Тьма ночи и ад окружали меня. Вода кипѣла; какой-то рев, оглушительный и страшный, рѣзал воздух, разрывая уши; безумные крики о помощи неслись со всѣх сторон. Огромная масса наклонившагося парохода, чернѣвшаго невдалекѣ, быстро уходила в воду. Высокій столб дыма, огня и пара со страшным грохотом вырвался из несчастнаго остова, и через минуту морской левіафан скрылся в пучинѣ моря...

Волны и морское теченіе успѣли отнести меня довольно далеко от мѣста гибели судна. Я продолжал неустанно взывать о помощи. Но все было напрасно. Ни одной спасательной лодки не было видно нигдѣ, ни одного спасительнаго огня встрѣчнаго судна не маячило во тьмѣ. Кричать уже было безполезно.

Я даже улыбнулся над своим положеніем. Мнѣ нечего было терять с гибелью

парохода, — у меня не было никакого имущества, кромѣ пары отлично сшитых костюмов и чемоданчика с париками и гримом. Положеніе, в котором я очутился, не страшило меня, так как я был фаталист и вѣрил в свою счастливую звѣзду. Хуже всего для меня было то, что я не умѣл плавать. Лучшій стрѣлок на Дальнем Западѣ, непревзойденный наѣздник и укротитель диких мустангов, — я дѣйствительно: совершенно не умѣл держаться на водѣ.

Все, что я говорю вам, принадлежало к личности того человѣка, которым я был, вынырнув на поверхность воды, когда бросился с борта гибнувшаго судна. Я был не Вилльям Хаяйбуртон, англичанин и природный лондонец, никогда не бывавшій на Дальнем Западѣ Америки, — нѣт, я был Джаспер Гаукинс, талантливый и неуловимый авантюрист, экспропріатор и шантажист... Я плыл на этом огромном пароходѣ, — чудѣ XX-го вѣка, — „Король Эдуардъ“ вовсе не из любви к эксцентричным тратам больших денег за переѣзд через океан, но только слѣдом за бразильским милліонером Альваресом Да Хуэрто, золотые и серебряные доллары которого привлекали меня с давних пор.

Неожиданно мое вниманіе остановилось на каком-то странном предметѣ на противоположном концѣ моей клѣтки...

Вглядѣвшись, я с удивленіем констатировал, что на спасительной клѣткѣ я не один: кто-то ничком лежал на ней, наполовину высунувшись из воды.

— Эй!.. — крикнул я: — Кто еще тут? Слушайте и отвѣчайте, если вы живы...

Фигура шевельнулась и подняла голову. В порѣдѣвшем утреннем сумракѣ я с удивленіем увидѣл большіе сѣрые заплаканные глаза молодой дѣвушки.

— Не гоните меня!.. — умоляюще проговорила она на плохом англійском языкѣ. — Я... я не умѣю плавать...

— Держитесь крѣпче за клѣтку, мисс, — отвѣтил я гораздо мягче. — Почему вы рѣшили, что я прогоню вас?.. Наше положеніе не блестяще, но не будем падать духом. Клѣтка выдержит нас двоих... Надѣюсь, что утром нас подберет какой-либо пароход. Держитесь за клѣтку свободнѣе, не напрягайте рук, иначе у вас не хватит надолго сил...

— Благодарю вас, — отвѣтила дѣвушка, стуча зубами. — Я рада, что не одна здѣсь...

Я достал из кармана брюк неизмѣнную свою фляжку с коньяком, отвинтил металлическую герметическую крышку и протянул флягу дѣвушкѣ.

— Выпейте-ка... Это придаст вам силы и согрѣет вас...

Дѣвушка сдѣлала глоток и вернула мнѣ флягу. Легкій румянец разлился по ея блѣдным щекам.

Несчастье пробудило во мнѣ чувство покровительства к этому испуганному ребенку. Я ободрял ее спокойными фразами, стараясь вселить в нее увѣренность в скором спасеніи.

Едва я успѣл узнать, что она — русская, со странным именем Даша, — служила горничной у богатой парижанки и ѣхала с нею на пароходѣ, — как к нам вторглись, совершенно неожиданно, еще двое людей.

Слѣва, держась за маленькій обломок дерева и нелѣпо барахтаясь, плыл к нам сам бразильскій милліонер Альварец Да Хуэрто... Зеленый от ужаса, с круглыми глазами, он судорожно ухватился за свободный край клѣтки.

— Я гибну... гибну!.. — закричал он, заикаясь. — Спасите меня!.. Умоляю вас, спасите меня!.. Десять тысяч за спасеніе!.. Не гоните меня, — я не умѣю плавать...

Я мрачно посмотрѣл на него.

Клѣтка сразу же погрузилась в воду болѣе, чѣм на половину, — едва-ли она долго выдержала-бы тяжесть трех людей... Я промолчал, ничего не отвѣтив бразильцу.

Пока я размышляя над создавшимся положеніем, справа до нас донеся крик, и через минуту мальчик лѣт пятнадцати подплыл к нам и также уцѣпился за клѣтку...

Теперь вся клѣтка погрузилась в воду... Еще нѣсколько минут, — и мы потеряем возможность за что-нибудь держаться.

— Я... я устал страшно... Простите меня...—проговорил мальчик, задыхаясь.—Но никто не пускал меня... Я подплывал к трем спасавшимся на обломках, — и всѣ гнали... Дайте мнѣ только отдохнуть немного, — и я оставлю вас...

— Прочь, прочь!.. — закричал бразилец. — Мы тонем сами... Гоните его, гоните!..

Я посмотрѣл в покорные глаза дѣвушки, и рѣшеніе созрѣло у меня.

— Нас четверо, — сказал я. — Клѣтка четырех не выдержит. Мы или всѣ погибнем, или только двое могут спастись... Только двое... — подчеркнул я, обращаясь к бразильцу.

Лицо его посѣрѣло от ужаса, — он понял угрозу и заговорил быстро и захлебываясь:

— Нѣт... нѣт... Я не могу... Я не умѣю плавать... Я должен жить... Я должен остаться здѣсь... Слушайте, мы — мужчины, мы сильны... Мы должны остаться... Я озолочу вас, — я — милліонер, у меня дѣла, міровое имя... я должен жить. И вы... Я и вы... А они, — мальчишка и горничная, — пусть уйдут...

— Я уйду,—сказал мальчик, с презрѣніем глядя на бразильца. — Я поплыву дальше...

Дѣвушка заплакала.

— Мерзавец! — крикнул я с отвращеніем. — Мерзкая тварь!.. Я — Джаспер Гаукинс, имя котораго ты хорошо знаешь... — Милліонер поблѣднѣл еще болѣе.—Я заставлю тебя покинуть нас, если ты не сдѣлаешь этого добровольно...

— Сэр, — сказал мальчик твердо, — этот господин боится... Пусть он останется здѣсь... Я же могу плыть и смогу долго держаться на водѣ...

— Останьтесь здѣсь! — строго сказал я. — Ну?.. — обратился я к бразильцу.

— Спасите!.. Умоляю вас!.. Пожалѣйте меня!.. Половину состоянія отдам вам,

— закричал бразилец, стараясь дотянуться до меня своей рукой.

Я вынул из кармана маленькій дамскій револьвер и направил его на милліонера.

— Не надо!.. — крикнула дѣвушка.

Раздался короткій сухой звук. Бразилец дернулся, взмахнул руками. Из маленькой дырки на его лбу показалась черная струя крови и залила все лицо. Длинное тѣло качнулось и, с распластанными руками, медленно пошло ко дну.

Клѣтка нѣсколько выпрямилась, но недостаточно. Мы держались за нее, находясь по горло в водѣ. Еще один человѣк здѣсь был лишним.

Единственный раз в жизни мнѣ представлялся случай сдѣлать честное, порядочное дѣло, и я хотѣл, чтобы у дѣвушки осталось обо мнѣ свѣтлое воспоминаніе...

— Слушайте меня, — обратился я к мальчику, — дайте мнѣ слово, что вы не покинете этой дѣвушки... Ободряйте и поддерживайте ее и никуда не отплывайте.

— Что вы хотите дѣлать?.. — с испугом спросила дѣвушка. — Прошу вас, не надо! Примиримся с Богом и, если нам суждено погибнуть, — погибнем вмѣстѣ...

Я улыбнулся ей в отвѣт. Милая мужественная дѣвушка!.. Я был бы счастлив,

если бы она любила меня... Увы! — я никогда не знал других женщин, кромѣ лживых, накрашенных дѣвушек из баров и подруг преступников.

— Вот вам фляга, — сказал я мальчику: — в ней коньяк... Он поддержит ваши силы... Еще одно, — я обратился к дѣвушкѣ — помолитесь за меня... Я был грязный и скверный человѣк, но ваши молитвы должны дойти до Бога...

Я поднес револьвер к виску. Дѣвушка закрыла глаза и крупныя слезы покатились по ея щекам. Мальчик сурово сжал губы и не смотрѣл на меня.

Раз... раз...

Осѣчка...

Еще раз... Опять осѣчка...

Проклятый револьвер был безполезен. Я далеко бросил в сторону ненужное оружіе и улыбнулся в послѣдній раз.

— Прощайте!..

Затѣм рѣзко оттолкнулся... Я видѣл, как прыгнула вверх освобожденная от лишняго груза клѣтка, — затѣм соленая вода ударила мнѣ в рот и в нос, в уши заколотили гигантскіе молоты, грудь разорвалась на части...

***

— Интересно... — сказал профессор. — В наукѣ существуют примѣры, когда сны, подобные вашему...

— Сны?! — возбужденно воскликнул Халлибуртон. — Увѣряю вас, профессор, это не был сон... Все было настолько реально, что я не сомнѣваюсь, что пережил все наяву...

Профессор Геллерштам улыбнулся.

— Давайте, разберем этот случай, подведя под него матеріалистическую почву и вполнѣ логичное обоснованіе...

Но он не кончил — дверь кабинета распахнулась, и мистер Халлибуртон-старшій поспѣшно вошел в комнату. На его всегда неподвижном лицѣ теперь было выраженіе величайшаго изумленія и испуга... В его рукахъ былъ свѣжій выпуск вечерней газеты. Он быстро подошел к сидящим и возбужденно заговорил:

— Это невѣроятно, потрясающе!.. Ничего подобнаго я никогда не слышал... Читайте, господа... Я... я отказываюсь это понимать...

Он развернул газету на столѣ и указал на крупно чернѣвшій заголовок. Профессор и молодой человѣк наклонились над столом и вслух прочитали, перебивая друг друга:

ЖУТКАЯ ТРАГЕДІЯ СРЕДИ ОКЕАНА.

— Гибель величайшаго парохода „Король Эдуард".

— Болѣе 500 человѣк считаются погибшими и без вѣсти пропавшими.

— Душераздирающія сцены на берегу по полученія первых извѣстій о несчастіи.

Всѣ трое уставились друг на друга, прочитав подробности страшной трагедіи. Все, что разсказал Вилльям, в точности совпадало с описаніями, помѣщенными в газетах, о послѣдних минутах морского гиганта.

* * *

Через три дня, прибыв в Калэ, откуда отправился в свое злополучное плаваніе „Король Эдуард", Вилльям Халлибуртон стал осаждать редакціи газет и контору пароходства непрерывными звонками, письмами, угрозами, требуя подробные списки всѣх пассажиров, плывших на пароходѣ, и разыскивая среди спасшихся, подобранных разными пароходами, русскую дѣвушку со странным именем Даша.

Но пока все было напрасно.

Уныло возвращаясь из конторы пароходства, вмѣстѣ с Джоном, пріѣхавшим с ним, Халлибуртон внезапно закричал на всю улицу и кинулся на другую сторону...

Испуганный старик поспѣшил за ним и увидѣл, как его хозяин тискал в своих объятіях какого-то щуплаго мальчика, с радостью, испугом и недовѣріем смотрѣвшаго на него.

— Вы спаслись, спаслись!.. Я знал, чувствовал это... Боже, как я рад!.. Но гдѣ же Даша? Говорите же, гдѣ эта русская дѣвушка?.. Неужели вы оставили ее?.. Я же вам говорил, чтобы вы ее берегли.. Отвѣчайте!.. — Халлибуртон в сильнѣйшем возбужденіи тряс за плечи мальчика.

— Сэр!.. сэр... — лепетал мальчик, смотря широко раскрытыми глазами на молодого человѣка. — Но вы... вы... вѣдь, вы... утонули...

— Нѣт, нѣт, — закричал Халлибуртон. — Нѣт. Я спасся!.. Но Даша, Даша?..

— Нас подобрал маленькій пароход, и мы только позавчера прибыли сюда... Я не оставлял мисс одну, — вы на этот счет могли бы быть совершенно спокойны... А она вчера уѣхала к родным, в Париж... и увезла с собой вашу флягу..

О, она очень плакала о вас, сэр... А вы... вы — герой, сэр!..

— Плакала... Увезла флягу... Уѣхала в Париж... Боже мой!.. Она жива!.. Как ея фамилія, и гдѣ я могу разыскать ее в Парижѣ?..

Узнав все, что ему было нужно, Халлибуртон сунул в руку ошеломленному мальчику фунтовую бумажку и опрометью помчался на вокзал.

Через двѣ недѣли мистер Вилльям Халлибуртон старшій получил от своего сына многозначительную телеграмму из Парижа:

„Дорогой отец. Все в порядкѣ. Нашел Дашу. Свадьба через недѣлю в Лондонѣ. Разошли приглашенія и приготовь все.

Вилльям“.

ОЧКИ МАЛЕНЬКАГО БРОДЯГИ.

Несмѣянов сидѣл у письменнаго стола и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво кусал конец своей самопишущей ручки, обдумывая конец послѣдней большой статьи.

Но как раз заключеніе, которое должно было быть неожиданным, эффектным и блестящим, никак не удавалось, и Несмѣянов, исчеркав нѣсколько листов бумаги, поднимался и нервно ходил по комнатѣ. Каждый раз, подходя к окну, он отодвигал занавѣску в сторону и взглядывал на сонную, залитую дождем улицу, искал на ней что-то, удивленно поднимал плечи и возвращался на мѣсто у стола.

Так длилось безконечно долго, — нѣсколько часов, и утомленный, раздраженный и злой Несмѣянов вдруг как-то сразу понял, почему ему не удается сегодня его писаніе, и почему творческое вдохновеніе не посѣтило его на сей раз.

— Чорт возьми, — швыряя ручку, пробормотал он в сильнѣйшем раздраженіи. — Дѣйствительно, я думаю больше о нем, чѣм о своей статьѣ. Я все время ловлю себя на мысли, зачѣм он тут стоит. Уже час ночи... В теченіи пяти часов кряду этот чудак стоит на одном мѣстѣ, не мѣняя позы под дождем и вѣтром... Странный субъект...

Несмѣянов снова подошел к окну и посмотрѣл на улицу.

Тонкая сѣтка мелкаго, холоднаго дождя узкими, безконечными полосами рѣзала густой мрак ночи. Дождь стучал в окно, длинными неровными быстрыми струйками сбѣгая по стеклам...

Тусклые мутно-желтые снопы электрическаго свѣта мелькали острыми и тонкими, как рапира, зигзагами, по мокрому асфальту сонной перспективы улицы. Холодный пронзительный вѣтер свистѣл в проводах, рвал пальто и шляпы у рѣдких запоздавших прохожих и с остервенѣніем набрасывался на одинокую фигуру человѣка, неподвижно стоявшаго на краю тротуара, хлопал и заворачивал на его спинѣ тяжелыя полы мокраго пальто, бросал в лицо пригоршни холодной дождевой воды.

— Чорт знает, что такое, — сказал Несмѣянов, в сотый раз разсматривая незнакомца. — Простоять всю ночь под проливным дождем, — что за фантазія...

Чувствуя, что он не сможет больше писать в эту ночь, Несмѣянов спрятал рукопись в стол, раздѣлся и лег в постель, намѣреваясь тотчас же уснуть, но через полчаса с проклятіем вскочил и снова подошел к окну.

— Фу, дьявол, — стукнул он кулаком по подоконнику. — Стоит!.. Кто он, нищій, влюбленный, философ или изобрѣтатель?.. Чего он ждет тут?

Несмѣянов закурил, потом медленно стал одѣваться. Выйдя из комнаты, он тихо прошел в переднюю, накинул плащ и вышел на улицу.

Вѣтер бѣшенно накинулся на него, захлестал полами его плаща, обдал его лицо водой и пробѣжал по всему тѣлу холодной дрожью...

Несмѣянов подошел к незнакомцу и остановился около, не зная, что сказать.

— В самом дѣлѣ, — подумал он. — Что-же сказать? Не говорить же, что любопытство подняло меня с постели и выгнало на улицу, на холод и дождь?.. Вѣдь он имѣет полное право послать меня ко всѣм

чертям...

Незнакомец стоял неподвижно, засунув руки глубоко в карманы пальто, и подняв блѣдное, мокрое от хлеставшаго дождя лицо, с темными очками на глазах, смотрѣл куда то поверх крыш домов.

— Слѣпой! — с ужасом подумал Несмѣянов и почувствовал как теплая жалость родилась в его груди.

— Послушайте, — проговорил он с участіем: — не могу ли я вам чѣм нибудь помочь?..

Незнакомец молчал, как бы не слыша слов, и Несмѣянов дотронулся до него, и повторил свой вопрос.

Человѣк вздрогнул и, поспѣшно сняв очки, повернул к Несмѣянову блѣдное, худое и тонкое лицо.

— Простите, вы что-то спросили? — хриповатым голосом проговорил он, проводя по лицу рукой, как бы просыпаясь послѣ какого-то сна, и всматриваясь в Несмѣянова.

— Да, я заинтересовался вами, — отвѣтил Несмѣянов.—В теченіе пяти часов я наблюдал вас... Что вы тут стоите, на этом углу, в такое позднее время? Ради чего?.. Может быть... вы нуждаетесь, — добавил он быстро, окинув взглядом бѣдную фи-

гуру незнакомца. — Я могу вам помочь... Нельзя же стоять всю ночь под дождем и вѣтром...

— Простите... — виновато улыбаясь, проговорил маленькій человѣк: — дѣйствительно... Я не замѣтил. . Видите ли, я заглядѣлся... Такой ураган.. Потрясающая картина..

—Ураган?—удивился Несмѣянов.—Гдѣ же это? Просто дождь, вѣтер и слякоть... Слушайте, вот что. . Я вам дам на ночлег. – Несмѣянов потянулся за портмонэ, разсматривая лицо маленькаго человѣка. Что-то знакомое выплывало в памяти Несмѣянова.

— Физик! . — крикнул он вдруг неожиданно: — Полилов!..

Маленькій человѣк растерянно попятился, потом приблизил свои близорукіе глаза к Несмѣянову и растерянно отвѣтил:

— Я... Да... Вы... вы. .

— Физик... Школьный товарищ, — обрадовался и удивился Несмѣянов. — Вот так встрѣча. . . Да, я — Несмѣянов .. Помните, в университетѣ...

— Да... Да. . Ах, как неожиданно, — бормотал смущенно „физик“.—Помню вас, помню... Как же... А меня дѣйствительно звали „физиком“...

— Слушайте, Полилов. Пойдемте ко мнѣ. Я не могу вас оставить на улицѣ... Вѣдь у вас, навѣрное, нѣт дома. А, откровенно, вѣдь нѣт...

— Вы добры. Дѣйствительно... Только... Простите. Уж лучше... — лепетал Полилов, но Несмѣянов его перебил и, взяв за руку, потянул за собой.

— Идемте, идемте .. Без разговоров... Я вас накормлю и вы у меня переночуете. А завтра что нибудь я для вас придумаю .. Устрою... Вообще помогу... Вот сюда. Только осторожно, — не стучите ногами, в домѣ всѣ спят и, кромѣ того, хозяйка — вѣдьма... Направо. Входите.

* * *

Час спустя Несмѣянов с удивленіем и интересом слушал Полилова. Стакан краснаго вина, выпитаго „физиком“, видимо разогрѣл его. На блѣдных щеках появился яркій румянец, сѣрые близорукіе глаза заблистали возбужденіем, голос маленькаго человѣка неожиданно окрѣп и странная перемѣна произошла во всем его облик‍ѣ.

— Всю свою жизнь, — говорил он, — я посвятил изученію того страннаго, невѣдомаго міра, который ученые назвали „че-

твертым измѣреніем", всѣ свои силы, терпѣніе отдал мечтѣ: заглянуть туда, увидѣть то, о чем мы можем только догадываться. И вот труды моих исканій, моих безсонных ночей, моих скитаній, бѣдности, безпріютности — эти очки...

Полилов взял со стола свои странные, большіе, массивные очки с темными квадратными стеклами и потряс ими в воздухѣ.

— Это единственные окуляры, которые изобрѣл я, и которые я уничтожу, когда придет время... Я бѣден, я бродяга, но я владѣю таким сокровищем, в сравненіи с которым ничто всѣ богатства міра... Вы не вѣрите. Вы думаете, что я пьян, или сумасшедшій, и что все, что я говорю, похоже больше на бред больного... Вы сейчас убѣдитесь в противном... Я благодарен вам за ваше гостепріимство и радушіе, и в награду за это я посвящу вас в свою тайну. Возьмите эти очки и одѣньте их на минуту и не пугайтесь...

Несмѣянов взял тяжелые очки, и заинтересованный, но в то же время боясь мистификаціи, смущенно приложил их к своим глазам. В слѣдующую минуту он с громким восклицаніем сорвал их прочь и уставился на Полилова с непонимающим и

испуганным видом.

— Бог мой!.. Что это такое? — проговорил он, оглядываясь: — что я видѣл?

— Я вам отвѣчу, — спокойно сказал Полилов: — вы видѣли ту самую бурю, которую наблюдал я час тому назад. Она еще не кончилась...

Дѣйствительно, картина, увидѣнная на короткое время Несмѣяновым, могла испугать любого человѣка.

В рамкѣ, ограниченной темными стеклами очков, как на нѣмом рельефном экранѣ, увидѣл Полилов непередаваемую картину страшнаго ночного урагана.

Черное непроницаемое небо разрывалось на тысячи кусков огнено-зелеными молніями. От страшнаго грохота грома тряслась земля и рушились тяжелыя, мрачныя скалы.. Вырванныя с корнем огромныя деревья, распластав в воздухѣ свои обезображенныя изломанныя вѣтви, неслись по воздуху и с глухим шумом разбивались о груды нагроможденных утесов. Вѣтер и молнія разрушали всю природу. Казалось, первичный хаос обрушился на землю...

Несмѣянов еще раз поднес к глазам очки и та же жуткая картина представилась его глазам.

— Поразительно.. — пробормотал он:

— послушайте, Полилов, но вѣдь это же величайшее открытіе.

Несмѣянов оживился и, схватив Полилова за руку, с жаром заговорил:

— Почему вы не выступите с ним? Почему не заявите? Вѣдь вы могли бы в один день стать богатым человѣком, прославить себя, обогатить науку..

— Нѣт, — отвѣтил Полилов жестко, сжимая губы: — нѣт! Открыть эту тайну, дать возможность неугомонным глупым людям увидѣть этот мір, завладѣть им, поработить природу и людей, как это они сдѣлали на землѣ...

— Людей? — переспросил Несмѣянов: — неужели...

— Да, людей. Таких же, как мы с вами, по облику, но людей настоящих, какими были наши безконечно далекіе предки... Людей сильных и грубых, мужественных и безстрашных, умѣвших жить, бороться и любить, как подобает настоящим людям — дѣтям природы... И этот мір отдать, чтобы люди проникли и вселили в него автоматическія ружья и пулеметы,— вмѣсто личной храбрости и честной схватки одни на один, радіо и автомобили, — вмѣсто побѣдных пѣсен и добрых коней, романы Питигрилли и кинематографическія

картины,—взамѣн настоящей любви и настоящих переживаній... Нѣт, ни за что... Посмотрите на меня. У меня тонкія слабыя ноги, безсильныя руки, слабое тѣло... Я продукт нашего проклятаго вѣка... Там, у них, у тѣх людей, я был бы давно убит, потому что я не мог бы быть даже самым послѣдним рабом... Нѣт, этот мір должен остаться непокоренным...

Уже в окна брезжил мутный утренній разсвѣт, когда утомленные разговором Несмѣянов и Полилов легли спать. Физик тотчас же заснул на кушеткѣ, гдѣ его устроил Несмѣянов, а тот, взволнованный всѣм пережитым, проворочался без сна весь остаток ночи.

***

Сидя за завтраком, блѣдный от безсонной ночи, Несмѣянов жадными глазами смотрѣл на толстый футляр с чудесными очками в руках Полилова и, не выдержав наконец, он проговорил, протягивая руку:

— Дайте, пожалуйста...

— Подождите. — отвѣтил Полилов: — мы будем смотрѣть вмѣстѣ: я стану вашим проводником, так как давно наблюдаю этот мір. Мы разъединим очки, — вам и мнѣ по одному глазу, и отправимся в пу-

тешествіе в юный чудесный мір наших предков... Вы увидите племя воинственных амазонок, кровожадных, свирѣпых и прекрасных. Онѣ кочуют по всей странѣ, наводя ужас и смятеніе, угоняя скот, разоряя селенія и убивая мужчин. Шесть мѣсяцев я иду слѣдом за ними, за это время я был свидѣтелем многих кровавых битв и побѣдных пиров этих прекрасных воинственных женщин. Вчера перед ураганом онѣ остановились на ночлег в своих легких шатрах по ту сторону скал. Навѣрное, буря причинила им много вреда...

Полилов осторожно разъединил очки. Усѣвшись рядом, они завязали себѣ по одному глазу полотенцем и несложными приспособленіями прикрѣпили свои окуляры...

Яркій солнечный день брызнул в глаза Несмѣянову, и вмѣстѣ с тѣм картина еще болѣе невѣроятная, чѣм видѣнная им буря, представилась его изумленному взору. Громко вскрикнул, он невольно ухватился за Полилова.

— Они напали на них... Они напали— дико и возбужденно закричал Полилов стуча кулаками по столу: — Проклятые... Подлые...

В лощинѣ между видѣнным уже Несмѣяновым лѣсом и скалами, вокруг всего стоявшаго как бы в серединѣ, кипѣла кровавая битва...

Он видѣл расширенными от ужаса глазами, как мѣднобородые, косматые мужчины, закутанные в звѣриныя шкуры, верхом на диких конях бились на смерть с женщинами-амазонками... Густая каша человѣческих тѣл, коней, сверкающих мечей, копій и топоров кишѣла вокруг Несмѣянова. Кони вздымались на дыбы, кусали и топтали тѣла, люди в послѣдней мертвой схваткѣ душили друг друга. Женщины, молодыя, старыя, бились как опытные воины. . Полуобнаженныя, с развѣвающимися волосами, онѣ врѣзались на своих горячих косматых конях в самую гущу и наносили сокрушительные удары своими короткими мечами и топорами...

Несмѣянов видѣл, как, оглушив мѣтким ударом, бородатый воин с торжествующим криком хватал ее за волосы, связанную бросал на своего коня и уносился со своей добычей в густую зеленую чащу лѣса.

Азарт битвы захватил Несмѣянова, — голос предков заговорил в нем. Он кричал торжествующе от каждаго мѣткаго удара, переживал упоеніе битвы, кидался вперед

и присѣдал, когда над его головой свистѣл меч или камень, пущенный из пращи.

Неожиданно огромное искаженное злобой лицо с перекошенным от крика ртом придвинулось вплотную к Несмѣянову и блестящій наконечник остраго копья стремительно метнулся к его лицу... Дико вскрикнув, Несмѣянов сорвал очки. Отеров холодный пот, он с удивленіем оглядѣлся. В комнатѣ был полнѣйшій безпорядок. Столы и стулья были опрокинуты, книги грудами валялись на полу. — Полилов, страшный, косматый, с одним черным зловѣщим глазом, кричал что-то непонятное, потрясая руками, и бѣгал по комнатѣ.

В дверь стучали.

— Николай Иванович... Николай Иванович... Откройте, ради Бога... Что случилось?.. Откройте!.. Умоляю вас.... — голос хозяйки был плачущій и испуганный.

— Ничего, ничего, — хрипло крикнул Несмѣянов, подходя к двери: — не волнуйтесь, пожалуйста... Все в порядкѣ. Это так... Этажерка с книгами упала... — Он поспѣшно заткнул бумагой замочную скважину и вернулся к возбуждающей страшной и кровавой картинѣ боя...

Неожиданно крик восхищенія вырвался

из его груди. Огромный бѣлый конь с развѣвающейся гривой, как ураган, врѣзался в самую гущу сраженія. На тигровой шкурѣ, перекинутой через него, сидѣла молодая дѣвушка. Золотистые волосы, как длинный флаг, метались за ней по вѣтру. Упоеніе битвой исказило ея лицо; оно было прекрасно и страшно... Казалось, всепобѣждающій Дух Побѣды воплотился в образ этой амазонки... Ея тяжелый длинный меч со свистом разсѣкал воздух, сѣял вездѣ и всюду смерть и смятеніе...

— Она...Она...—неистово закричал Полилов и бѣшенно заколотил стулом о пол: — повелительница... Солнце... Богиня... Топчи их!.. Топчи!..

Несмѣянов, не отрываясь, с нѣмым восторгом смотрѣл на золотоволосую дѣвушку и горячее нестерпимое желаніе, желаніе мужчины, схватить ее в цѣпкія желѣзныя объятія, впиться в ея алыя губы бѣшеным поцѣлуем побѣдителя и безпощадно сжимать ея бронзовое, упругое и гибкое тѣло — с неимовѣрной силой вспыхнуло в его груди... С хриплым воплем он протянул к ней руки...

И вдруг черной молніей метнулся в воздухѣ тяжелый кованый топор и впился в грудь прекрасной амазонки... Несмѣя-

нов видѣл, как, хватая воздух, метнулись вверх ея руки и как бѣлый дикій конь понесся прочь один...

***

— Я должен идти на службу, — сказал Несмѣянов Полилову: — вы оставайтесь здѣсь и наблюдайте, а потом сообщите мнѣ подробно... Я страшно жалѣю, что не могу сам слѣдить за всѣм, что происходит теперь там... Вот вам деньги на обѣд... Я вернусь вечером, во всяком случаѣ постараюсь поскорѣе...

— Да... Да... Хорошо... — разсѣянно отвѣтил Полилов, соединяя очки: — это ужасно... Не может быть, чтобы она была убита... Не может быть...

С сожалѣніем взглянув на очки, которые держал Полилов, Несмѣянов вздохнув, вышел из комнаты. К концу дня, торопливо закончив свои дѣла, он уже мчался домой, с волненіем думая о предстоящих ему картинах и ловя себя на том, что весь день его мысли витали только около прекрасной дикарки...

Войдя в свою комнату, он удивился. Полилова там не было. На столѣ, около недопитаго стакана чая лежала записка.

Схватив ее, с упавшим сердцем прочел Несмѣянов:

„— Простите меня за мое бѣгство, за то, что ваше любопытство тоже осталось неудовлетворенным до конца... Я ухожу за племенем. Послѣ битвы, онѣ снялись с мѣста и отправились далѣе. Она жива... но здѣсь не безопасныя мѣста для нея и потому племя уходит... Ее несут на простых носилках, под балдахином из звѣриных шкур, и ея вѣрныя амазонки, старыя и молодыя, раненыя и здоровыя, радостно привѣтствуют ее... Она жива и привѣтствует их своей слабой рукой.

Вот гонят плѣнников жестокія всадницы, полосуют их спины длинными бичами и заставляют бѣжать, не отставая... По узкой тропинкѣ амазонки гонят пронзительным криком и щелканьем бичей — стада лошадей, баранов и коз... Безконечной длинной лентой вытянулись всадницы, блестя на заходящем солнцѣ щитами, копьями, подымая тучи пыли...

Качаясь, медленно и важно идут верблюды, неся в своих шатрах огромные тюки разнаго добра и военной добычи...

Все заливает теплое, уходящее солнце... Онѣ идут...

— Прощайте, — я должен итти за

ея племенем. Послѣдняя группа охранительнаго отряда скрылась за поворотом,— пора...".

Несмѣянов с бѣшенством смял записку.

Ушел... Ушел, один... Он, Несмѣянов, бросил бы все, работу, удобную культурную жизнь и пошел бы вмѣстѣ с Полиловым вслѣд за ней, за своей мечтой, за тою, кто ранил его сердце острым жалом непобѣдимой жгучей любви...

ШХУНА „МАРІЯ МАГДАЛИНА".

26 іюня 19 г.

«. . . . . .

. . . . К сожалѣнію, я не буду имѣть возможности лично встрѣтить вас, чтобы передать вам шхуну. Вы ее получите от моего помощника, — ученика мореходнаго училища. Это славный малый, на котораго вы всегда можете смѣло разсчитывать... Этого нельзя сказать про команду... Команда — десять разноплеменных человѣк, с звѣрскими, преступными лицами, лѣнивых и трусливых. На палубу нельзя выходить без револьвера...

На них дѣйствуют только крик, ругань и угрозы... Чѣм скорѣе вы замѣните их другими матросами, тѣм лучше. Особенно я хочу предупредить вас, капитан, об одном из матросов, — Бэнѣ Драйкѣ. Это гнусный тип, бѣглый каторжник из Мексики... Я принужден был взять его в Шанхаѣ, взамѣн заболѣвшаго матроса, и скоро в этом раскаялся. Но я не мог его списать в первом же порту, так как по контракту он должен был ѣхать до Петро-

павловска .. Этот человѣк взял всю команду в руки и она находится под его вліяніем. Человѣк, который замышлял поднять бунт на шхунѣ, когда мы вышли в море из Шанхая .. Мой совѣт, как можно скорѣе разстаться с ним...

Я мог бы многое разсказать вам лично, но не могу это сдѣлать. Это мой послѣдній рейс, — я бросаю морскую службу. Вы удивлены, я знаю, но если бы вы знали о том величайшем несчастьи, которое постигло меня, — вы поняли бы все... Хотя я буду жить около Петропавловска вмѣстѣ со своей дочерью, но простите, дружище, мы с вами не увидимся, хотя и хотѣл бы прижать вас к своей груди, мой старый пріятель... И я прошу вас не дѣлать попыток встрѣчаться со мной. Не озлобленіе на людей, но горе, посланное мнѣ Всевышним, заставляет меня уйти с дочерью от людей,—пути Господа неисповѣдимы, и я не ропщу, но все же за что?... За какія, за чьи прегрѣшенія послал мнѣ Господь ужасное наказаніе...

Друг мой, мы старые школьные товарищи, много пережили, плавая вмѣстѣ... Вам я открою нашу тайну, и тогда вам будет ясно, почему я взял мою Марію из конвента, везу ее сюда, в этот холодный

непривѣтливый край...

Помните, как много лѣт тому назад моя маленькая Марія лазила к вам на колѣни, и теребила вас за бороду... С тѣх пор много лѣт прошло: я овдовѣл, Марія выросла... Теперь ей 18 лѣт. Она прекрасна, как может быть прекрасна дѣвушка в свои лучшіе годы. Она отлично училась... Казалось, счастье улыбалось ей... И вдруг...

Перо дрожит в моей рукѣ, туман застилает глаза... В один ужасный день я был спѣшно вызван в Шанхай тревожной телеграммой... Я был в Ханькоу, и тотчас же, бросив все, поѣхал, мучимый предчувствіями... В конвентѣ меня встрѣтили и с ужасом и волненіем разсказали мнѣ об ужасном открытіи...

Мое бѣдное дитя, она ничего не знает до сих пор и думает, что ѣдет для укрѣпленія здоровья...».

— Капитан, — матрос появился в дверях. — Команда хочет вас видѣть и говорить с вами...

— Что такое... Команда хочет видѣть меня... Хорошо, сейчас иду... — отвѣтил капитан, закончил письмо, положил в конверт и вышел на палубу.

***

Темной надвинувшейся массой, угрюмой и злобной, стояли матросы. В их тяжелом молчаніи чувствовалась накопленная до предѣла злоба, готовая ежеминутно прорваться...

Окинув быстрым взглядом толпу, капитан Угрюмов плотнѣе и суровѣе сжал свои губы и, сунув руку в карман, смѣло подошел к толпѣ.

— В чем дѣло, ребята?... — спросил он спокойно. — Почему вы собрались?

Матросы молчали, лишь дружнѣе засопѣли, и всѣ смотрѣли на Драйка.

— Капитан, — сказал он, развязно и нагло улыбаясь, и выступая вперед. — Я буду краток, чтобы не терять времени... Нам нужна эта шхуна для собственных дѣл и цѣлей... Отнынѣ я — командир судна. Если вы хотите быть живым, — подчинитесь мнѣ и исполняйте мои приказанія, и ведите шхуну туда, куда я скажу... Предупреждаю, капитан, всѣ за меня... Сопротивленіе безполезно... Впрочем, если вы хотите, мы можем исполнить старую пиратскую традицію, — выбросить вас за борт на съѣденіе акулам... — Драйк колко засмѣялся. — Что вы скажете, ребята?..

— Долой капитана... Будь ты капитан... — закричали матросы. — Мѣнять курс...

— Вы негодяй, Драйк... И ваше мѣсто на висѣлицѣ, от которой вы избавились раз, вам все равно обезпечено... Вы смутьян и бунтовщик...

Бронзовое лицо капитана Угрюмова потемнѣло, шея налилась кровью, и, сдѣлав шаг вперед, он протянул руку, намѣреваясь схватить Драйка.

Толпа угрожающе зашумѣла, матросы плотнѣе сдвинулись и окружили капитана кольцом.

Вдруг, расталкивая толпу, к капитану протиснулся его помощник, молодой юноша, и с горящими глазами стал рядом со своим капитаном, сжимая в рукѣ желѣзную палку. На мгновеніе лицо Угрюмова освѣтила улыбка, и он пожал руку юношѣ.

Драйк измѣнился в лицѣ и, бѣшенно сверкая глазами, закричал:

— Хватайте мальчишку... Связать обоих...

Безобразная схватка, жестокая в своей безпощадности, длилась недолго.

— Мальчишку в трюм... В цѣпи... — рычал в бѣшенствѣ Драйк, вытирая с

лица кровь. — А этого... В воду... За борт...

Угрюмова схватили и потащили к борту. Мужественный старик отбивался, посылая проклятія Драйку, и, падая в воду, успѣл крикнуть: «Марія»...

— Ладно... Мы сами позаботимся о Маріи... — насмѣшливо крикнул Драйк, наклоняясь над бортом. — Дѣвчонка будет наша... Ну, молодцы, ребята... Надо выпить за свободную и прибыльную жизнь... Эй, кок, вина...

* * *

— Мадемуазель,—Драйк галантно склонился перед тоненькой, блѣдной дѣвушкой, с удивленіем смотрѣвшей на него. Капитан шхуны «Марія Магдалина», к вашим услугам...

Он насмѣшливо улыбнулся, закрывая рукой щеку с наложенными бѣлыми пластырями.

— Капитан... — переспросила дѣвушка. В ея сѣрых глазах зажегся огонек тревоги и смутнаго страха.—Вы, Драйк, капитан... Что это значит?... Гдѣ мой отец?..

— Ваш почтенный отец отправился в очень далекое путешествіе, сударыня, — отвѣтил Драйк, подходя к двери и загораживая вход. — Он так торопился, что не успѣл вас предупредить об этом...

— Отец... Что с ним? — дѣвушка, смертельно блѣдная, кинулась к дверям. — Пустите... Слышите, пустите меня... Отец... Отец... — дѣвушка билась в сильных руках Драйка, стараясь вырваться на палубу.

— Спокойно, спокойно, бэби... Все равно, старик не вернется... Он давно уже на днѣ разговаривает с рыбами... Обратите лучше ваше вниманіе на меня... Обѣщаю вам, что я буду с вами ласков и нѣжен... Я очень люблю бѣлокурых русских дѣвушек...

Глаза Драйка сузились, и его руки крѣпче сжали дѣвушку. Голосом хриплым и прерывистым он прошептал, обжигая ее горячим дыханіем:

— Я давно люблю тебя, Марія... С перваго дня... Не плачь и не царапай мое лицо, поцѣлуй меня горячо и крѣпко...

— Негодяй... — глаза дѣвушки сверкнули гнѣвом и оскорбленіем и она ударила Драйка по лицу.

— Ого... Прочь руки... — разсвирѣпѣвшій Драйк отшвырнул дѣвушку в дальній угол, быстро запер дверь за собой и кинулся к ней.

— Звѣреныш... Царапаться... Убью, гадина... — шипѣл он, затыкая рот дѣвушки платком.

***

Сжав голову руками и съежившись в комочек, дѣвушка прижалась в углу каюты и тряслась от рыданій, душивших ее. Драйк сидѣл у стола и перебирал бумаги капитана.

— Твой отец, старый плут, писал донос на меня... — криво усмѣхаясь, сказал он, читая письмо капитана. — Бѣдный бѣдный капитан Шульц, никогда он не увидит „Маріи Магдалины“ и ни с чѣм вернется восвояси.

— Капитан, — грязный матрос стоял в дверях каюты и, прищурившись, жадно смотрѣл на дѣвушку. — Военное судно справа...

— Сворачивайте в сторону... — крикнул Драйк поспѣшно. — Что с мальчишкой?..

— Упорствует... Говорит, что не подчинится...Называет нас пиратами... Лучше с голоду помру, или бросайте, говорит, меня в воду.

— Дьявол... Не давайте ему воды... Ну иди... — сказал Драйк.

— Капитан... — глухо произнес матрос. Драйк повернулся. Глаза их встрѣтились. — Был уговор — добыча всѣм... Уже семь дней ты один тут с этой...

— Что...Разговаривай...Вон отсюда...

Драйк вскочил, хватая со стола револьвер.

— Смотри, Драйк... — угрожающе крикнул матрос, скрываясь.

— Ты свѣжа и молода, а кожа у тебя на руках и лицѣ шершавая и как будто обсыпана пудрой. — Драйк говорил спокойно, сидя на стулѣ, и безцеремонно разсматривая дѣвушку. — Впрочем, это все равно... Мнѣ надоѣло примѣнять силу к тебѣ... Я хочу, чтобы ты сама была со мной нѣжна... Если этого не будет, я сегодня же отдам тебя матросам... Они тоже имѣют право на добчу, чорт возьми...

— Пожалѣйте меня... Пожалѣйте меня... — зарыдала дѣвушка.

Не слушая ея, Драйк углубился в прерванное чтеніе. Вдруг он с криком вскочил, с безумным ужасом впиваясь в письмо. Крупныя капли пота выступили на его побѣлѣвшем лицѣ.

— Проклятая... Проклятая... — закричал он, задыхаясь и дрожа. — Змѣя... —

подскочив к дѣвушкѣ, он занес руку, чтобы ударить, и... не ударил.

***

С Драйком стало твориться что то странное. Три дня он, как безумный, запершись один в своей каютѣ, то плакал и молился, то кричал и ругался страшными словами. Он обварил себѣ руки и лицо, моя их безпрестанно в кипяткѣ и никого не допускал к себѣ.

Ранним утром, открыв дверь в каюту дѣвушки, небритый, страшный, с полубезумными глазами, вошел Драйк и, остановив свои глаза на застывшей от ужаса дѣвушкѣ, он, дрожа от ярости, ненависти и страха, выпустил в нее в упор шесть пуль из своего револьвера.

Вернувшись в свою каюту, Драйк невѣрными и кривыми буквами, вкривь и вкось, написал нѣсколько слов на бумагѣ и послѣдней пулей покончил свои счеты с жизнью.

Возбужденные, встревоженные матросы высадили дверь в каюту и увидѣли плавающаго в крови Драйка.

Растерянные, оставшіеся без предводителя, они наполнили каюту, безтолково крича и ругаясь.

— Записка... Записка на столѣ... Эй, читай кто-нибудь... — закричало нѣсколько голосов.

Быстрыя руки схватили листок со стола, и нѣсколько пар глаз впились в написанное:

— *Будьте вы всѣ прокляты. Богъ покарал меня. Она — прокаженная.*

***

Через нѣсколько дней в один японскій сѣверный порт входила, черпая одним бортом воду, шхуна «Марія Магдалина», потрепанная тайфуном, с помятыми бортами и сломанным бугшпритом, под единственным парусом на одной уцѣлѣвщей мачтѣ.

Нѣкоторое время спустя, капитан шхуны, — молодой юноша в формѣ русскаго мореходнаго училища, блѣдный и взволнованный, со шканечным журналом и судовыми бумагами в руках, подъѣхал на яликѣ к берегу и направился в Портовое Управленіе разсказать о страшной морской драмѣ, произошедшей на шхунѣ «Марія Магдалина», и с повинной всѣх матросов.

МАГИ БѢЛОЙ ПУСТЫНИ.

ѣшеніе, принятое Самойловым, было стремительно, неожиданно и безповоротно, как и все то, что он дѣлал.

Егоров, услышав про него, не сказал ничего, не стал отговаривать, — так как знал, что это безполезно и ни к чему не приведет.

За два года совмѣстной скитальческой жизни он хорошо узнал своего товарища. Собственно, в душѣ он чувствовал, что так и будет, что его молодой, неуравновѣшенный друг не оставит его, и останется с ним здѣсь на зимовку.

Неуемный человѣк, с душою вѣчнаго бродяги, никогда не сидѣвшій долго на одном мѣстѣ, — Егоров многое видѣл, многое испытал в своей жизни.

И зимовка здѣсь, на Камчаткѣ, в унылой одинокой рыбалкѣ, — эти 9 мѣсяц в

оторванности от всего міра, в борьбѣ с холодом, тоской, и неизбѣжной цынгой, — не казались ему страшными. Это была лишь новая глава в книгѣ его приключеній и переживаній.

Самойлова прельщало другое. Конечно, интересно прожить год в условіях девятимѣсячной зимы, и полярной ночи, закалить свой дух и тѣло, — это хорошо. Но главное, что он рѣшил, — весной, когда придут первые японскіе пароходы, закупить все необходимое, и вмѣстѣ с Егоровым отправиться искать золото... Не даром чукчи, пріѣзжающіе на рыбалку, разсказывают о том, как много находят они брошенных русскими раскопок и пріисков, и как много бродит кругом японских и американских хищников золотопромышленников.

Найти золото, стать богатым — вот была мечта Самойлова.

Все было устроено очень быстро. Хозяин согласился оставить еще одного сторожа на рыбалкѣ, прибавил муки и других продуктов, дал винчестер и патроны.

Кончился рыбный лов. Уныло гудя, — посылая послѣдній прощальный привѣт двум оставшимся в добровольном изгнаніи людям, пароход скрылся в сѣром морском

туманѣ, — ушел к родным далеким берегам...

Вогган, молодой чукча, сильный здоровый юноша, и его старая мать Коравія жившіе на рыбалкѣ, и смотрѣвшіе за ней, когда не было охотников среди рабочих, пріѣзжавших на сезон, остаться на зиму, — быстро привязались к русским, и маленькая колонія зажила дружной и сплоченой семьей.

***

Послѣднее несчастіе, из цѣлой серіи обрушившихся на маленькую группу людей, — было неожиданно и казалось непоправимо.

До сих пор все было относительно хорошо, и 6 мѣсяцев зимовки прошли благополучно. И вот вдруг... Несчастья посыпались как из рога изобилія... Началось с того, что страшный ураган, свирѣпствовавшій четыре дня, сорвал-таки крышу с одной кладовой, и много необходимых вещей, продуктов и лекарств оказались на всегда потерянными, разбитыми и унесенными вѣтром.

Потом эта неудачная охота на медвѣдя... когда только ловкость, быстрота и сила Воггана спасла от вѣрной смерти Его-

рова. И вот теперь третье несчастье, посланное, по увѣреніе Воггана, злым и свирѣпым Бѣлым Вороном, не замедлило посѣтить лагерь...

В тот же вечер, когда за ужином ѣли жареное мясо убитого медвѣдя, Самойлов внезапно почувствовал себя больным.

Сѣрое утро застало его мечущимся в жару, с несвязным лепетом бреда... На третій день, он недвижным пластом лежал на постели, пылающій и красный, с губами запекшимися от внутренняго жара...

Егоров не мог понять, что с ним, хинин не дѣйствовал .. помощи ждать было неоткуда... Трагическій конец был очевиден...

Маленькая семья людей была в подавленном состояніи. Егоров и Вогган не отходили от больного; старая Коравія бродила тихо, как мышь, и утирала струившіяся слезы...

— 41 и двѣ десятых... тихо сказал Егоров, разсматривая у лампы термометр.

— Не выживет... добавил он, и, испугавшись сказаннаго слова, смутился и замолк...

Как бы в отвѣт на его слова, снаружи донесся тоскующій вой собак...

— А, чорт!.. Развылись!.. Вогган, по-

смотри, что там с ними... внезапно раздражаясь, сказал Егоров. Вогган, поспѣшно поднявшись, вышел.

Вернувшись, он сбросил верхнюю мѣховую рубаху, и подойдя к лежащему Самойлову, опустился перед ним на колѣни и долго смотрѣл на него.

Губы его шептали заклинанія от злых духов, и кончив их, он вынул из рукава какой то предмет и привязал его к шнурку натѣльнаго креста Самойлова.

— Плохо, брат.. И лекарства и амулеты твои не помогают... — грустно сказал Егоров, слѣдя за движеніями Воггана.

Вогган долго говорил о чем то с матерью, и потом обратился к Егорову:

— Михал Иваныч... — сказал он. — Слушай!.. Я буду говорить от своего сердца... Шура, — он указал на больного, — мнѣ как друг, как брат. Он болна... Старый жадный Куркыль, Бѣлый Ворон, хочет взять его себѣ... Я и мать моя спрашивали духов нашего рода, просили помощи... Но они молчат... Они боятся Куркыля... Старый шаман Яак не боится Куркыля... Он великій шаман... Повезем к нему нашего друга.. Яак будет шаманить, он вылечит... Я знаю, потому что он черный шаман, злые духи слушают его... Яак стар, мудр, ве-

лик и... большой плут... — неожиданно добавил он, употребив новое выученное слово.

— Что ты, Вогган!.. Подумай, что ты говоришь... Везти умирающаго человѣка не вѣсть куда, к какому-то там шаману!.. Развѣ ты не видишь, в каком он положеніи... И потом никакой шаман не поможет...

Но Вогган упрямо твердил одно: надо везти Самойлова к шаману и тот непремѣнно вылечит... В концѣ концов, рѣшив, что конец Самойлова один, дома ли, или в пути, Егоров, в то же время невольно поддаваясь словам Воггана, согласился и рѣшил ѣхать и сам вмѣстѣ с Воггано́м.

Уложив в длинные нарты укутаннаго в мѣха и одѣяла Самойлова и поручив его попеченіям Воггана, Егоров сам сѣл во вторыя санки, загруженныя подарками для стараго шамана и его сородичей, и оставив рыбалку на руках старой Коравіи, тронулся в длинный одно-дневный путь, с большим сомнѣніем в душѣ, и краской стыда за культуру и цивилизацію, вопреки принадлежности к которой он обращается за помощью к какому то шаману.

Вогган и Егоров бѣжали каждый рядом с своей упряжкой собак, то садясь,

то снова соскакивая, и подбадривая собак криком и свистом, и поддерживая сани на поворотах и спусках.

Во всѣ стороны, насколько хватало глаз, разстилалась Великая Бѣлая Пустыня, серебряная, ослѣпительная в блескѣ солнечных лучей.

Ни куста ни дерева... Только снѣг, да сѣрое холодное небо и слѣд полозьев позади... Лишь вдали, на самом краю небес, голубѣли далекія горы... Гнетущее безмолвіе природы нарушалось только дружным громким дыханіем собак, да поощрительными криками Воргана.

Этот славный малый горячо и искренне привязался к русским, и особенно полюбил Самойлова, и два юноши двух совершенно противоположных культур — подружились...

Вогган часто подбѣгал к нартам и внимательно смотрѣл на Самойлова. Тот попрежнему лежал неподвижный. Никаких перемѣн не было видно в его положеніи.

Егоров, уткнув нос в кухлянку, сидѣл в нартах и думал о безполезности далекаго путешествія.

К концу дня вдали, с самой линіи горизонта, показалось темное пятно лѣса. Собаки, инстинктивным чутьем почувствовав конец пути, с визгом и лаем напрягали свои силы и нарты быстро мчались по твердому снѣжному насту, приближаясь к становищу стараго шамана Яка.

У опушки жалкаго, рѣдкаго кустарниковаго лѣса стояли три шатра. Перед самым большим из них, Вогган остановился. Высунув длинные красные языки, собаки тотчас же повалились на снѣг, глотая его, и зализывая свои изрѣзанныя в кровь лапы. Из всѣх шатров высыпало их населеніе. Обмѣнявшись привѣтствіем со всѣми и сдѣлав Егорову знак слѣдовать за ним, Вогган вошел в большой шатер...

* * *

Егоров и Вогган сидѣли на почетном мѣстѣ для гостей, рядом с хозяйном.

Покончив с роскошным угощеніем из сушеной рыбы и тюленьяго мяса и жира, от котораго тошнило Егорова, и выпив нѣсколько чашек крѣпкаго кирпичнаго чая, Вогган приступил к изложенію дѣла. Старый, маленькій черный Яяк с крошечными хитрыми глазками кивал головой и выразительно посматривал на Егорова, облизывая губы. Егоров понял, и вынув из принесеннаго с собой мѣшка желѣзную банку со спиртом протянул ее Яяку.

Шаман жадно схватил ее, открыл пробку, и сунул грязный кривой палец в спирт. Выхватив из очага горящую вѣтку, он поднос к ней палец. Спирт вспыхнул голубым пламенем. Старик осклабился.

— Спирт... — заулыбался он в сторону Егорова и жадно приложился к горлышку.

Отведя его руку с банкой «веселящей воды», Вогган продолжал говорить настойчиво и упрямо. Старик, хитро подмигнув, сказал ему что-то.

— Подарки просит... — обратился Вогган к Егорову, — Дадим ему немного... Хитрый старик...

— Хорошо... — с раздраженіем отвѣтил Егоров, — но скажи этому старому чародѣю, что если он возьмет подарки, и ничего не сдѣлает, то... и он не докончив, многозначительно похлопал по винчестеру.

— Я знаю... — отвѣтил Вогган. — Не надо ружье... Я сам... Ты смотри... Егоров приволок большой мѣшок, набитый подарками. Между тѣм, просторный шатер шамана наполнился всѣми живущими в становищѣ и в нем стало тѣсно и душно. Мужчины, женщины и дѣти с жадностью и восхищеніем смотрѣли на извлекаемые из мѣшка такіе дорогіе и необходимые для

них вещи. Вогган, приняв от Егорова каждый подарок, долго и торжественно говорил, расхваливая достоинства и качество дара. При видѣ плиток хорошаго кирпичнаго чая, связок и пачек табаку, и нѣсколькихъ блестящих ножей и топора, глаза Яка засверкали жадностью. В толпѣ раздались возгласы восторга и откровенной зависти.

Егоров обратил вниманіе, что говоря обратив лицо к Яку, Вогган смотрѣл совсѣм в другую сторону. Всмотрѣвшись по направленію его взгляда, он замѣтил в щели полога, раздѣлявшаго шатер, пару быстрых черных глаз, рѣзавших огнем любопытства и радости лицо и фигуру Воггана.

Собрав подарки, старик крикнул. Из-за полога вышла молодая дѣвушка, при видѣ которой Вогган покраснѣл до корня волос. Дѣвушка унесла подарки, обмѣнявшись с Вогганом быстрым выразительным взглядом.

Яак крикнул и нѣсколько человѣк внесли в шатер Самойлова и положили его на мѣховых шкурах посрединѣ утоптаннаго земляного пола.

Шаман, опустившись перед ним на колѣни, долго смотрѣл в его лицо, произно-

ся какія то заклинанія. Потом торжественно обратился к Воггану.

— Сегодня ночью будет шаманить!.. — сказал Вогган радостно.

* * *

Погода рѣзко измѣнилась. Подул вѣтер и закружил снѣжные хлопья. К тому уже позднему времени, когда шатер Яяка наполнился людьми, ураган свирѣпствовал во всю. Цѣлыя тучи острых мелких льдинок, оторванных от снѣжной поверхности земли, носились в воздухѣ, кололи и рѣзали лицо до крови. Вѣтер бѣшенно свистѣл, рвал шатры и с яростью бросался на их кожаныя стѣнки, стараясь сорвать и унести, сыпал снѣжные хлопья в дымовое отверстіе, стучал и гремѣл... Тысячи голосов вьюги гудѣли жалобно и грозно, нагоняя растущій страх и тревогу.

Но внутри шатра было жарко, душно и многолюдно... Всѣ сидѣли вокруг горящаго очага, прислушиваясь к вою и свисту вѣтра, и ожидали, когда Яяк станет шаманить. Неподвижнаго Самойлова раздѣли, сняв с него верхнюю одежду, и положили у самаго огня. Егоров с любопытством слѣдил за всѣм, ожидая невиданнаго зрѣлища. Вогган сидѣл в самом дальнем темном углу и шептался о чем то с черноглазой дѣвушкой, убѣждая и что то ей доказывая...

Старый шаман долго сидѣл неподвижно, устремив взор в огонь. Неожиданно он поднял руку и что-то коротко сказал. Дѣвушка быстро подала ему старый черный бубен. Тотчас же в шатрѣ наступила тишина. Лицо старика побледнѣло и исказилось, глаза расширились и стали безумны, и высоким дребезжащим голосом он запѣл...

Старик пѣл, покачиваясь и ударяя в бубен колотушкой из китоваго уса. Он кого-то звал... молил, упрашивал, грозил, и прислушавшись к завыванію вѣтра, потрясавшаго шатер, он снова и снова ожесточеннѣе бил в бубен и пронзительнѣе пѣл...

Вдруг неимовѣрной силы порыв вѣтра ударил по шатру, забарабанил по стѣнам, застучал, ища входа, чтобы все снести и разметать, и найдя дымовое отверстіе, радостно ворвался внутрь, безумный и торжествующій, вмѣстѣ с водопадом снѣжных искр... Холодная струя холода пронеслась по шатру, пронизав всѣх... Огонь, заваленый снѣгом, зашипѣл, и стал тухнуть, —в шатрѣ стало темно...

— Дух пришел! — Дух пришел!.. — объяснил Вогган необыкновенное оживле-

ніе, охватившее послѣ этого всѣх присутствовавших. Яак, продолжая пѣть, на минуту остановился и сказал что то Воггану. Вогган, захватив нѣсколько кожаных ремней, вышел и принес в шатер связанную собаку, — лучшую во всей своей упряжкѣ. Положив вздрагивавшаго пса около Самойлова, шаман присѣл на корточки, творя заклинанія, стал дѣлать странные пассы над лицом и грудью Самойлова. По его знаку, дѣвушка, плѣнившая Воггана, подошла и сѣла по другую сторону больного. Положив одну руку на пылающій лоб Самойлова, она протянула другую к собакѣ, и тихо запѣла, вторя старику. Вдруг больной вздрогнул и застонал, и в тот-же момент собака забилась и стала рваться... В глазах ея отразился ужас и страданіе..

Постепенно ея конвульсіи стали рѣже и рѣже, и метнувшись в послѣдній раз, она осталась неподвижной.

Старик, потный и блѣдный, посмотрѣл на Самойлова, подул в лицо и, сказав удовлетворенно что-то Воггану, свалился на шкуры обезсиленный.

— Вот видишь, Яак, великій шаман!.. Он спас Шуру... Он выгнал злого духа из его тѣла, и переселил в собаку... — сказал Егорову Вогган, нисколько не удивленный

происходившим, поднялся и вынес мертваго пса на улицу. Свидѣтели чудеснаго случая оживленно обмѣниваясь впечатлѣніями, расходились по своим шатрам.

Ошеломленный видѣнным, Егоров поспѣшно бросился Самойлову, и наклонившись к нему, увидѣл в изумленіи, что тот спит спокойным, ровным сном.

***

— Эй, Вогган, что с тобой?.. Вот уже три дня как ты, я замѣчаю перемѣнился... Ты стал какой-то мрачный... Что случилось?.. Может быть прекрасная Мами заставила страдать тебя?.. Ты даже не рад тому, что я выздоровѣл..

— Нѣт... — отвѣтил Вогган Самойлову. — Не то... Мами любит меня. Нѣт, это — другое...

И посмотрѣв внимательно на Самойлова и Егорова, Вогган обратился к ним.

— Яак нашего племени... Он главный шаман... Но он жаден, хитер и стар.. Я говорил ему... Вот я люблю Мами, и она любит меня! Возьми меня в твой шатер: год буду тебѣ работать за нее... Отдай мнѣ Мами!.. Кто будет кормить тебя?.. Кого станут слушать собаки, когда ты станешь совсѣм дряхл?.. Я говорил, — вот у меня

есть лучшая на сѣверѣ упряжка, есть большой запас пищи, и я хорошо знаком с русскими... Есть ружье, ножи.. Мать моя добра и ласкова, я сам силен и быстрѣе меня нѣт никого... Но Яяк смѣялся и отвѣтил, что мои богатства ему не нужны, так как он скоро будет самый богатый человѣк...

Но Мами сказала мнѣ... — Предупреди своих друзей... Яяк пріѣдет в нх шатер, и напустит на них ту самую болѣзнь, которая поразила Самойлова и они всѣ умрут... И все, что есть в домѣ и в кладовых, станет его...

— Ах, старый черт. Ты слышишь, что задумал этот старый злодѣй? — возмутился Егоров. — Да пусть теперь он только покажет близко свой нос, я застрѣлю его как собаку...

— Чорт возьми! Этого еще не доставало!.. — разстроился Самойлов, — Знаешь, я, откровенно говоря, боюсь... этого старика... Вот ты не испытал, хотя и видѣл, а я знаю и увѣрен, что старик имѣет какую то силу. И я вѣрю, что он дѣйствительно может устроить нам какую-нибудь пакость... Отравить, что ли... Убивать нельзя, а придумать что либо, чтобы не пустить его к нам — надо...

— Понимаешь, — отвѣтил Егоров, тут опасность не в его шаманствѣ, и всякой там чепухѣ — это все ерунда... Я не вѣрю... Хотя и удивился случаю с собакой... Бѣда наша в том, что мы оторваны от міра, и нам неоткуда ждать помощи. Яяк пріѣдет к нам, будет жить, шаманить, и когда увидит, что нас ничто не берет, и мы не умираем, он просто скажет своим людям, что духи велѣли нас убить, а все добро взять себѣ...

— Да, это вѣрно... Что же дѣлать?.. Друзья задумались.

— Идея!.. вскочил вдруг Егоров. — Ей! Богу, это хорошо!.. Эй, Вогган, иди сюда. Ты должен это тоже знать... Слушайте, друзья мои...

Но старая Коравія, не знавшая об этом заговорѣ, дрожала от страха, и шепча безпрестанно свои заклинанія и молитвы, которым научили ее русскіе, вѣшала каждую минуту все новые и новые амулеты на всѣх троих.

***

Гости не замедлили явиться.

Ранним утром слѣдующаго дня русскіе увидѣли 6 нарт, запряженных собаками, быстро приближавшихся к рыбалкѣ.

Через нѣсколько минут Яяк и его 5 спутников, стояли перед Самойловым и улыбались ему, как своему старому и доброму знакомому. Волган, вглядывавшійся в человѣка, пріѣхавшаго с послѣдней отставшей партіей, вдруг бросился к нему. Маленькій человѣчек, распрягавшій собак, откинул волчій шлык на спину, смущенно и радостно краснѣя, улыбался навстрѣчу подбѣгавшему Воггану. Смѣясь, Волган опустился на снѣг, рядом, и взял за руки пріѣзжаго.

— Мами! — проговорил он, задыхаясь и поднося руки к своему сердцу.

Пріѣзжих радушно приняли, ничѣм не давая понять им, что их замыслы извѣстны. Гостей накормили на славу, и сочно часто рыгая, они сидѣли в теплой комнатѣ и без конца пили крѣпкій кирпичный чай. К вечеру Яяк, улыбаясь, передал через Воггана, что так как ему здѣсь очень нравится, и радушіе русских ему очень по душѣ, то он рѣшил остаться на нѣсколько дней гостить, — и велѣл своим людям разбить шатер.

Со слѣдующим утром поведеніе Яяка и его спутников измѣнилось. Они стали вести себя вызывающе, требовать и брать безцеремонно табак, чай и съѣстные при-

пасы. Послѣ короткаго совѣщанія, Егоров и Самойлов рѣшили сегодня-же вечером приступить к исполненію задуманнаго плана. Вечером, когда непрошенные гости в сотый раз пили чай, сбросив с себя свои верхнія мѣховыя рубахи, — и пот рѣкой лил с их лиц, стекая на грудь и спину и оставляя грязныя борозды на тѣлѣ — Самойлов сказал через Воггана Яяку:

— Вот нѣсколько дней назад, ты выгнал болѣзнь из меня и думаешь что сдѣлал великое и необычное дѣло... Это не так... Ты заблуждаешься, потому что ты слѣп, и не знаешь, что великій шаман не ты,—который всѣм об этом хвастает, а вот этот, мой бѣлый брат...

Яяк с разинутым ртом выслушал это великое оскорбленіе. Воровато посмотрѣв на своих людей и видя их не менѣе пораженными, он с напускным негодованіем поднялся.

— Я великій шаман во всей Бѣлой Пустынѣ, от берегов моря до самых гор,— напыщенно сказал он, брызжа слюной и оттопыривая губы. — Гдѣ был тот, кого ты называешь шаманом, когда ты умирал, и черныя тѣни витали над тобой?.. Почему он привез тебя ко мнѣ, а не призвал своих духов?..

— Фи! — сказал презрительно Самойлов, — пріѣхали к тебѣ узнать, дѣйствительно-ли ты мог выгнать духов, вселившихся в меня. Ты это сдѣлал, но если ты великій шаман, как ты говоришь, то тебѣ будет не трудно сдѣлать то же, что может дѣлать бѣлый шаман...

— Давай!.. Давай сюда твоего шамана! — завизжал в бѣшенствѣ Яяк. Хочешь, я переселю его душу в собаку, превращу в горностая, или в поддаго пожирателя трупов — песца?! Гдѣ он? — кричал Яяк, и его люди вторили ему, злобно стуча по столу кулаками и размахивая руками.

— Ты оскорбил великаго бѣлаго шамана — повелителя всѣх добрых духов... напыщенно сказал Самойлов, вставая. — Хорошо, попробуй состязаться с ним... — и он открыл дверь в слѣдующую комнату.

Одѣтый в наскоро сшитыя из простыней одежды мага, с цвѣтистым фуляром на головѣ и громадными роговыми очками, Егоров торжественно вышел из комнаты, и обойдя всѣх, усѣлся напротив Яяка. Старик с удивленіем и завистью смотрѣл на необыкновенный наряд соперника.

— Вот смотри, Яяк, и сдѣлай так же, если ты великій шаман, — сказал Самойлов, дѣлая знак Егорову.

Егоров важно и торжественно подошел к первому сидѣвшему около него чукчѣ, со страхом смотрѣвшему на него, и сдѣлав быстрое движеніе, вытащил из его носа блестящій свѣтлый металлическій кружок. Чукча с криком схватился за свой нос, с ужасом глядя на бѣлаго чародѣя, и на круглый предмет. У второго в ухѣ оказалась длинная мѣдная цѣпочка. Третій шарахнулся с криком в сторону от Егорова... Яяк, когда дошла до него очередь, поблѣднѣл, но мужественно дал запустить себѣ руку за шиворот и вытащить оттуда цѣлую небольшую мороженную рыбу... Старик вскрикнул и, сбросив верхнюю одежду, стал ее трясти... Эффект получился полный... Когда-же из своего рта Егоров стал вытягивать безконечную бумажную ленту, Яяк безсильно опустился на пол, и казался чрезвычайно подавленным.

— Наш шаман — великій шаман, у него есть даже кусочек солнца... Хотя ты и не достоин видѣть его, так как у тебя душа темная, но все-же он его тебѣ покажет, но только на мгновеніе, чтобы ты и твои люди не ослѣпли... Смотри, Яяк, и если можешь, сдѣлай так-же... Вогган, потуши-ка лампу...

Егоров отошел в дальній угол комнаты и вдруг нестерпимый голубой свѣт

магнія ослѣпил всѣх на мгновеніе.. Чукчи дико заволив, повалились ничком на пол, закрывая голову руками.

Протирая глаза и со страхом оглядываясь кругом, Яак потерял всю свою прежнюю важность.

— Почему же ты молчишь, Яак?. Бери свой бубен, и шамань, — говорил насмѣшливо Самойлов, едва сдерживаясь от смѣха. Егоров вынес небольшой граммофон с поставленной пластинкой и грозно направил трубу на Яака.

— Наш шаман так велик, что держит своих духов в этом ящикѣ, переводил Вогган слова Самойлова. — Слушай, как они станут сейчас смѣяться над тобой, и твоими духами, которые оставили тебя...

Граммофон зашипѣл, и из трубы посыпался подмывающій смѣх клоунов Бим-Бом, взапуски смѣющихся друг перед другом...

— Ты грозился, Яак, что превратишь нашего шамана в собаку. Так он теперь превратит вас в собак.. Но не всѣх, а половину, что-бы другіе видѣли и разсказывали всѣм, что шаман Яак был собакой... Вот сейчас!.. — но Самойлов не успѣл кончить фразы. Яак с диким криком бросился к дверям, захватив на

ходу свою одежду. За ним, толпясь, напирая и неистово крича, вываливались на улицу остальные его сородичи.

Через нѣсколько минут лай собак, торопливые голоса, и дружный скрип полозьев возвѣстили, что гости уѣхали.

— Что-же, Вогган, неужели ты упустил Мами, позволил ей уѣхать назад!.. сказал Егоров, входя в дом послѣ того, как насладился видом удиравших чукчей.

— Посмотри!.. — коротко отвѣтил Вогган, улыбаясь и показывая на открывшуюся дверь. Вошла Коравія, ведя за руку смущенную Мами, и поставила ее перед Егоровым. Вогган вскочил и подойдя к ней, стал рядом.

— Мами говорит, — начал он, — что она не вѣрит больше духам Яака. Она хочет остаться здѣсь... Она говорит, что бѣлый дух русских сильнѣе, и она не боится мести Яака...

— Правильно, черт возьми... Конечно, наш дух всегда сильнѣе... — серьезно отвѣтил Егоров.

ЖЕНЩИНА В СНѢГАХ.

Рождественскій разсказъ.

Широкія блѣдныя полосы сѣвернаго сіянія, дрожа, мерцали в густом темном холодном небѣ.

Безконечно длинная полярная ночь плотно обняла заледенѣвшую и оснѣженную землю, — всю Великую Бѣлую Пустыню...

Было тихо и морозно... В чернильном мракѣ ночи слабо голубѣли сугробы — отсвѣтом сіянія — занесенные высокіе сараи покинутой на долгую зиму рыбалки чуть вырисовывались неясными темными пятнами и почти сливались с каменными холодными стѣнами высокой береговой ложбины. Набѣгавшій порой холодный острый вѣтер поднимал тонкую сѣть снѣжной серебристой пыли и с легкими шуршаніем гнал по убитому снѣжному насту длинныя поземки и терялся в темнотѣ ночи.

Маленькая сторожевая хижина, обложенная толстым слоем земли и занесенная до верху снѣгом, казалась огромным снѣжным комом, — и только бѣлый безконечный дым витіеватою лентой выплывавшій

из трубы, и желтый тусклый свѣт, лившійся из двух подслѣповатых маленьких окон, — показывали, что в этой забытой Богом странѣ есть живые люди.

В небольшой и низкой, жарко натопленной комнатѣ сторожки, заставленной различными вещами, заваленной кучами мѣхов находились два человѣка.

Пузатая чугунная печь, раскаленная до красна, дышала жаром и волны тепла ощущались в дальних углах комнаты. Большой, бѣлый, чайник, стоявшій на печкѣ, кипѣл, поднимая крышку, и кипяток, выливаясь тонкими струями, шипѣл и пузырился, испаряясь.

Плотный высокій чернобородый мужчина в бѣлой с разстегнутой на груди рубашкѣ сидѣл на грубом самодѣльном стулѣ с высокой спинкой, протянув к печкѣ длинныя ноги в толстых сѣрых носках. Маленькая потрепанная, с замусленнымй от очастаго употребленія страницами, книжка, была в его руках и бородачь с искренним чувством читал стихи Гумилева.

Желѣзная круглая лампа с большим абажуром, спускавшаяся с потолка, освѣщала его сосредоточенное лицо — обвѣтренное и жесткое, — заросшее густыми черными волосами; в нѣкоторых мѣстах

он голосом и движеніем руки подчеркивал прочитанное и поднимал черные внимательные глаза на другого, находившагося в комнатѣ.

Этот, второй, — молодой юноша лежал на широкой кровати и, подперев рукой голову, не отрываясь смотрѣл на читающаго, только слегка кивая головой в отвѣт на молчаливыя обращенія своего товарища.

...И тая в глазах злое торжество
Женщина в углу слушала его.

— Хорошо... — проговорил бородатый, опуская книгу и снимая чайник с печки: — здорово хорошо... Как образно... А чувствуешь, как передается стихами настроеніе этого человѣка?.. Желѣзный человѣк, а вот побѣжден женщиной... И женщина то-чувствуется, что какая-то недостойна его. Представляю,,—маленькая, злая брюнетка, остроличая...

— Женщина... — медленно произнес юноша: — слово то какое... Никогда раньше не знал, что в одном этом словѣ таится столько какой то зовущей, таинственной прелести... Ж-е-н-щ-и-н-а... Подожди, Михаил, — протянул он руку, останавливая товарища, — не читай больше... Давай, брат, поговорим о женщинах...

Чернобородый, улыбаясь, закрыл книгу и, спрятав ее в ящик стола, захозяйничал, наливая в двѣ кружки густой, черный, ароматный чай, и доставая банку с консервами и неизмѣнными галетами.

— Уже четыре мѣсяца как мы здѣсь живем, послѣ того, как ушел послѣдній японскій пароход,—заговорил юноша: — а кромѣ старой, сморщенной Коравіи, и нѣсколькихъ грязных и болѣе похожих на мужчин чукчанок, я не видѣл женщин. Я просто стосковался по ним. Я даже уже почти не вѣрю, что пройдет эта вѣчная ночь, опять засіяет солнце, пріѣдут русскіе на пароходах, и я увижу настоящую женщину, — русскую женщину — не в неуклюжих мѣховых штанах, а в свойственном ей нарядѣ, европейском платьѣ, с правильным красивым лицом, густой волной черных или бѣлокурых волос...

Как мнѣ хочется поговорить, посидѣть в обществѣ женщины, чувствовать аромат ея волос, платья, ощущать незримую волну обаянія, ухаживать за ней, исполнить ея желанія. Не цѣловать, нѣт, нѣт, — но только чувствовать, понимаешь, чувствовать женщину около себя. Подумай, каким благословеніем Бога было бы для нас, если бы совершилось чудо, — и мы, покинутые и оторванные от всего міра, вдруг были бы

осчастливлены появленіем женщины у нас. Даже ты, холодный человѣк, улыбаешься, — значит представляешь, как измѣнилась бы наша жизнь.

Ни шкур бы этих, ни ненужных многих вещей, ни этого спертаго воздуха не было бы здѣсь в нашей комнатѣ... Было-бы уютно, домовито. Ты не ходил бы с расхлябанным воротом, и должен был бы бриться каждый день, и вообще мы с тобой не ходили болѣе на людей, чѣм сейчас...

—Ерунда мой милый Александр. Ты говоришь форменную ерунду:—перебил юношу Михаил, поворачивая к товарищу энергичное лицо. —Единственная польза от женщины в нашем положеніи,—поварство, которое мнѣ надоѣло до смерти, и которому никак не может научиться Коравія, хотя я прилагаю всѣ усилія к этому, — но зато сколько хлопот нам было бы с ней. — Она плакала бы от тоски в этой долгой сѣверной ночи, мы опротивѣли бы ей в теченіе первых же дней, и она нас презирала и ненавидѣла-бы, как своих злѣйших враговъ, и никакого уюта у нас с тобой не получилось-бы, так как уютно было у нея в ея комнатѣ, а мы так-же сидѣли бы в нашей, загруженной, пропахшей потом и кожей и мѣхами. Ни одна бѣлая женщина, выросшая в условіях городской культурной жизни — не сможет вынести зимовки здѣсь в этой безконечной ночи, страшных морозов, и самого страшнаго — сознанія своей оторванности от всего міра. Это только в романах Кервуда и Лондона описываются женщины, не уступающія в мужественности и закалѣ характера — нам мужчинам. В жизни их не бывает.

Александр хотѣл с жаром что-то возразить, но в это время распахнулась дверь и комнату вошел закутанный в мѣх человѣк. Отбив от снѣга высокіе мѣховые „торбоса," он скинул с себя кухлянку, и оказался высоким темнолицым молодым чукчей с широким добродушным лицом и прямыми прядями черных жестких волос, падавшими ему на лицо.

— Ну, что, Вогган? Что с собакой? — спросил Михаил: — иди сюда, садись к печкѣ, чай будешь пить.

— Собака ничего, Михал Иванович... — отвѣтил чукча, подходя и печкѣ и протягивая к огню руки, — собака ничего... Моя мать сдѣлала так, как ты сказал, — мазала пса густой желтой водой и завязала его лапу бѣлой тряпкой. Надо пойти, Михал Иванович, — ты и я, — в большом сараѣ опять дыра в стѣнѣ...

— Ах, чорт возьми, — выругался Михаил:—ну, хорошо, сейчас пойдем... Опять это навѣрное новыя собаки, которых ты купил? Наши старыя никогда этого не дѣлали...

— Может быть, Михал Иванович,.. Вѣрно, псы глупые... Налей ка мнѣ еще кружечку, да погуще.... Что с тобой, Шура? — обратился Вогган к Александру — почему ты такой?

— А видишь ли, сегодня у нас, русских, праздник — большой, большой праздник... Бог на землѣ родился в этот день...

— Знаю... Слышал... Пріѣзжал сюда третьяго года черный такой русскій... нѣт, не шаман... добрый... весь в черном.. Много говорил нам, ѣздил по становищами, рубашки бѣлыя давал, в воду велѣл заходить... Я тогда три рубашки получил... Получу одну, уйду, потом опять приходу, как чужой.. Совсѣм даром получил...

— Не хорошо, Вогган, обманул, брат, ты Божьяго человѣка...

— Нѣт, Михал Иванович, я хитрый, я потом много молился нашим и вашим духам, приносил жертвы, чтобы они охраняли этого старика от плохого...

— Ну так вот, Шура и грустит от того, что он этот праздник встрѣчает здѣсь, а не с своими родными и близкими...

— Ничего, Шура... Не надо так... — проговорил Вогган, подходя к Александру и кладя большую руку на его плечо, — я тебѣ подарок сдѣлаю... Я тебѣ подарю свой старый лук со стрѣлами... Мой дѣд и прадѣд и всѣ мои предки охотились этим луком... Ты мнѣ как друг, —мнѣ не жалко для тебя этого стараго лука. А у меня есть два винчестера и много патронов... Теперь винчестер лучше лука...

— Спасибо, Вогган... — растроганно отвѣтил молодой человѣк — ты, дѣйствительно, хорошій парень и добрый товарищ... Я тебѣ тоже подарю что нибудь...

— Ну Вогган, пойдем, что-ли, — сказал Михаил, одѣвшись в мѣховую рубашку и накинув на голову большую шапку-ушанку, беря топор и нѣсколько больших гвоздей. — А тебѣ дѣйствительно незачѣм итти с нами, — добавил он, видя что Александр начинает также одѣваться — Мы с Вогганом отлично справимся и без тебя.. Оставайся лучше дома..

Громко и сочно ругаясь, Михаил бухал топором по промерзшим доскам, забивая большую дыру, в то время как Вогган приваливал с внѣшней стороны к стѣнам

сарая большія глыбы льда.

Звонкія уханія ударов далеко разносились по мертвой окрестности, будили уснувшее эхо. Вѣтер, как-бы обрадовавшись неожиданному оживленію, энергично завертѣл тонкіе столбы снѣжной пыли и, расшалившись, ударил в крышу, завалив Михаила и Воггана в снѣжном обвалѣ.

Отплевываясь и отряхаясь, молодые люди выбрались из сугроба и направились обратно в дом, когда неожиданно Вогган, схватив Михаила за руку, остановился и внимательно прислушался, скинув с головы свой шлык и подняв руку.

Далекій, но ясный, знакомый скрип полозьев, рѣзкій свист погонщиков, и отрывистый лай собак донеслись отчетливо и до Михаила.

— Собаки бѣгут!.. — радостно воскликнул Вогган, всплескивая руками.

— Люди ѣдут, — поправал его по своему Михаил и опрометью бросился в дом.

— Шура, Шура, — закричал он, возбужденно врываясь в комнту. — Самойлов, чорт. Вставай скорѣе, — к нам кто-то ѣдет...

Самойлов кубарем скатился с кровати и, моментально одѣвшись, вмѣстѣ с Михаилом выскочил на улицу.

Около Воггана стояла старая мать его Коравія и оба с нетерпѣніем смотрѣли в ту сторону, откуда неслись скрип и лай собак.

В холодном морозном воздухѣ звуки казались совсѣм близко и нетерпѣливый Михаил хотѣл уже идти навстрѣчу, но Вогган сказал:

— Подожди.. Далеко еще... Скоро сами будут... Не ходи сам. Не знаем, кто ѣдет.

Шумно обмѣниваясь словами, четыре человѣка с нетерпѣніем ждали прибытія нежданных гостей, которые, кто-бы они ни были, несли с собой оживленіе в однообразную и тоскливую жизнь двух добровольных изгнанников-сторожей, оставленных на зиму на дальней сѣверной рыбалкѣ, на берегу скованнаго льдами Анадыря.

Михаил Егоров, студент, и бродяга, поэт и искатель приключеній, неуемный человѣк и его молодой друг Александр Самойлов по окончанія рыболовнаго сезона остались зимовать на этой дальней рыбалкѣ крайняго сѣвера на Чукотском Полуостровѣ. Кромѣ желанія испытать себя в тяжелых условіях полярной зимы и ночи, ими двигало еще другое желаніе: оба мечтали с

первыми весенними днями закупив на первых японских пароходах необходимые им инструменты, — отправиться в хмурыя, холодныя неуютныя горы Чукотскаго хребта, гдѣ хищники - американцы составляя себѣ несмѣтныя богатства, добывая золото — испытать собственное счастье и вернуться в цивилизованный мір богатыми людьми.

Четверть часа спустя, из темноты вынырнули собаки, запряженныя в длинные узкіе нарты, за первой упряжкой показалась вторая, потом третья, и через минуту, упаренныя, тяжело дышавшія, собаки повалились на землю, взвизгивая и путаясь в своих ременных постромках.

Из пяти прибывших, двое остались распрягать собак, которыя уже дрались с собаками Воргана и рвали постромки, двое других возились у саней, а пятый подошел к кучкѣ обитателей рыбалки.

Обмѣнявшись с Вогганом привѣтствіями по туземному, он обратился к Егорову, котораго признал за старшаго.

— Трастуй, паря... В гости пріѣхали... и на европейскій манер протянул руку Егорову.

— Здравствуй, паря!.. — отвѣтил тот, пожимая протянутую руку: что ж, очень

рады, угощать будем.. Чай есть, табак есть и горячей водой угостим... Откуда вы?

— Из Маркова, — отвѣтил чукча, довольный пріемом, и побѣжал к своим спутникам, возившимся с собаками.

— Нашего роду... — указывая на прибывших, радостно сказал Вогган, и захлопал в ладоши: — Вот пировать будем!..

— Устрой их, Вогган, — сказал Егоров: — а потом приведи к нам. Узнаем, какія новости в Марковѣ...

Самойлов в Егоров вернулись в свою комнату и, раздѣвшись, принялись за прежнія свои занятія: — Самойлов залѣз снова на кровать, а Егоров, налив в кружку чаю, полѣз в стол за завѣтной книжкой стихов.

Снова раскрылась дверь и двѣ фигуры, занесенныя снѣгом, вошли в комнату. Когда они, откинув мѣховые капюшоны, нѣсколько смущенно посмотрѣли на хозяев, — Егоров и Самойлов оба, как на пружинах, вскочили со своих мѣст и бросились к вошедшим.

— Господи!.. Русскіе!.. — радостно задохнувшись, крикнул Егоров, прижимая руки к груди: — откуда вы? Какими судьбами?

— Простите нас, господа, — сказал один из вошедших, высокій человѣк, отдирая лед с усов и бороды, — простите нас... Я доктор Орлов. Это моя сестра — Елена Павловна... Мы жили в Марковѣ, по случайности отстав от послѣдняго парохода — опоздали — и прослышав о том, что здѣсь живете вы, двое русских, рѣшили пріѣхать к вам — познакомиться... Мы единственные в Марковѣ русскіе, и очень скучали без общества...

— Господи!.. Да рады... Рады-же!.. Проходите... Очень пріятно!.. Прямо чудо!.. Вот радость!.. — засуетился Егоров

Самойлов стоял, как завороженный, не отрывая глаз с молодой женщины. и только молча переминался с ноги на ногу.

Эта маленькая женщина даже в неуклюжем мѣховом нарядѣ — казалось совсѣм иной, чѣм самыя красивѣйшія туземныя дѣвушки.

Густая волна черных мягких волос, разсыпавшихся по ея плечам, чудесной рамкой легла вокруг ея лица, и Самойлову казалось, что он слышал тонкій аромат ея волос, аромат этой женщины, проникавшій даже через толстую мѣховую одежду.

Елену Павловну устроили в маленькой каморкѣ рядом с общей комнатой. Для

Орлова поставили кровать у свободной стѣны, выкинув груды мѣхов в корридор. Пока пріѣзжіе приводили себя в порядок, Егоров и Самойлов суетливо метались по комнатѣ, приводя ее в порядок.

— Вот это будет праздник, как праздник... Ах. Боже мой, как хорошо, — говорил Самойлов, хватая каждую вещь и носясь с ней по комнатѣ и ставя ее опять на то-же мѣсто: — Слушай, Михаил, я так рад, так рад... Замѣть, Елена Павловна — сестра его... Не жена — к счастью.. — Боже-ж мой, как я буду за ней ухаживать... Форточку, форточку открой, тюлень ты этакій. А то дух здѣсь того...

Выхватив свой чемодан, Самойлов выбросил из него все содержимое и извлек со дна его смятую кремовую рубашку с отложным воротником и большой мягкій черный галстух.

— Почувствовать себя хотя-бы ненадолго человѣком в приличном одѣяніи, — сказал он, прикидывая рубашку на себя и вертясь перед маленьким зеркалом. Егоров таже достал из корзины смятые синіе брюки и разглядывал с удивленіем большія прорѣхи, которых, как ему казалось, раньше не было.

Елена Павловна разбирала свои два

больших мѣшка с вещами и дѣйствительно, неуловимый, тонкій, опьяняющій аромат женщины как-бы несся оттуда.

Оба ощущали это. И раздув ноздри, Егоров широко вздохнул воздух, подняв указательный палец и многозначительно посмотрѣв на Александра, произнес:

— Да, брат... Дѣйствительно... Великая штука женщина!.

Доктор, как бегемот, хлюпался в теплой водѣ, умываясь в корридорѣ, фыркал и с удовольствіем крякал и ухал.

— Ух, хорошо!.. Не мылся цѣлую вѣчность...

Прилаживая к стѣнѣ свою фотографію в студенческой формѣ, Самойлов увидѣл, как Егоров, подойдя к двери комнаты Елены Павловны, нерѣшительно переминался с ноги на ногу и откашливался.

— Ты чего это? — ревниво спросил его Самойлов, подходя: — уж не подсматриваешь-ли?

— Елена Павловна, — вмѣсто отвѣта сказал громко Егоров густым, несвойственным ему голосом, и тотчас-же, поперхнувшись, продолжал своим обычным, — не желаете-ли принять... того... горячую ванну... Вѣдь с дороги того... А у нас это можно.

— Неужели? — Дѣвушка появилась в дверях. — Ах, как это было бы хорошо..: Но как...

— Не безпокойтесь, — сказал Егоров чрезвычайно довольный, поглядывая на Самойлова; — у нас обширная кухня... Я сейчас скажу нашей старухѣ, чтобы она затопила печь, поставим воды в большом бакѣ, и вы можете себѣ купаться как в бассейнѣ...

— Боже мой, какой вы милый... — сказала дѣвушка; — вы знаете, мы жили мѣсяц в юртѣ с чукчами.. представляете себѣ, что это за удовольствіе...

— Коравія!!! Волган!!! — закричали вмѣстѣ Самойлов и Егоров, стремглав кидаясь из комнаты и чуть не сбивая с ног доктора.

— Господа.. Что такое? — спросил он удивленно, но его вопрос остался без отвѣта, так как оба молодых человѣка были уже в кухнѣ и на перебой кричали и старались перекричать друг друга, махая руками перед перепуганной Коравіей.

Наконец, все устроилось. Пока гости мылись по очереди в кухнѣ, — Самойлов успѣл побриться и переодѣться и торопливо подстригал Егорову длинные «хвосты» волос на затылкѣ.

— Ты, брат, не торопись... — сердито говорил Егоров чикающему ножницами Самойлову: — ты, брат, по товарищески должен хорошо подстричь, а не так чтобы меня потом на смѣх подняли...

— Кто? — ехидно спросил Самойлов.

— Кто?! Кто?! Ну, вообще... Доктор там... ну и ты что ли... Вѣдь общество, — это тебѣ не грязные чукчи и камчадалы какіе-то... Доктор... Культура... Есть о чем поговорить...

Накрытый для ужина стол блистал произведеніями поварского искусства Егорова, превзошедшаго себя на этот раз.

Когда Самойлов, Егоров и доктор Орлов усѣлись за стол, из своей комнаты вошла Елена Павловна. Одѣтая в темное гладкое платье, напудренная и чуть-чуть надушенная легкими духами, она являла такой контраст со всѣм окружающим, что Самойлов зажмурился и проговорил:

— Прямо не вѣрится, господа, что мы здѣсь, на сѣверѣ. Похоже на то, что сидим гдѣ-то в охотничьей избушкѣ в Сибири, и пріѣхали как будто на пикник...

— Господа, — проговорил, откашлявшись, торжественным тоном Егоров: — для такого необыкновеннаго счастливаго случая считаю необходимым распить эту бутылку... Несравненная водка Лазариди, вывезенная мною из Владивостока и бережно хранимая от поползновеній — он покосился на Самойлова. Тот вспыхнул: — многих, кто знал о ея существованіи...

— Господа, господа... — сказала Елена Павловна: — вы забыли самое главное... Сегодня — вѣдь Рождество!

— Правда, правда... Сегодня Рождество! — воскликнул Самойлов, — это единственное, необыкновенное, самое лучшее Рождество в моей жизни... А вы, Елена Павловна, — тихій ангел, ангел радости для нас... нас.

— Мы старались пріѣхать в сочельник, проговорил доктор, — поэтому и гнали наших собак, но задержались. Стойте, стойте... Да вѣдь и мы привезли с собой тоже кое-что для праздника... Лена, гдѣ это ты спрятала?.. Ну тоже, бережно хранимое...

— Боже... Да это в нартах в маленьком мѣшкѣ осталось...

— Сію минуту, господа... — доктор поднялся и, накинув кухлянку, вышел.

Через минуту он торжествующе ставил на стол бутылку коньяку.

— Господа... Три звѣздочки... Единственная...

Послѣ чудеснаго ужина долго пили чай, и без конца разговаривали и всѣм было

хорошо, хорошо...

Когда улеглись спать, — доктор уснул моментально и сладко похрапывал; дверь в комнату Елены Павловны была пріоткрыта — для тепла — и огненные красные зайчики от печки бѣгали по стѣнам. В домѣ чувствовалась домовитость и уют, какого не было до пріѣзда гостей.

Но двое молодых людей были слишком полны переживаніями, чтобы спать.

— Ну, ты, „тихій ангел радости", — тихо посмѣиваясь, сказал Егоров, — комплимента сказать не умѣешь... А тоже, — смотришь влюбленными глазами...

— А ты что? Ревнуешь? — также тихо спросил Самойлов, — как бы ни сказал, а она мнѣ улыбнулась на эти слова...

— Ревновать? Нѣт, не ревную, потому что ты не видѣл, как она на меня смотрѣла... А давеча сказала: Ах, говорит, какой вы сильный... Люблю, чтобы мужчина был силен, высок, и с такой бородой и усами, как у вас...

— Врешь ты, навѣрное, Егоров, все... Скажи правду, врешь.

— Ну, успокойся, успокойся... Приврал немножко... А ты влюблен уже... Признайся...

Самойлов долго молчал, потом проговорил тихо:

— Нравится она мнѣ... Кажется влюблен... Прямо ангел!.. Ты знаешь, подаю ей коробку с консервами и гляжу в глаза: — а в них такія золотыя точки мерцают, — рѣсницы длинныя, пушистыя. Прелесть, как хороша!.. Кажется, готов бы за нее чорт знает что натворить... Егоров, ты слышишь?..

Но Егоров спал мирным сном довольнаго всѣм человѣка.

СЧАСТЛИВАЯ НЕУДАЧА.

(Из эмигрантских скитаній).

Зима в Шанхаѣ самая отвратительная пора года. Собственно, никакой зимы нѣт, в настоящем смыслѣ слова, а так, мерзкая слякоть какая то... Пронизывающій вѣтер, проникающій сквозь большія щели в рамах окон дешевых квартир, вродѣ той, гдѣ обитали мы за 10 серебряных долларов в мѣсяц, — мелкій и безнадежно - длинный, угнетающій до отчаянья, дождь,—вот она зима в Шанхаѣ... А если сюда прибавить нетопленную в теченіе недѣли крохотную комнату под крышей и перманентное голодное состояніе, в котором мы пребывали, — я и Пашка, то настроеніе наше будет понятно каждому.

Итак, было холодно и еще болѣе голодно. Мы не могли выйти из дому, так как и у Пашки и у меня давно уже не было того, что называется подошвами обуви. И мы сидѣли на нашей широкой китайской кровати, забравшись на нее с ногами, укрывших одѣялами, мрачно молчали и только в энергичных плевках, очень мѣтких и многочисленных, каждый из нас изливал свою злость. И ни одной спасительной, геніальной мысли, которыя всегда во многих подобных критических случаях, приходили нам в голову, — не было на этот раз. Даже Пашка, — Пашка, который был изобрѣтателен, как Архимед, хитроумен как Улисс, к моему большому разочарованію не мог ничего придумать.

Мы молчали. Я ясно слышал, как громко и продолжительно бурчало в животѣ у Пашки, как через минуту отвѣтил мой собственный живот, и мы, глотая слюну, должны были слушать своеобразный концерт возмущенных нашей бездѣятельностью желудков.

— Если погода не измѣнится или что нибудь не случится, то завтра наш хозяин найдет здѣсь два холодных трупа, — мрачно сказал Пашка.

Это были первыя слова за очень долгое время, и я облегченно вздохнул, так как томительное молчаніе слишком угнетало меня.

— Надо придумать что то... сказал я в тысячу первый раз эту фразу. — Чорт возьми, если только хотя бы один доллар мы раздобыли, и то могли быть сыты с тобой цѣлую недѣлю...

— Вот что... проговорил Пашка, сбрасывая с себя одѣяло, — есть один шанс...

Только...

— Ну? — обрадовался я. — Что такое? Какой шанс?

— Можно попросить взаймы доллара три, — медленно и нерѣшительно проговорил Пашка, — у Ани...

— Ты с ума сошел? — крикнул я. Об этом и думать нельзя... У Ани! Тебѣ не стыдно будет говорить ей об этом?

— Придумай ты лучше... Аня толковая женщина, и отлично все понимает... Как хочешь, я пойду к ней...

— Неудобно, Пашка! Аня не должна знать, что мы с тобой так живем. Я не смогу с ней встрѣчаться послѣ этого.

Дѣйствительно, я готов был бы терпѣть еще дальше наши муки, но не мог допустить, чтобы Аня знала наше бѣдственное положеніе. Аня была дѣвушка из бара „Барселона“. И хотя мы там были с Пашкой всего нѣсколько раз, тѣм не менѣе она мнѣ понравилась, и во всяком случаѣ все время, которое мы проводили в барѣ, она сидѣла с нами, и танцевала только со мной и Пашкой, хозяйственно выбирала и совѣтовала тѣ или другіе дешевые коктейли, лишая себя всякой заитересованности. Когда я замѣтил ей об этом, она просто сказала:

— Оставьте, Володя. Мы русскіе, и я никогда об этом не забываю. А кромѣ того, вы славные ребята, и оба мнѣ очень нравитесь...

Мнѣ было пріятно, что мы «оба» нравимся, но я втайнѣ хотѣл, чтобы это было сказано не так. Впрочем, тут был Пашка, а может быть я только вообразил, что нравлюсь Анѣ...

Я энергично стал отговаривать Пашку от его плана, но он был непреклонен.

— Брось ты... — не выдержал он наконец. — Я не буду клянчить у нее два доллара, а попрошу 20. Скажу что ты болен... А для тебя она и 100 достанет... Пашка засмѣялся. — Что краснѣешь, не вижу думаешь, что ты влюблен в нее. Дурак ты, Владимір, шанс вѣрный. Впрочем, она и впрямь славная дѣвушка, и я думаю, что когда нибудь мы эти деньги ей все таки отдадим. Помечтай об ней... и ожидай всякой снѣди... Да кстати, прибери в комнатѣ, у нас сегодня будет тепло и уютно, и главное — сытно... Вынеси золу... командовал Пашка, одѣваясь. — Ну пока... и он, уже снова жизнерадостный и бодрый, махнув мнѣ рукой, скатился по перилам крутой лѣстницы.

Три долгих часа отсутствія Пашки ка-

зались мнѣ мучительной вѣчностью.

Мысли о том, — даст ли Аня денег „ради меня", стыд за этот поступок, и в то же время желаніе чтобы деньги были и Пашка вернулся нагруженный разными свертками — все время вертѣлись в моей головѣ.

Я вышел на улицу и став под навѣсом нашего дома, с нетерпѣніем ждал появленія Пашки. — Наконец я услыхал то, что и ожидал, — громкій, разбойничій свист, покрывшій почти всѣ звуки гудящей улицы. Так свистѣть мог только Пашка, и я дѣйствительно увидѣл его ѣдущим в рикшѣ, важно развалившимся в колескѣ. Он махнул мнѣ рукой, да и по его виду я сразу понял что случилось что то особенное. Но к сожалѣнію долгожданных свертков у Пашки не оказалось.

Соскочив с коляски Пашка щедро бросил возницѣ двѣ серебрушки, и схватив меня за руку торопливо потащил в нашу комнату.

Пашка был мокр как курица, вода ручьями стекала с прилипшаго к нему платья, и его ботинки расползлись окончательно. Но вид у него был побѣдоносный. Закрыв плотно дверь, чего Пашка никогда не дѣлал, он уперев руки в бока, и тяжело дыша долго смотрѣл на меня. Потом заговорил быстро, захлебываясь и торопясь, глотая слова и окончанія.

—У Ани не был... Не дошел... Случилось другое... — Есть шанс уѣхать в Америку... Остаться там... Ѣдем... вмѣстѣ... Шхуна. Трехмачтовая. Американская. Идет в Сан-Франциско послѣзавтра. Уже грузится —И выкатив глаза и вытянув губы он добавил свистящим шопотом: — Везет спирт контрабандный в „сухую Америку". 350 ящиков. Капитан Мак-Лин, — сейчас встрѣтил — симпатяга — мой старый друг и пріятель... Я ему раз голову бутылкой разбил... Смѣху было... Я уже говорил с ним... — Знаю, говорит, тебя, Паша, и могу взять... И тебя возьмет, — я просил... У них как раз не хватает помощника повара... Только, — Пашка сдѣлал страшное лицо, — никому ни слова... Ты знаешь, чѣм это пахнет?

— Погоди... сказая я ошеломленный. — Ничего не могу сообразить...

— Нечего годить, спѣшить надо... Идем сейчас-же в «Торонто»... Пашка сорвал с вѣшалки мой пиджак и бросил его мнѣ. — Одѣвайся... Мак-Лин в «Торонто», я тебя с ним сейчас там познакомлю... Он сам велѣл привести.... Пони-

маешь? Сразу сдѣлаем дѣло... Сразу-же проси деньги — аванс... Одѣться дескать надо, то да се... Я видишь, получил пару долларов. Впрочем, нѣт, ты не проси... Я сам... Ты не сумѣешь... Но ты понимаешь, — Америка... — пріѣдем, документы об американском гражданствѣ достанем. С Мак-Лином дѣла имѣть будем... Доллара то американскіе в карманѣ звенѣть будут... Вот жизнь то настанет... Эх!—Пашка захлебнулся от восторга и, отплевавшись, продолжал:

— Поѣдем в Холливуд, — непремѣнно. Грету Гарбо видѣть должен... Кто знает?... — Пашка сразу задумался и глубоко вздохнул. Так я совсѣм неожиданно узнал тайну моего друга.

— Что это — шанс?... — думал я, уже не слушая размечтавшагося Пашку. — Но риск?... Впрочем, если шанс — значит риск... Вот она мечта, исполняется. — Необыкновенное приключеніе, контрабандисты, юнга на шхунѣ, Америка... Прямо сказка какая-то... Глупо, конечно, упустить такой случай. Да, это очень кстати... Надо уѣзжать из Шанхая куда нибудь. Засидѣлись здѣсь с Пашкой...

Капитан Мак-Лин оказался низеньким, толстым человѣчком с багровым лицом и бычьей шеей. Он радушно привѣтствовал нас, и усадил за свой столик. Я много слышал о том, что американскіе моряки самые добродушные и отзывчивые люди, но впервые убѣдился в этом на опытѣ.

Мак-Лин оказался, дѣйствительно, симпатягой, и я ему должно быть понравился, так как он охотно согласился взять меня на шхуну помощником кока, — корабельнаго повара. Послѣ «Торонто» Пашка уговорил капитана поѣхать в русскій ресторан, гдѣ послѣ третьей бутылки русской водки, Мак-Лин подрался с Пашкой и гонялся с бутылкой в руках за мной по всему ресторану. Тѣм не менѣе мы разстались друзьями, и усаживая его толстую тушу в коляску рикши, я нѣсколько смущенно, по новой своей обязанности корабельнаго юнги, — отдал ему честь, — поднеся руку к козырьку фуражки.

Полученный аванс радовал нас обоих, и мы тотчас же отправившись на Вузунг Род, купили себѣ приличные синіе костюмы и почти новые ботинки, и как никогда роскошно пообѣдали в русской столовой.

По условію с капитаном Мак-Лином,

мы должны были явиться на судно завтра к 7 часам утра, а в 10 часов шхуна «Сѣверная Дакота» должна была отплыть из Шанхайскаго порта. Таким образом, у нас имѣлся цѣлый ден свободнаго времени.

— Вот тебѣ 20 долларов, — сказал предусмотрительно Пашка, передавая мнѣ оставшіеся деньги. — Сохрани их... Я сегодня так напьюсь на прощаніе, что только—ах!.. Но на борт явлюсь... Я слово свое держу... Сказал в семь, мертвый, а на суднѣ буду... Ты только смотри, не отставай от меня.

— Ну, куда пойдем, — притворно-равнодушно спросил он, — провести наш послѣдній вечер на континентѣ... А вѣдь какая удача, ты подумай, — у нас и деньги есть, и одѣты мы с тобой и в Америку к новой жизни ѣдем... Ей-Богу, все таки Бог любит русскій народ...

«Послѣдній вечер» неожиданно рѣзануло мнѣ по сердцу. Перед глазами встала золотистая головка Ани и ея внимательные сѣрые глаза. И я в первый раз почувствовал желаніе остаться и не ѣхать никуда.

— Ладно, ладно, знаю, с Аней попрощаться хочешь.. засмѣялся Пашка. — Чего скрываешь, вѣдь вижу все... Идем

домой, сложимся, а попозже пойдем в „Барселону". Дурак ты, я тебѣ скажу... Сколько раз мы были в этом барѣ, пора бы замѣтить, что Аня к тебѣ неравнодушна, а ты идіот этакій, все из себя какого-то рыцаря корчишь. Дѣвушкѣ до омерзѣнія надоѣли матросы и вся эта шваль, которая шатается по барам, и может быть она в первый раз захотѣла искренно отдать тебѣ свою настоящую нѣжность...

Слова Пашки желѣзными гвоздями вбивались в мое сердце. Конечно, я грѣшный человѣк, имѣл нѣкоторые мысли относительно Ани, но ее расположеніе считал только чисто дружеским.

Вечером, разодѣвшись в пух и прах, мы подкатили на рикшах к „Барселонѣ". В барѣ было тихо и почти пусто. Лишь в дальнем углу сидѣла какая-то кампанія моряков Аня сидѣла с тремя своими подругами за столиком: увидѣв нас она радостно улыбнулась и тотчас же подошла. Мы усѣлись за самый дальній столик и заказали „дринки". Я был очѣнь рад видѣть Аню и мы тотчас же пустились в какіе то глупые, но интересные для нас разговоры, забыв почти о Пашкѣ, который сидел, вздыхал и с интересом подглядывая в

сторону столика моряков, за которым становилось все веселѣе и гдѣ сидѣло уже три барышни. Наконец он не выдержал.

— Почему ты не скажешь Анѣ, что мы пришли сюда прощаться .. сказал он, и поднявшись медленно пошел от нас к морякам, достав из кармана сигаретту. Это был постоянный и вѣрный способ присосѣдиться к какой либо компаніи — попросить прикурить, — который всегда пускал в ход Пашка.

— Я откладывал непріятную новость до самаго конца, но слова Пашки вынудили меня разсказать Анѣ все. Я даже не утаил перед ней того, что представляет из себя шхуна „Сѣверная Дикога“ и с тайной радостью видѣл, как грустно опустила голову Аня, и — чорт возьми! был готов расцѣловать ее тут же.

Она стала уговаривать меня остаться и не пускаться в такое опасное и невѣрное дѣло, но я не мог ничего измѣнить.

— Останьтесь, Володя — говорила она, с тревогой смотря на меня и пожимая мнѣ руку: — останѣтесь. Хотите, я устрою вас бодигардом*) к одному арабскому еврею. Я выговорю вам лучшія условія.

*) Бодигард — вооруженный тѣлохранитель.

Он для меня все сдѣлает... Я... я... не хочу, чтобы вы уѣзжали.

— Не могу, Аня... Слишком поздно!.. Мы пропиваем послѣднія деньги, полученныя нами от капитана... Отступленіе отрѣзано...

Пашка давно уже устроился к морякам-американцам, и горланил громче всѣх англійскія пѣсни, коверкая слова и вызывая громовые раскаты смѣха. Он обнимался со всѣми, цѣловался, и выкидывал штуки, от которых вся компанія покатывалась со смѣху...

— Пашка!... Павел! крикнул я, но Аня остановила меня.

— Не надо!.. — сказала она, и в ея взглядѣ, который она бросила на высокаго дюжаго моряка в форменной тужуркѣ, пившем в обнимку с Пашкой, мелькнула какая то затаенная мысль.

Через минуту она, извинившись, ушла куда то, а подошедшій бой отозвал Пашку в сторону и что-то сказал ему. Пашка был пьян и невѣрными заплетающимися шагами, выписывая замысловатые вензеля, отправился за боем. Через минуту он вышел обратно и рѣшительно, прищурив лѣвый глаз, направился обратно к компаніи, и что-то рѣзко сказал моряку, с которым только

что пил вмѣстѣ. Тот удивленно мотнул головой, но Пашка вдруг заорал на весь зал и, размахнувшись, ударил моряка. Увлекая за собой столик, моряк упал на пол. Звон разбитаго стекла, крики и оглушительный шум и гам наполнили весь бар. Моряки бросились к Пашкѣ, но он с яростью выкрикивая что-то, колотил своими кулаками по всякому, кто подвертывался ему под руку. Женщины с визгом бросились из зала во внутреннія комнаты, кто-то выскочил на улицу и пронзительно кричал: — Полисмен! Полисмен!.. В одну минуту образовалась огромная куча живых тѣл, которыя крича копошились в общей свалкѣ.

Я бросился на помощь Пашкѣ, хотя и не раздѣлял его выходки. Но такая уже была его привычка — всюду затѣвать драку. Схватив стул я окрестил им перваго же американца, и тот глухо екнув, мирно растянулся на полу.

Баталія кончилась скорѣе, чѣм я ожидал. Припертый к стѣнѣ Пашка получил в голову сильный удар и свалился на пол; в ту же минуту в помѣщеніе ворвались полисмены. Чья то рука, дернув меня за пиджак, втянула в сосѣднюю комнату. Это была Аня. Увлекая меня дальше, она торопливо говорила:

— Идем-те!.. Скорѣе! скорѣе!.. Вам надо скрыться, — пока полиція тут.

Мы выскочили во внутренній двор, и она меня заперла в каком то помѣщеніи, сама же вернулась „выручать Пашку“ как она сказала.

Час спустя Аня вернулась за мной, и войдя опять в бар, я уже не застал там никого из прежней компаніи. Все было тихо по прежнему. Только дѣвушки оживленно обмѣнивались замѣчаніями о происшедшем, да толстый грузин-хозяин, мрачно бормоча что то, осматривал разбитый столик и три стула.

В дальней комнатѣ, куда провела меня Аня, на старом продырявленом диванѣ, пьяным сном спал Пашка. Под глазом у него темнѣл большой, как яблоко, синяк, а в свѣсившейся рукѣ он крѣпко сжимал бутылку.

Остаток этой бурной ночи я провел в противоположность ея началу, — тихо и мирно, в уютѣ и теплѣ, во всяком случаѣ я не провел его в своей комнатѣ.

Надо ли говорить, что на слѣдующее утро шхуна „Сѣверная Дакота“ вышла из Шанхая без меня и Пашки.

Но мы не огорчались этим, так как оказалось, — что избитый Пашкой моряк

был старшим помощником на „Сѣверной Дакотѣ", а доставшійся мнѣ — главным механиком на нем же. Я был вообще искренно рад случившемуся, а Пашка также скоро простил Анѣ и свой огромный синяк, и то, что она подбила его задѣть моряка.

Прошел мѣсяц. Как то вечером, Пашка ураганом ворвался в нашу комнату и сунул мнѣ прямо в нос англійскую газету.

— Читай! Читай, скорѣе! — закричал он. А, чорт, копуша!.. Слушай тогда... Я сам прочту...

Развернув газету и разостлав ее на столѣ, он отыскал одно мѣсто и мѣшая русскія слова с англійскими стал торопливо переводить. Наклонившись, через Пашкино плечо, я слѣдил за его переводом и мурашки невольно побѣжали по моему тѣлу от извѣстія, напечатаннаго в газетѣ.

Вот что там было:

— „Сан-Франциско 29. В среду утром в густом туманѣ, окутавшем почти все побережье, сторожевым крейсером береговой и таможенной охраны, была замѣчена большая шхуна, медленно продвигавшаяся в туманѣ. На сигналы и на предупредительные выстрѣлы, приказывавшія шхунѣ остановиться, она не дала никакого отвѣта, но тотчас же поспѣшно стала уходить от крейсера.

Имѣя свѣдѣнія, что это судно бутлегеров, доставляющих в Америку спирт—трехмачтовая шхуна „Сѣверная Дакота", сторожевой крейсер стал преслѣдовать ее, и открыл по ней боевой огонь. Этими выстрѣлами шхуна была потоплена. Часть команды спасавшейся на шлюпкѣ — выловлена, большинство погибло!

Черт возьми! — пробормотал я, не в силах придти в себя.

— Не вмѣшайся Аня, сидѣть бы нам с тобой на электрическом стулѣ,—сказал Пашка. — Как все хорошо началось, и... еще лучше кончилось... Вот тебѣ и Америка...

— Все к лучшему, Пашка! — отвѣтил я, пожимая руку своему другу.

ЛЮБОВЬ МАЛЕНЬКОЙ СЯ.

Наконец то судьба, долго и безпощадно преслѣдовавшая Дикова — улыбнулась ему. Полоса черных неудач миновала. Письмо, которым его приглашали пріѣхать на далекую заимку репетитором, — лежало перед ним, а хруст двух десятирублевок радовали его слух и ласкали зрѣніе.

Бог с ним, с Харбином... Не было ни одного дня радости в теченіе долгих-долтих шести лѣт скитанія в его бурном житейском морѣ... Вот Таня... Да что вспоминать ее. Все кончено... А все-таки, как было хорошо... Какіе чудные часы прогулок в питомникѣ! А это смѣшное дерево, под которым они так неожиданно поцѣловались... Прочь, прочь, воспоминанія! Тани нѣт... Таня в Шанхаѣ, танцует в барѣ и жует резину, и показывает его карточку с проколотыми глазами и сердцем своим подругам и друзьям... Правда, жалко еще, что пропадает учебный год, он так и не закончит института...

Отдав послѣднюю дань Харбину, — сходив в два кино сразу, — Диков с тощим чемоданом в руках, но пріятным сознаніем человѣка, который навѣрное знает, что будет сыт и одѣт в теченіе долгаго времени, сѣл в поѣзд и покатил вперед, открывая новую страницу своей жизни. .

* * *

— Увы... Улыбка судьбы оказалась злой гримасой... Подлая старуха опять подсмѣялась над Диковым, но ее шутка оказалась ужаснѣе и коварнѣе всѣх прежних...

Около полуночи, послѣ ужина в семьѣ своих новых хозяев, распив с симпатичным стариком-хозяином бутылку вина «для знакомства», Диков, поднявшись в свою комнату, раздѣлся и моментально уснул сном человѣка прибывшаго к «тихой гавани».

Вдруг в мертвой тишинѣ уснувшей усадьбы, раздались выстрѣлы и крики, топот конских ног и ржанье... Испуганный Диков вскочил и, бросившись к окну, увидѣл в голубом мертвом свѣтѣ луны

разбитыя ворота, и полный двор каких-то людей, стрѣлявших в окна дома и ломившихся в двери.

— Хунхузы... остро рѣзанула мысль, и вздрогнув от страшнаго значенія этого слова, Диков торопливо стал одѣваться, волнуясь и путаясь. — Боже мой! Что-же дѣлать? Что дѣлать? — мучительно думал он, стоя у двери и до крови кусая свои руки, — спуститься вниз и помогать защищаться? Или выпрыгнуть в окно?

Внезапно устыдившись своего малодушія и трусости, он распахнул дверь и бросился вниз...

В домѣ был переполох... Крики и плач дѣтей неслись из комнат. Зычный голос хозяина внезапно покрыл всѣ голоса:

— Дѣтей в подполье!.. Живо!.. Герасим, возьми двухстволку и жарь из окна... Елена, на вот револьвер, стрѣляй в упор мерзавцев... Гдѣ-же студент, чорт его возьми?

Стоя в передней, Диков торкался в дверь, чтобы войти, но они были заперты... Внезапно входная дверь заскрипѣла, и подалась под напором бандитов... Диков едва успѣл броситься в сторону и упасть на пол, как она распахнулась и толпа вооруженных людей ворвалась в дом, стрѣ-

ляя и крича... Под напором многих тѣл, двери во внутреннія комнаты были сорваны и бандиты бросились внутрь, встрѣченные выстрѣлами...

Выскочив во двор, Диков бросился к воротам. Страх смерти гнал его, и с бѣшенством ударив кинувшагося к нему человѣка, он с неимовѣрной быстротой помчался вперед по тропинкѣ, не видя, не слыша, и не сознавая ничего...

Вдруг острая, короткая, рѣжущая боль — как от удара бича, — толкнула его в спину, и он почувствовал, как что-то горячее потекло по тѣлу под рубашкой...

Лѣс повернулся как-то странно боком, небо стало так близко-близко, в ушах зазвенѣли колокольчики, и закусив от внезапной боли губы, и подгибая неестественно ноги, Диков боком повалился на землю...

* * *

Старый Ли-Чан, звѣролов и искатель жень-шеня, жил в своей маленькой глиняной фанзѣ, далеко, далеко от людей и их шумных городов. Старик предпочитал близость природы и суровую жизнь исполненую лишеній, труда и рѣдких радостей... Впрочем одна радость у старика была, и каждый день под вечер, возвра-

щаясь домой с осмотра своих силков и западней, старик, сгибаясь под тяжестью добычи, торопливо прибавлял шаг, спѣша в свою фанзу, зная что его маленькая Ся не раз уже выходила и смотрѣла с тревогой на узкую тропинку, по которой должен был вернуться Ли-Чан.

Маленькая Ся была его единственной радостью и утѣшеніем его старческих лѣт. И старик боялся думать о том страшном моментѣ, когда Ся станет скучно с ним, и ее потянет к другим людям, в город, искать то призрачное, что люди зовут счастьем...

Сегодня Ли-Чан был особенно весел. Идя по тропинкѣ и думая одно, он по привычкѣ слѣдопыта и охотника, замѣчал и видѣл все окружающее...

Тихо улыбаясь в свою сѣдую, рѣдкую бороду, и покусывая усы, он часто отворачивал свою куртку и заглядывал на лежавшаго и жалобно пищавшаго у него за пазухой, лисенка... Правда, всѣ силки сегодня были пусты, но Ли-Чан был доволен тѣм, что его маленькая Ся будет рада его живому подарку...

И еще один подарок принес старый Ли-Чан на своих плечах... Молодого русскаго, который был недвижим, весь в крови, с безсильно опущенными руками и головой...

Шестнадцать лѣт жила Ся в этой фанзѣ, и много слышала, но никогда не видѣла русских, этих странных людей, то жестоких и свирѣпых, то добрых и глупых в одно и то-же время. И считала их страшными и злыми... С ужасом смотрѣла она на русскаго, котораго, задыхаясь и кашляя от усталости, укладывал ея дѣд на теплый кан, на лучшее мѣсто...

Ах... Сердца всѣх женщин одинаковы... В маленьком, как ее кулачек, сердцѣ Ся внезапно теплым огнем разлилась жалость...

Шли дни...

Старый Ли-Чан бережно и нѣжно ухаживал за молодым русским, лѣчил его горными травами, и молился за него у маленькаго алтаря, стоявшаго позади фанзы, и еще торопливѣе спѣшил вечерами домой с своих обходов.

Диков бредил... В туманных проблесках возвращавшагося полу-сознанія он различал склонившееся над ним чье-то женское лицо и забытой лаской вѣяли прикосновенія женских теплых рук... Вглядываясь в внимательные черные глаза, Диков видѣл, как это лицо принимало милыя, знакомыя до боли, черты, и угадав, с бушующим сердцем, с слезами радости и

счастья он сжимая и цѣлуя ея руки, шептал:

— Таня... Таня... Родная... — и лепетал безсвязныя слова любви и нѣжности...

* * *

Лѣто в Маньчжурской тайгѣ было в разгарѣ...

В непроходимых густых зарослях зеленой чащи, в темных горных ущеліях, на макушках темени гор, покрытых щетиной лѣсов — всюду кипѣла и била видимая и невидимая жизнь...

Могучіе царственные кедры, что высокой стѣной стояли за фанзой, гордо тянули свои верхушки в небо, переплетаясь вѣтвями, и наливали зеленыя липкія шишки, чтобы осенью милостиво отдать их веселым стаям бѣлок...

Веселый горный ручей, с прозрачной студеной водой, весело журчал среди камней, торопливо плетя безконечное кружево таинственных лѣсных саг...

Диков любил сидѣть у ручья, и дѣлая что-нибудь, чтобы быть полезным чѣм либо, долго и длинно разсказывал маленькой Ся о многих и разных вещах... Дѣвушка ничего не понимала, но внимательно слушала, не спуская черных глаз с Дикова, и

кивала головой, во всем соглашаясь с ним...

— Любовь, Ся — это рана в сердцѣ, которая хотя и заживает, но оставляет слѣд и всегда мучает... Любовь — это риск потерять свою душу и сердце на всю жизнь... Вѣрь мнѣ, Ся, — это я тебѣ говорю... Я это испытал...

— Лу... Лу-бо... Лубова... с трудом повторяла Ся. Не знай... — качала она головкой.

— И отлично, Ся... И не знай ея...

— Лубова... Лубова... — повторяла Ся, желая узнать значеніе слова, так часто повторяемое Диковым...

Диков словами и знаками старался объяснить, что такое любовь, и достав бережно хранимую карточку Тани, поцѣловал ее и выразительно прижал к сердцу... Дѣвушка взяла карточку и долго смотрѣла в смѣющееся лицо чужой, странной дѣвушки, с пышными вьющимися волосами...

— Это Таня... Вот, смотри, здѣсь написано...—показал Диков. Коротко, но много... Вот... «Люблю. На всю жизнь. Таня». Видишь-ли, она не ошиблась... Дѣйствительно, память в сердцѣ — на всю жизнь...

— Та ня... Та-ня...—тихо повторяла как эхо Ся, вспомнив эти слова, срывавшіяся

с уст больного русскаго, и тот момент, когда он сдѣлал такое странное, — взволновавшее ее, и вызвавшее невѣдомое ощущеніе, — приложил свои губы к ея рукѣ...

Часто, часто Ся просила у Дикова карточку Тани, и взяв ее, долго молча смотрѣла на изображеніе, и с легким вздохом возвращала назад. Диков нѣжно цѣловал фотографію и бережно прятал ее в конверт, не замѣчая, как блѣдиѣло в этот момент лицо дѣвушки и дымкой страданія заволакивались ея глаза...

* * *

Совсѣм неожиданно страшное несчастье каменной горой обрушилось на стараго Ли-Чана.

Заболѣла Ся...

Оправившійся Диков предполагал, что это воспаленіе легких, и предлагал старику отправиться на станцію за лѣкарствами и совѣтом врача, но Ли-Чан наотрѣз отказался от этого, говоря, что Бог дѣлает так, как он сам хочет. Постарѣв на десяток лѣт, сгорбившійся старик тѣнью ходил по фанзѣ, тихонько плакал старческими безсильными слезами, и все чаще и чаще молился у своего алтаря...

Диков не отходил от дѣвушки, но видѣл что ничто уже не спасет ее...

Неизбѣжный конец приближался... Маленькая Ся тихо угасала...

Ли-Чан молча сидѣл у ног умирающей и слезы струились по его морщинистому лицу... Диков сжав голову руками, с мятущейся душой и сознаніем своего безсилья перед безпощадностью смерти, — сидѣл около дѣвушки и, отогрѣвая своим дыханіем холодные пальчики, тихо гладил ея руки...

Маленькая Ся открыла глаза и обведя глазами фанзу долгим взглядом, остановила глаза на Ли-Чанѣ и что-то тихо прошептала... Старик, заливаясь слезами, подошел к ней и припав головой к ея рукѣ, затрясся.

Долгим взглядом посмотрѣла Ся на Дикова, и нѣжность, любовь, безпредѣльную грусть и страданіе прочел он в нем.

С упавшим сердцем Диков вдруг понял...

— Ся... Маленькая Ся... — крикнул он, потрясенный.

— Я... умирай...— прошептала она, и с ея потускнѣвших глаз медленно покатились крупныя слезы, и огнем обожгли Дикова, упав ему на руку...

— Лубова...—еще тише сказала она, не

отрывая глаз от Дикова. Я лубова...

Став перед ней на колѣни, со слезами на глазах, Диков поцѣловал ея холодѣющіе пальчики. Счастливая улыбка озарила лицо маленькой Ся и положив свою руку на его, она, глубоко вздохнув, вытянулась...

* * *

Два года спустя, работая на концессіи, Диков попал в знакомыя мѣста. Воспоминанія о маленькой Ся и старом Ли-Чанѣ не давали ему покоя, и он отправился в старую знакомую фанзу навѣстить старика.

Его встрѣтил другой старик, новый хозяин фанзы, такой-же старый, как и тот, и разсказал ему о том, что старый Ли-Чан не перенес смерти своей маленькой любимой Ся, и умер от тоски через год послѣ ея смерти.

МАРІОН.

В том, что Олесов очутился на далеком русском сѣверѣ, — Чукоткѣ,—замѣшано было нѣсколько причин: книги Джека Лондона и Кэрвуда, свойственной всѣм юношам стремленіе к приключеніям и, наконец, безработица.

Двадцать четыре года прожил Олесов в туманном, дождливом Владивостокѣ и, кромѣ его окрестностей и побережья, ничего не видѣл и не знал. Встрѣчаясь в портовых столовках с матросами, он с замираніем сердца слушал их разсказы о далеких странах, удивительных городах и людях, и ему безумно хотѣлось поѣхать самому и все это увидѣть, узнать, пережить.

Но устроиться на пароход или даже на шхуну матросом было очень трудно, и часто, смотря с берега на уходящее судно,

Олесов с щемящей тоской задавал себѣ вопрос,—удастся-ли ему когда-нибудь уѣхать, повидать невѣдомыя чудесныя страны, испытать морскія бури и в диких тайфунах и в схватках с пиратами закалить свою волю и тѣло и стать во всем искушенным, храбрым и опытным...

И когда случайно узнал от пріятеля о возможности уѣхать на Камчатку рабочим к эстонцу-рыбопромышленнику, — он с радостью ухватился за эту возможность вырваться из надоѣвшаго города.

***

Проклятый хозяин!.. Посылая ему безконечное множество всяких нелестных пожеланій, Олесов с яростью мыл в холодных струях Анадыря принадлежности икряного производства. Конечно, — развѣ справедливо заставлять работать дольше других?.. Всѣ рабочіе уже разошлись по баракам, а он, только потому, что работает без помощника, должен задерживаться дольше всѣх, когда в поселкѣ, что в 12 верстах вниз по рѣкѣ, сегодня — „вечерка".

Интересно бы посмотрѣть!.. Черт!.. Если-бы ребята подождали его.. Взглянуть бы на эту замѣчательную Машу, кра-

савицу - камчадалку, невѣсту, за которой отец дает 1000 америк. долларов приданнаго, не считая сѣтей, дома и собак...

Ах, дьявол!.. Вон, уже пошли разнаряженные, пріодѣтые рабочіе с проводниками... Опоздал, конечно...

Олесов с бѣшенством бросал вещи своего рабочаго обихода и ругался громко, сочно и искренно...

Развѣ теперь догонишь их?!

Сбросив грязный передник и умывшись, Олесов все же стал переодѣваться... Облачившись в купленный в факторіи Гудсон-Бея костюм золотоискателя с сѣвера Канады или Аляскн и накинув на плечи клѣтчатую цвѣтную куртку, Олесов рѣшил отправиться в поселок один, берегом рѣки. Был седьмой час, и часа через 2 - 3 он разсчитывал быть уже на мѣстѣ. Сунув в карман флягу со спиртом, он махнул рукой оставшимся в баракѣ товарищам и вышел.

Черная густая поросль бороды и усов на обвѣтренном, потемнѣвшем лицѣ и невысокая коренастая фигура дѣлали его внѣшность мрачной; он производил впечатлѣніе человѣка сильнаго и грубаго. И только глаза, большіе, каріе, довѣрчиво смотрящіе, разрушали первое невыгодное впе-

чатлѣніе.

Обнаженный отливом берег рѣки тянулся широкой песчаной полосой версты на полторы и скрывался за поворотом. Идя по берегу, у самой воды, по влажному твердому песку, в котором не успѣвали тонуть ноги, — Олесов, прибавляя шаг, думал о предстоящем удовольствіи увидѣть свѣжія дѣвичьи лица и досадовал на себя, что не побрился.

За поворотом берег стал выше и обрывистѣе. Вскорѣ Олесову пришлось обходить и перелѣзать скалы, перепрыгивать камни и брести по водѣ, но несмотря на эти трудности, он, насвистывая, бодро двигался вперед.

Время шло. Взобравшись на большую скалу, Олесов оглядѣлся. Насколько был виден берег, всюду были камни и цѣлыя глыбы, навороченныя друг на друга.

Олесов уже сильно устал и со злобой глядѣл на безконечныя скалы, тянувшіяся перед ним неумолимой сѣрой грядой.

Взглянув на запѣнившуюся воду, Олесов сдѣлал одно непріятное открытіе, заставившее его серьезнѣе задуматься над своим положеніем: начался прилив... Идти вперед или возвращаться назад имѣло для него одинаковые шансы: прилив шел быстро, и Олесов не успѣл бы достичь песчаной полосы берега. Отвѣсная береговая стѣна была неприступна, и двѣ попытки Олесова взобраться на нее окончились неудачей.

Сѣрыя сумерки полярной лѣтней ночи окутали землю. Было 9 часов вечера, но солнце, скрывшееся на короткое время, еще не погасило своих лучей, блиставших на облаках и окрашивавших пол-неба в огненно-красный цвѣт. Стало холодно.

Мутныя приливныя волны с журчаньем и плеском разбивались о камни. Берега, насколько хватал глаз, были пустынны. Только далеко, далеко в зеленой щапкѣ хвойных лѣсов с черными и коричневыми пятнами скал и трещин, тянулись на сѣвер отроги Чукотскаго хребта... Ни пѣнья птиц, ни бабочек не было видно и слышно в этой забытой странѣ. Только печальные крики бѣлоснѣжных чаек, носившихся вокруг, оживляли пустынный и грустный пейзаж...

— Черт возьми! — подумал Олесов, с возрастающей тревогой осматриваясь вокруг: — занесла же меня сюда нелегкая!.. Что я теперь буду дѣлать? Ни впѐред, ни назад... и вверх не взлѣзть.. Вот положеніе!.. Хоть бы какой-нибудь чучка на

своем канкѣ появился, что-ли... С радостью отдал бы ему пол-фляги спирта, — только-б вывез меня отсюда.

И, вдруг точно по волшебству, его взгляд замѣтил маленькую черную точку на серединѣ рѣки... Скрываясь в волнах и появляясь снова, точка приближалась, быстро росла, и скоро можно было ясно разглядѣть, что это была лодка с одним гребцом.

Олесов сорвал с плеч куртку и стал размахивать ею и кричать изо всѣх сил.

Охрипшій и уставшій, начавшій уже терять надежду, Олесов, наконец, с радостью увидѣл, как лодка быстро и рѣзко повернула в его сторону, и через нѣсколько минут небольшой, сдѣланный из оленьих шкур, натянутых на деревянный остов, каик приблизился к скалам и остановился в нѣскольких шагах от Олесова.

Пораженный, в неописуемом удивленіи, он смотрѣл на сидѣвшую в лодкѣ женщину.

Что она была бѣлая, европеянка, — в этом не было сомнѣнія... Из-под коричневаго пилотскаго шлема непокорно выбивались золотистыя кудри. Одѣта она была в мужской костюм, — галифе, защитную рубашку, светр и высокіе ботинки. У

ног ея лежал винчестер, у пояса висѣл нож.

Сѣрые глаза ея нѣсколько удивленно, но внимательно и серьезно оглядѣли Олесова; потом она спросила по-англійски:

— Ху ар ю?.. Уэр ар ю фром?.. (Кто вы? Откуда?)

Неожиданная встрѣча смутила Олесова, и, вспоминая забытыя англійскія слова, он отвѣтил хрипло и сбиваясь:

— Ай эм... фишман... Рошен фиш воркер... Рабочій с рыбалки...

Глаза незнакомки смягчились, и, улыбнувшись, она сказала по-русски с легким акцентом:

— Вы с рыбалки?.. Сверху?.. От Промышленной Компаніи? — Она указала рукой вверх по рѣкѣ. — Но как вы очутились здѣсь? И в такое время...

Краснѣя и путаясь, Олесов разсказал о своем неудачном путешествіи. Женщина слушала и в то же время внимательно и странно-пристально разглядывала Олесова. Потом, как бы приняв какое то рѣшеніе, она проговорила:

— Хорошо, садитесь в лодку... Я вас довезу до поселка... Прыгайте на этот камень, а потом шагайте сюда, на корму...

Олесов прыгнул с камня, на котором

стоял, на другой, но поскользнулся и упал
в воду.

— Фу, какой вы неловкій!.. Смотри-
те, не опрокиньте лодку... — сказала жен-
щина, и в ея глазах блеснули искорки нас-
мѣшки.

Сгорая от стыда, мокрый Олесов мол-
ча забрался в лодку. Оттолкнувшись, жен-
щина ловко заработала веслами, вывела
лодку на середину рѣки, и, подгоняемая
стремительным теченіем, она понеслась впе-
ред.

— Как же вы появитесь мокрым на
вечерѣ? Вам надо сначала обсушиться, —
послѣ долгаго молчанія проговорила жен-
щина, подбирая ноги от струйки воды,
стекавшей с одежды Олесова.

— Да... Конечно... — смущенно отвѣ-
тил он. — Я постараюсь зайти куда-нибудь
в дом и подсушиться... Мнѣ очень стыд-
но, что я так неловко свалился в воду...

Женщина ничего не отвѣтила. Быстрым
и сильным движеніем она повернула лодку
к противоположному берегу.

— Берите это весло и правьте вон к
тому мысу... — сказала она повелительно
и строго посмотрѣла на Олесова.

Он молча повиновался.

Поровнявшись с мысом, женщина, силь-

но выгребая, вывела лодку, на тихую, спо-
койную воду, и изумленный Олесов увидѣл
в глубинѣ небольшой лагуны, у подножья
береговых скал, круглую канадскую па-
латку.

— Это — что? — удивленно спросил он.

Женщина засмѣялась и спокойно ска-
зала:

— Это—мой лагерь... Я здѣсь живу...
Я вам дам костюм, и вы переодѣнетесь...

— Право, я не заслуживаю такого вни-
манія, э... э... сударыня... Я могу обсу-
шиться просто у огня... — проговорил Оле-
сов, не зная что говорить дальше.

Лодка заскрипѣла по песку и, уткнув-
шись носом в берег, стала. Женщина лов-
ко выпрыгнула из лодки, за ней выбрался
Олесов.

— Вытяните лодку на берег! — бро-
сила она ему и скрылась в палаткѣ.

«Ну, вот, кажется, я и дождался прик-
люченія!.. — подумал Олесов, вытаскивая
лодку. — Оказывается, исторіи, о которых
писал Джек Лондон, дѣйствительно бы-
вают в жизни. Кто она?.. Здѣсь, в этой
странѣ, совершенно одна... И почему она
привезла меня сюда?

— Идите, переодѣньтесь. Я вам приго-
товила одежду. Потом будем закусы-

вать... Все равно, вы на вечерку опоздали... Останьтесь здѣсь, у меня. А завтра я отвезу вас на рыбалку.

Женщина говорила спокойно, просто, как будто вопрос был рѣшенный. Она сняла шлем, и золотистые вьющіеся волосы пышной волной обрамили ея лицо. В сѣрых глазах вспыхивали и потухали искорки любопытства и смѣха, губы улыбались чуть-чуть насмѣшливо.

Олесов вошел в палатку. Стол, стул, складная кровать, сундук и груда мѣхов в углу, — это было все убранство палатки. Переодѣвшись в приготовленное платье, Олесов заглянул в висѣвшее зеркало и увидѣл свою мрачную физіономію. Представив себѣ свою странную незнакомку, молодую и изящную, Олесов со внезапной силой почувствовал вдруг, что и ему только 24 года, что он также молод и не дурен, и что ему непремѣнно надо побриться.

— Садитесь вот сюда... Яичница с ветчиной послѣ безконечной рыбы во всяких варіаціях должна вам показаться особенно вкусной. Что вы пьете, — спирт или виски?..

Женщина накрыла ящик скатертью, и от двух приборов, накрытых на импровизированном столѣ, повѣяло на Олесова давно забытым уютом.

— Я не пью, — храбо отвѣтил он, радуясь, что от него не пахнет спиртом.

Приключеніе становилось интересным, и только сознаніе, что с утра он должен уже быть на рыбалкѣ, омрачало его настроеніе. Маленькая женщина с золотистым потоком волос, с загадочной иронической улыбкой, — эта женщина заинтересовала Олесова сразу.

— Извините меня,—сказал он, с наслажденіем отхлебывая чай с ромом, — но скажите, почему вы здѣсь... одна...

— Я осталась одна. — Мое имя — Маріон Брансон... Мы с мужем (он — золотопромышленник) пріѣхали сюда встрѣтиться с партіей золотоискателей, отправленной мужем. Двѣ недѣли назад он уѣхал с чукчей вверх по рѣкѣ, к горам. Сегодня я ѣздила в становище к чукчам и узнала, что мой муж и его проводник убиты...

Маріон опустила голову, но печали не было слышно в ея голосѣ.

— Мой муж был жестокій человѣк. Он был силен и груб... Я ненавидѣла его, но... я люблю сильных мужчин, а он умѣл подчинять, требовать и заставлять... Его убил начальник партіи... Он давно влюблен в меня и грозился, что, все равно, в концѣ концов, он добьется своего... Черри

не знал этого и сдѣлал его своим довѣренным... Теперь я жду, что не сегодня — завтра, этот ужасный человѣк явится сюда... Конечно, я могу скрыться в поселкѣ, но я не хочу этого, не хочу казаться трусливой... Я хочу достойно встрѣтить его... Вы прямо посланы мнѣ самой судьбои... Надѣюсь, что вы не оставите меня без защиты...

— Конечно, конечно!.. — воскликнул Олесов, ошеломленный слышанным. — Я всегда готов помочь вам, но только, вот... как быть... — он замялся.

— Ничего, вы останетесь здѣсь. Я оплачу вам весь сезон... Сколько стоят ваши вещи, оставленныя на рыбалкѣ... Ста долларов достаточно?

— Вполнѣ! — отвѣтил Олесов, удивляясь в душѣ необычайности своего приключенія.

* * *

Два оглушительных выстрѣла, прокатившихся в глубинѣ ночи, заставили Олелова вскочить с кучи мѣхов, на которых он спал в одном углу палатки. Рука его наткнулась на винчестер, лежавшій у самого его локтя. Замѣтив невольно, что кто-то сдѣлал это нарочно, Олесов оглядѣлся:

палатка была пуста, занавѣс, за которым находилась кровать Маріон, был отдернут, и там никого не было.

Схватив винчестер, Олесов выскочил наружу.

За большой глыбой камня, около самой палатки, стояла Маріон с револьвером в рукѣ. В молочных сумерках ночи Олесов разглядѣл впереди, шагах в 200 по берегу, вытянутый на лѣсок каяк, и, за таким же прибрежным камнем, расплываясь в утреннем туманѣ, темнѣла фигура высокаго мужчины, который что-то кричал, подняв вверх руку.

— Он! — прорѣзала мысль, и Олесов почувствовал, как острый холодок побѣжал по его спинѣ.

— Сюда!. сюда!.. Скорѣе! — задыхаясь проговорила Маріон, дѣлая знак ему и не спуская глаз с пріѣзжаго.

Человѣк яростно закричал, увидѣв Олесова, и, вскинув винчестер. выстрѣлил. Просвистѣвшая пуля пробудила Олесова. Оцѣпененіе, охватившее его, прошло.

— Прячьтесь же!... Не стойте на виду!.. Он убьет вас... — с отчаяньем крикнула Маріон.

Олесов, нагнувшись, подбѣжал к скалѣ и присѣл рядом с Маріон.

— Он? — спросил он, хотя это было излишне.

Маріон молча кивнула головой и судорожно сжала в дрожащей рукѣ револьвер.

— Убейте его!.. сказала она, глядя сухими расширенными глазами на Олесова. — Убейте его!.. Вы должны убить его! Иначе он убьет, и вас, и меня... Поняли?

Убить человѣка!.. Мысль эта поразила Олесова, наполнила душу ужасом.

— Вот он!. Стрѣляйте, стрѣляйте же!.. — и рука Маріон легла на плечо Олесова.

Прикосновеніе это, как ток, пронизало его. Слегка поблѣднѣв, он поднял винчестер и прицѣлился... Теперь он рѣшил, что убьет не только этого человѣка, но всѣх и каждаго, кто только посмѣет близко подойти к Маріон, даже самого Черри Брансона, если бы он явился с того свѣта... Он понял, что любит ее и будет сражаться за не хоть с цѣлой арміей врагов.

Прогремѣл выстрѣл...

Закусив губы, мертвенно блѣдная, Маріон, не выдержав, вышла из-за прикрытія и пошла к замолкшему врагу. Олесов вскочил, и опережая, и загораживая ее, побѣжал вперед, готовый каждый момент выстрѣлить.

Громадный чернобородый мужчина лежал за камнем, уткнувшись лицом в окровавленный песок, и струйка крови темнѣла на его лбу. Со странным чувством любопытства и ужаса смотрѣл Олесов на труп убитаго им человѣка, переживая неизвѣданное ощущеніе убійцы.

Тяжело дыша, Маріон также смотрѣла на убитаго, и злое торжество свѣтилось в ея глазах, таилось в тонких насмѣшливых губах. Наклонившись, она увѣренным движеніем разстегнула рубашку у убитаго на груди и, достав какой то пакет, спрятала его в карман. Потом взглянула на Олесова, с нѣмым вопросом глядѣвшаго на нее, и почти спокойно сказала:

— Это — мой муж, Черри Брансон...

Покачнувшись, Олесов закрыл глаза рукой и безсильно опустился на камень.

***

Костер весело трещал, бросая красныя пятна на лица сидѣвших. Олесов сидѣл с опущенной головой и слушал разсказ Маріон. Поправляя и откидывая свои, красные в отблескѣ огня, волосы, она возбужденно говорила:

— Я ненавидѣла Черри всѣми силами своей души!.. Он был груб, некультурен и... богат... Он взял меня из бара в Сан-

Франциско... Он пріѣхал туда отсюда, с Анадыря, страшно богатый... Влюбился в меня и сдѣлал мнѣ предложеніе... Мнѣ опротивѣла грязная кабацкая жизнь, и я согласилась... Он поразил меня своей силой, волей, настойчивостью и упрямством. Силой дикаго человѣка.. Это было так ново для меня! Я стала его женой... Но как я была несчастна! Бог мой, как я была несчастна! Он ревновал меня, как Отелло, мучил и из ревности, боясь, что я уйду от него, он увез меня сюда... Три дня назад он со старым чукчей поѣхал на покинутый русскими пріиск и должен был на завтра вернуться, но буря на рѣкѣ задержала его.. Встрѣтив вас, я вдруг рѣшила привести в исполненіе безумную мысль освободиться от него... Вы производите по внѣшности впечатлѣніе человѣка, столь же сильнаго, как и Черри... Я поэтому и увезла вас к себѣ и рѣшила задержать... Я вас ввела в заблужденіе... Я ждала его все время и когда увидѣла подъѣзжающим в своем каикѣ, я спряталась за скалу и стрѣляла, но убить его я не могла... Я прострѣлила его каик, и он был принужден пристать к берегу. Он побѣжал сюда, но в это время вышли вы, и он остановился... Вот и все. Простите меня...

— она нѣжно коснулась руки Олесова. — Я теперь свободна... Знаете ли вы, что такое свобода? Что значит быть независимым от него! Боже мой, любить кого хочешь, жить как хочешь!.. Я не жалѣю и не раскаиваюсь, — он заслужил это! А вы... Не мучайтесь, вѣдь, вы убили его, защищая женщину...

Олесов не отвѣчал. Помолчав и вздохнув, Маріон продолжала:

— Странные вы, русскіе... Я жила во Владивостокѣ два года среди русских и, все-таки, не могу вас понять... Вы можете сильно и красиво любить и переживать, приносить себя в жертву, но вы не такіе, как американцы... Американец на вашем мѣстѣ не стал бы долго раздумывать и мучиться, как вы, а спокойно стал бы защищать меня... А вы, навѣрное мучились над вопросом, этично или не этично убить человѣка, хотя он тоже убил бы вас, не раздумывая... Я люблю сильных людей... Но они мнѣ очень надоѣли, — поспѣшно добавила она.

Олесов поднялся и, подойдя к Маріон, спросил:

— Любили-ли вы Черри Брансона?

— Нѣт, — покачала головкой Маріон, с удивленіем смотря на него.

— Ну, а раньше? Прежде? Любили-ли вы кого-нибудь, Маріон?..

— Нѣт...—едва слышно отвѣтила она, опуская голову.

Олесов наклонился к ней и, подняв ея лицо, поцѣловал крѣпко в губы...

* * *

— Завтра мы снимаемся с лагеря... Спустимся в лодкѣ по рѣкѣ до Маріинска и сядем на первый японскій пароход, отходящій в Петропавловск... Оттуда на русском пароходѣ — прямо во Владивосток... Денег у нас много, а впереди вся жизнь... — Глаза Маріон блистали, как звѣзды, и от радостнаго возбужденія она была еще прелестнѣе.

— Тебѣ придется не бриться и временно притвориться больным... Ты будешь Черри Брансон, мой муж, котораго я везу в Петропавловск... Всѣ бумаги, удостовѣряющія тебя, как Брансона, я взяла у него... тогда...

И, заглядывая в глаза Олесову, Маріон с тревогой спросила:

— Увѣрен-ли ты, что твоя мама примет меня?..

ЛУННЫЙ ЯД.

Послѣ обильнаго и сытнаго ужина, выйдя из за стола, мы перебрались на диваны и мягкія кресла, и в ожиданіи добрѣйшаго Павла Ивановича, в одиночествѣ заканчивавшаго свою традиціонную пол-бутылки коньяка, обмѣнивались лѣнивыми и пустыми фразами. Послѣ чудеснаго ужина, мы жаждали столь-же прекрасных разсказов Павла Ивановича; наши души рвались к необычному и чудесному, — в волшебный мір приключеній в чужих, невѣдомых нам странах.

— Что знали, что видѣли мы? Родившіеся и выросшіе на равнинах Манчжуріи, никогда не видавшіе моря, — мы, жители крошечной, затерянной в степях станціи Китайской Восточной желѣзной дороги всегда с жадным вниманіем слушали разсказы Павла Ивановича, в сладком оцепенѣніи переживая всѣ перепитіи его необыкновенных морских приключеній.

Правду-ли он говорил, или подогрѣтый вином и нашим довѣрчивым вниманіем к

его словам, старый морской волк, — Павел Иванович Пѣтушков обильно расцвѣчивал дѣйствительность цвѣтами необузданной фантазіи, — неизвѣстно, но только мы вѣрили ему безусловно.

Наконец, покончив с коньяком, Павел Иванович присоединился к нам и, удобно устроившись в большом мягком креслѣ, благодушно улыбнулся в отвѣт на нашѝ горячія просьбы разсказать «что-нибудь» из его бурной морской жизни.

Закурив свою короткую трубку-носогрѣйку, и окутавшись синим облаком табачнаго дыма, он отхлебнул глоток крѣпчайшаго чаю с ромом и, откашлявшись, начал:

— Этот год, 1912 ой, я никогда не забуду. Вся моя жизнь — вообще одно сплошное приключеніе, но рекордное число их выпало почему-то именно на этот год.

Было мнѣ в то далекое время 25 лѣт. Был я молод, одинок, недурен собой, — безшабашная натура, — все было трынтрава. Служил я вторым помощником на одном небольшом пароходѣ графа Кеизерлинга во Владивосткѣ. Служба была спокойная, не суетливая, — два раза в недѣлю рейсы по побережью, — скот, муку, да корейцев по бухтом развозить, жалованіе

— не то, что одному, холостому, а цѣлой семьѣ с достатком прожить можно. Одним словом, живи себѣ, поживай, да Бога благодари, потому не жизнь, а сплошная масленица! Так нѣт, — куда там! — презирал я от глубины своей молодой души свою службу.

Звучали в моей душѣ невѣдомые зовы жизни яркой, удивительной; приключеній, невѣроятных и страшных жаждал я. Мечтал о страшных ураганах, гдѣ я мог-бы помужествовать со стихіей, об опасных плаваніях, непремѣнно в южных тропических морях, о встрѣчах с пиратами, и о геройствѣ, геройствѣ и геройствѣ...

И вмѣсто этих сказочных возможностей, этого счастья, которое выпадает другим молодым людям, конечно, менѣе достойных нежели я, — сѣрыя будни, грязный пароход, надоѣвшія до тошноты, коровы, бочки, мѣшки, безтолковые корейцы, и скучныя туманныя сопки...

И я искренно считал, что пропадает моя молодая жизнь, созданная для величайших подвигов, что новыя земли откроют другія люди, и мое имя никогда не будет вписано золотыми буквами в міровую исторію... И никаких удивительных приключеній я не испытаю, не извѣдаю

волнующих мимолетных встрѣч с женщинами на палубах огромных пароходов, и не увижу ничего того, к чему так страстно рвалась моя мятежная душа, воспитанная на поэтической литературѣ Майн Рида, Купера и Марріэта.

И я не выдержал, и поднял бунт. Я уволился и стал обивать пороги других компаній и капитанских кают, будучи увѣрен, что всѣ двери и возможности откроются передо мной. Но не тут то было... И в то доброе старое время безработных моряков было — хоть пруд пруди! И стал я с горечью подумывать о том, что придется пожалуй проситься обратно на старую службу, в компанію графа Кейзерлинга. С невеселыми мыслями о таком не блестящем возвращеніи шел я однажды по главной улицѣ города — Свѣтланской, когда неожиданно столкнулся носом к носу с капитаном Шульцем, другом дѣтства моего покойнаго отца.

Обрадованный старик угостил меня знатным обѣдом и за дымящейся чашкой кофе я откровенно разсказал капитану свои житейскія невзгоды. Шульц слушал меня, усмѣхаясь в свои сѣдые усы, и когда я закончил свою исповѣдь патетическим восклицаніем, — он дружелюбно

похлопал меня по плечу.

— Молодо-зелено, — проговорил он, — Всѣ мы прошли через это! Благодари Бога, Павел, что я встрѣтил тебя сегодня. Я буду рад оказать услугу сыну моего лучшаго друга... Хочешь, — я могу тебя устроить к себѣ вторым помощником на яхту «Сѣверная Звѣзда»? Яхта — частная, и совершает большія путешествія, — как раз то, что тебѣ нужно!

Нечего и говорить, что я с восторгом принял предложеніе капитана Шульца. Я видѣл на рейдѣ эту прекрасную, изящную бѣлую яхту, с легким кружевом снастей, чистенькую и сверкающую на солнцѣ начищенными мѣдными частями — и всегда любовался ею. И теперь мнѣ представляется возможность быть на ней помощником капитана и плавать, плавать не по наскучившим берегам Приморья, — а всюду, куда приведет скучающая фантазія хозяина яхты! Конечно, я был счастлив.

Шульц мнѣ разсказал, что он сам недавно получил в командованіе эту яхту, и совершает на ней свое второе плаваніе. Владѣлец «Сѣверной Звѣзды», голландец Ван-Ден-Вайден, богатый негоціант, плавает на яхтѣ поправляясь и отдыхая от переутомленія. На днях, может быть послѣ

завтра, яхта снимается с якоря и отправляется в плаваніе к берегам Камчатки, гдѣ Ван-Ден-Вайден предполагает совершенно возстановить свое расшатанное здоровье крѣпким и чистым сѣверным воздухом.

— Пріѣзжай завтра на борт, — я представлю тебя Ван-Ден-Вайдену и думаю, что он не будет имѣть ничего против, так как все, что касается корабля, находится в моем вѣдѣніи, — сказал мнѣ на прощаніе капитан Шульц.

На крыльях радости, напѣвая, и не чувствуя ног под собой, мчался я по улицам к себѣ домой. На слѣдующій день, тщательно вычистив форменную тужурку и надѣв новый бѣлый чехол на фуражку, гладко выбритый и подтянутый, — я уже в назначенное время подъѣзжал на китайской щампункѣ к бѣлой яхтѣ. Капитан Шульц привѣтливо встрѣтил меня и, пожимая руку, сообщил, что я принят, и могу тотчас-же переѣзжать на корабль в отведенную мнѣ каюту, но что Ван-Ден-Вайден не может меня сейчас принять, так как чрезвычайно нездоров и второй день не покидает постели.

Осмотрѣв весь корабль сверху до низу, заглянув во всѣ закоулки и углы, капитан познакомил меня со своим старшим

помощником, с механиком, показал команду и, наконец, провел в свою небольшую, уютную каюту, куда бой-китаец принес бутылку краснаго вина. Я откровенно высказал капитану свое восхищеніе образцовым порядком и блестящей чистотой корабля, сказал с горячностью, присущей молодости, что уже люблю судно и постараюсь, чтобы и капитан и хозяин яхты никогда не пожалѣли о том, что взяли меня на борт.

— Да, должен сказать тебѣ еще новость, — сказал капитан с лукавой улыбкой, протягивая мнѣ ящик с дорогими сигарами. — На яхтѣ будет один пассажир... то есть пассажирка!

— Пассажирка? — удивился я. — Каким образом? Кто она?

— Совершенно неожиданно ко мнѣ обратилась с просьбой помочь ей добраться до Петропавловска, к родным и к мѣсту своей службы, молодая дѣвушка Таня Воронина... Барышня только что кончила учительскую семинарію и получила службу в Петропавловской школѣ. Я познакомился с ней два дня назад у Бибиковых, и там, узнав, что я капитан частной яхты, она тотчас смѣло обратилась ко мнѣ со своей просьбой. А на второй день сама

пріѣхала на борт, и повторила просьбу, и одним словом, я рѣшил помочь ей. К счастью, хозяин не только не возразил, но наоборот, поспѣшно согласился, чтобы только я поскорѣе оставил его в покоѣ. Бѣдняга, совсѣм плох! Подумай, 25 лѣт он прожил в Шанхаѣ, ведя свои коммерческія дѣла, зашибая деньги, и этот проклятый отравленный климат Азіатскаго Вавилона высушил его в концѣ концов... Но когда он чувствует себя лучше, он обаятелен! Ты сам увидишь это... Но зато, когда его начинает мучить болѣзнь, он по цѣлым дням не выходит из каюты и превращается в злого, нервнаго старика...

— Как твои финансовыя дѣла? — освѣдомился капитан, прерывая себя. — Если тебѣ нужны деньги, — я могу дать аванс. Заканчивай всѣ свои береговыя дѣла, и завтра перебирайся в свою каюту и приступай к дѣлу. Мы выйдем в плаваніе навѣрное послѣ завтра. Старик ни за что не хочет задерживаться здѣсь из-за своей болѣзни. Итак, пока!..

***

Синим, расплавленным аквамарином тяжело расплеснулось во всѣ стороны безкрайное море. Далеко-далеко в голубѣющей туманной дымкѣ гасли один за другим горбы Приморских сопок. Мѣрно постукивая сильными машинами, «Сѣверная Звѣзда» плавно неслась к берегам Японіи, разсѣкая и пѣня сине-зеленую воду.

Стоя на мостикѣ и вдыхая свѣжій солоноватый воздух, я мысленно старался представить себѣ, что дѣлает в настоящую минуту в своей каютѣ Таня... Нечего грѣха таить, должен сознаться, что в первый-же момент, при знакомствѣ с Таней я почувствовал, как в мое матросское, измѣнчивое сердце вкралось какое то новое, странное чувство. Смутное безпокойство, безпричинная тоска, щемившая сердце, пока я был на палубѣ, смѣнялись бурной радостью, распиравшей мою грудь, захватывавшей дыханіе, едва я видѣл стройную, воздушную фигурку Тани.

Я даже раз поймал себя на мысли, что пожалуй, готов измѣнить корабельной каютѣ, — представленная картина семейнаго уюта взволновала мои холостяцкія убѣжденія. Мысль же о том, что в Петропавловскѣ мы должны разстаться, бросала меня в жар и холод и всѣ предстоящія возможности дальних плаваній, все то, о чем я мечтал, — все это сразу тускнѣло и теряло всякую привлекательность.

Пять чудесных, дивных дней, проведенных в солнечном, ярком Хакодате в прогулках, веселых пикниках, вдвоем с Таней и в компаніи с капитаном и Ван-Ден-Вайденом, который оказался дѣйствительно обаятельным человѣком, занимательным и умным собесѣдником — сдѣлали то, что я окончательно поглупѣл от любви и счастья... Я не мог не замѣтить, что Таня и ко мнѣ относилась немножко не так, как ко всѣм прочим, — что-то такое, что радовало меня, проскальзывало в ея поведеніи и отношеніи. Часто, стоя на палубѣ ночью, когда тысячи огней города заливали весь берег, а мерцающіе дрожащіе блики бумажных фонарей на легких японских лодках безшумно скользили по черной водѣ заснувшей бухты, — а в небѣ дрожали огромныя яркія звѣзды и блѣдная луна улыбалась всему бодрствовавшему, — с моих губ готово было сорваться признаніе...

Но сердце так бѣшенно билось, распирая грудь, что нѣмѣл язык и я молчал, как рыба...

— Ты, брат, влюблен, — я вижу, — сказал как-то капитан Шульц, прищурив глаз и грозя мнѣ пальцем. — Моряк, моряк!.. Таня, брат, особая дѣвушка, не чета вашим матросским береговым финтифлюшкам... На ней надо или жениться или оставить ее в покоѣ! Ты понял меня?

Я ничего не сказал в отвѣт, но отлично понял старика, — понял, что на Танѣ именно надо жениться. Со свойственной морякам прямолинейностью, я поставил себѣ цѣлью, жениться на ней, во что бы то ни стало..

* * *

Мы шли мимо одинокой цѣпи скучных, пустынных Курильских островов. Вытянутые в одну линію,—как верстовые столбы — непривѣтливые, голые острова безконечной лентой перекинулись от горизонта к горизонту, сливаясь с туманной далью морского простора. Веселые дельфины, чернѣя крутыми спинками, рѣзвились в притихшей водѣ, легко и беззаботно перегоняя судно...

Когда голубая бархатная ночь навалилась на море, миріады звѣзд повисили на невидимых нитях; Млечный Путь — Божье паникадило, фантастической кисеей перевязал все небо. В тишинѣ уснувшей природы только безпокойно стучали машины, и невиданным чудовищем бѣлая яхта увѣренно неслась вперед, бросая на пѣвучую воду

отраженія своих иллюминаторов. Блѣдный диск полной луны протянул сверкающую дорогу по водѣ к самому судну, заливая мертвыми лучами бѣлыя палубы яхты, вливаясь в широко распахнутыя двери кают-компаніи.

Мы сидѣли за давно остывшим чаем: капитан, механик, Таня и я. Было поздно, но старик Шульц так увлекательно разсказывал, и так было пріятно сидѣть около Тани, чувствовать ее очарованіе, слышать ея голос, ловить взгляды, от которых теплѣло сердце, — что я молил Бога, чтобы ни кто не вздумал посмотрѣть на часы.

Старый Ван-Дея-Вайден второй день не выходил из каюты, и чувствуя себя полными хозяевами, мы держались совершенно свободно.

Мы дружным смѣхом привѣтствовали окончаніе забавнаго разсказа капитана, когда неожиданно торопливый топот ног, крики и тревожные свистки старшаго помощника, стоявшаго на вахтѣ — прервали наш смѣх.

Мы вскочили. Капитан Шульц, поблѣднѣв под своим бронзовым загаром, схватив фуражку, торопливо кинулся к двери и столкнулся с испуганным матросом.

— Капитан! — задыхаясь проговорил он. — Убійство!.. Рулевой заколот ножом... Мистер Янсен просит вас скорѣе наверх!..

Оттолкнув матроса в сторону, капитан побѣжал к мостику. Механик послѣдовал за ним, я же задержался на минуту, чтобы успокоить Таню и проводить ее в каюту.

На мостикѣ, у штурвальнаго колеса я увидѣл капитана, наклонившагося над человѣком, лежащим на палубѣ. Взволнованныя лица помощника, механика, боцмана и нѣсколькихъ матросов говорили, что таинственная драма, разыгравшаяся на суднѣ, этой теплой лунной ночью, потрясла и испугала всѣх.

Я наклонился над трупом и содрогнулся. Матрос был убит предательским ударом в спину. Между его лопаток торчала рукоятка длиннаго узкаго кинжала. Темное кровавое пятно медленно расползалось по его полосатой фуфайкѣ.

— Это было неожиданно, — сказал, волнуясь, Янсен, старшій помощник. Пять минут назад я провѣрил курс в рубкѣ и подошел к рулевому. И едва только я отошел от него по мостику, как он глухо вскрикнул и сразу повалился на палубу... Я кинулся к нему, — он уже был мертв...

— Предательскій удар! — проговорил капитан сурово. — Это месть, господа!.. Уберите трун, — отнесите его в лазарет, — обратился он к боцману. — Господа, прошу вас не терять спокойствія духа. Мистер Янсен, оставайтесь на вахтѣ, я же сію минуту пойду к мистеру Ван-Ден-Вайдену. Утром надо учинить слѣдствіе и допрос команды...

Весь слѣдующій день прошел в безуспѣшных допросах, фантастических предположеніях и пустых разговорах, — ни одной малѣйшей нити к разгадкѣ преступленія не было найдено. Капитан был зол, сердито кусал свои сѣдые усы, ворчал под нос. Такое страшное дѣло было впервые в его практикѣ и моряк был разстроен. Испуганные, встревоженные матросы, шептались в закоулках и в кубрикѣ, и, как мыши, безшумно двигались по палубѣ.

Ван-Ден-Вайден был страшно потрясен происшествіем. Едва говорившій от слабости он чуть не потерял сознаніе, когда капитан, войдя к нему среди ночи, сообщил о преступленіи.

— Кто? Кто? — спрашивал он побѣлѣвшими губами. — Команда — лучшіе матросы; вѣрные и испытанные, честные... Капитан, для того, чтобы ударить ножом в

спину человѣка, надо подойти к нему вплотную... Не кажется вам, что мистер Янсен должен был слышать и видѣть... Вѣдь он был около — не успѣл отойти... Будем осторожны в предположеніях, но. Кинжал, как видите из дорогих. Едва ли он мог принадлежать простому матросу, тѣм болѣе, что никто из команды не видѣл его ни у кого..

— Я не могу согласиться в вашим предположеніем, — отвѣтил, вставая, капитан Шульц. — Послѣзавтра мы будем в Петропавловскѣ и передадим дѣло мѣстным властям. Я не могу никого обвинить, тѣм болѣе своего помощника...

Передавая мнѣ этот разговор, капитан Шульц сказал, что удивлен тоном, каким Ван-Ден-Вайден разговаривал с ним, и что обвиненіе выдвинутое им, кажется ему чудовищным.

— Во всяком случаѣ, — сказал он, — нам придется на нѣсколько дней задержаться в Петропавловскѣ, пока власти произведут слѣдствіе...

Несмотря на трагичность положенія, создавшагося на кораблѣ, для меня это были самыя отрадныя слова, услышанныя за послѣднія сутки...

Остаться в Петропавловскѣ — значит

имѣть возможность видѣть Таню... Разумѣется, я был счастлив!

Пролив у мыса Лопатка, бурный во всѣ времена года, встрѣтил нас мертвой зыбью... Далеко на горизонтѣ засинѣли сопки Лопаткинскаго мыса. Мы подходили к Камчаткѣ.

Ночью, окончив свою вахту, я только что вернулся в свою каюту и сбросил верхнюю куртку, как раздался торопливый стук в дверь.

— В чем дѣло? — разсердился я, думая, что это матрос. Дверь распахнулась, — и Таня вошла в каюту.

Дѣвушка была блѣдна, как смерть, и от волненія не могла говорить.

— Таня!. — кинулся я к ней. — Что случилось?.. Что с вами?..

— Он!.. — проговорила она. — Я видѣла его...

— Кто? Кого вы видѣли? — Я взял ея дрожащія руки в свои и заглянул в синіе, расширенные от страха глаза. — Успокойтесь, Таня...

— Ужасно!.. Я.. я чуть не умерла от страха... Это он, Ван-Ден-Вайден!.. Я вышла из каюты и хотѣла подняться к вам на мостик. Такая луна, что невозможно заснуть... И вот в проходѣ, вдруг столкнулась с Ван-Ден-Вайденом... Он крался, согнувшись и скрываясь в тѣневых мѣстах... О, если бы видѣли его лицо в этот момент... Оно было ужасно! Всѣ черты исказились до неузнаваемости... Такая адская злоба была в нем, что я окаменѣла от ужаса и не могла даже крикнуть... Страх перехватил мнѣ горло... Но всего ужаснѣе были глаза... Жуткіе, не мигающіе, они пронзили меня насквозь... Он как будто искал именно меня, потому что двигался ко мнѣ... Когда он был в двух шагах от меня, я пришла в себя и крикнула... Тогда... Тогда он весь содрогнулся, как от электрической искры, выпрямился и закачался... Потом взглянул на меня другими взглядом, и стремительно побѣжал... И оставил вот это...

И Таня протянула мнѣ длинный, тонкій, блестящій кинжал. Я, пораженный, смотрѣл на него, на Таню и не мог ничего понять. Чувствовал, что что-то страшное происходит вокруг, — какой то адскій заколдованный круг смыкается около меня, Тани и всѣх нас...

— Он — лунатик... — продолжала Таня. — Эта полная спокойная луна вліяет на него... Я поняла это через минуту, послѣ того, как он убѣжал от меня... Но вѣдь

это ужасно... Он убил человѣка в припадкѣ, и шел вторично за тѣм же... И он мог убить вас, капитана, и каждаго, кто встрѣтился ему на пути... Мы что то должны сдѣлать...

— Таня! — сказал я. — Мы должны сказать об этом сейчась капитану! Пойдемте вмѣстѣ, и вы разскажете Шульцу все... Он примет мѣры!.. Но Боже мой, какой опасности подвергались вы... Я готов собственными руками задушить эту старую, двуличную гадину... Ах, почему он не попался мнѣ!..

— Будьте милосердны! — проговорила Таня, дотрагиваясь до моей руки. — Мнѣ его очень жаль... Бѣдный старик! Жить такой двойной ужасной жизнью. Он должен очень страдать!

— Бѣдный стрик? — вскричал я. — Он обвинял... то есть он почти обвинял в преступленіи Янсена, — для того, чтобы никакой тѣни подозрѣнія не было на нем... Притворяться больным, немощным человѣком, и совершать такія чудовищныя преступленія... Этот человѣк — садист, и я буду рад убить его, как только увижу...

— Нѣт, нѣт! Не надо зла! .. крикнула она. — Вы не сдѣлаете этого... — и она так умоляюще посмотрѣла на меня,

что я готов был в эту же минуту схватить ее в свои объятія и сказать, что люблю ее, и мнѣ нѣт больше дѣла ни до кого, и все безразлично, кромѣ нея, милой и единственной.

— Но мы все таки должны сказать об этом капитану, — проговорил я, подавляя в себѣ порыв.

Мы вышли из каюты и рука об руку пошли по палубѣ. Голубая луна сіяла на небѣ, заливая ночной мір колдующим, блѣдным свѣтом, — вызывая у одних лучшія чувства, и толкая других на страшныя и кровавыя преступленія.

— Таня! — сказал я, останавливаясь и переводя дух. — Подождите минутку! Мнѣ надо что то сказать вам... Может быть, это не время, но все равно...

Она с удивленіем взглянула на меня, потом искры смущенія вспыхнули в ея глазах и она опустила голову..

— Таня... — повторил я, беря ее за руку, как вдруг короткій свист прорѣзал воздух, блестящая искра мелькнула перед моим лицом, и длинный, сверкающій кинжал глубоко вонзился в стѣну в двух вершках от моего лица.

Я отшатнулся, Таня же вскрикнула и с ужасом и мольбой прижалась ко мнѣ...

Чья то темная тѣнь метнулась в сторону в двадцати шагах от меня...

— Стой! — крикнул я. Кровь бросилась мнѣ в голову; от злобы и ярости задрожали руки и ноги. Я стремительно кинулся вслѣд за темной фигурой, оставив Таню.

— Лови! Лови! — кричал я, мчась по пустынной палубѣ. — Держи!.. Сюда, ребята.. Янсен, на помощь!..

Тревожные свистки разнеслись с мостика, из кубрика высыпали полуодѣтые матросы, босыя ноги затопали по палубѣ. Капитан Шульц в нижней рубашкѣ, с стрепанными волосами, с старым Смит-Вессоном в руках, выскочил из каюты и тяжело побѣжал ко мнѣ.

С легкостью обезьяны черный силуэт убѣгающаго человѣка в два прыжка взлетѣл по кормовому трапу.. Я взбѣжал на палубу первый, готовый кинуться на этого врага, котораго я уже знал.. За мной тяжелой массой выскочили матросы и подбѣжал капитан Шульц.

— Вот он—убійца! — крикнул я, указывая на прижатую к перилам фигуру. — Он только что метнул в меня кинжал...

— Господин... Ван-Ден-Вайден! — попятился назад капитан. — Что это? Господин Ван-Ден-Вайден, прошу вас объяснить, что все это значит?

— Как видите.. — глухо отвѣтил Ван-Ден-Вайден. — Не подходите ко мнѣ... Я убил матроса, и сейчас метнул кинжал в вашего помощника, потому что он первый попался мнѣ на пути... Если бы это были вы, я кинул бы кинжал и в вас... Я это дѣлал не нарочно.. Я проклятый человѣк, с ужасной наслѣдственностью и лунный свѣт иногда пробуждает во мнѣ кровожадныя и преступныя черты предков... До сих пор я удачно скрывал все, что дѣлал, но всему бывает конец!

— Придите в себя, Ван-Ден-Вайден, — проговорил капитан Шульц. — Я не сдѣлаю вам вреда... Вернитесь в вашу каюту...

— Я уже пришел в себя... — отвѣтил Ван-Ден-Вайден, не двигаясь с мѣста. — Я повторяю, что всему приходит час расплаты... Он пришел и для меня... Но я не дамся вам, чтобы судить меня; на моей совѣсти слишком много преступленій, чтобы люди могли взвѣсить все... Мои предки — морскіе пираты, умѣли убивать, но умѣли и сами умирать... В свой послѣдній час, я хочу до конца быть с ними...

И прежде, чѣм капитан кинулся к Ван-Ден-Вайдену, он перемахнул за борт и изчез в пѣнящейся водѣ...

Мы искали его цѣлый час и, конечно, безполезно..

Когда стали спускать лодку, я вспомнил о Танѣ, и опрометью кинулся туда, гдѣ оставил ее. Она лежала на палубѣ, раскинув широко руки, неподвижная...

— Таня! Таня! — крикнул я, опускаясь перед ней на колѣни. — Простите меня, что я оставил вас...

Она, знаете, лежит и ни гу-гу... глаза закрыты, лицо бѣлое... Вот когда я испугался! Схватил ее, трясу, шепчу что-то, — ну прямо, внѣ себя стал... — Таня, — милая... Танечка!..

Она вдруг, как поднимется, руки протянула ко мнѣ, и — слезы в три ручья... Все плечо и грудь сразу промокли... Чувствую, обнимает, шепчет: — Милый!.. Ненаглядный! Люблю тебя!.. ну и прочее...

— Да, ну, тебя! Пошел уж врать! — перебила, смѣясь, Павла Ивановича, его супруга. — Стала я тебя первая цѣловать, — как раз!.. Воспользовался положеніем, что дѣвушка внѣ себя, сам и начал...

— Ну, ну.. — засмѣялся благодушно Павел Иванович, — сознаюсь, приврал малость... Ну, да вѣдь с вашим братом иначе и нельзя... Только штурмом, да врасплох взять и можно...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сказка морских далей 5

Самсон 34

Тайна сѣверных гор 46

Тринадцатый рейс 63

Тія Божественная 80

Леночка-сан 100

Ущелье желтых камней 117

Шесть часов чужой жизни 133

Очки маленькаго бродяги 150

Шхуна «Марія Магдалина» 167

Маги бѣлой пустыни 178

Женщина в снѣгах 200

Счастливая неудача 220

Любовь маленькой Ся 236

Маріон 247

Лунный яд 265